

Содержание

Предисловие	4
Слово о спелеологии <i>Е.Полищук</i>	5
Войди во мрак... <i>Л.Колодяжная</i>	6
Секция спелеологии МГУ до 1967 года <i>М.Зверев</i>	7
О секции спелеологии МГУ <i>В. Благодатских</i>	13
Валентин Алексинский, каким я его помню <i>Л.Кушнер</i>	14
Воспоминания о Валентине Алексинском <i>С.Соколова</i>	17
Пещеры, Алексинский, молодость <i>Е.Полищук</i>	19
Записки новичка <i>Е.Алексеева</i>	24
Спелеология дала мне друзей <i>Г.Бенце</i>	34
Об одной экспедиции <i>В.Молоствов</i>	37
Секция спелеологии МГУ в конце 60-х годов <i>В.Глебов</i>	40
Кан-и-гут <i>И.Сибиряк</i>	42
Штурм пещеры ТЕП <i>М.Григорян, М.Зверев, О.Панюшева, И.Сибиряк</i>	43
Снежная - экспедиции, штурмы <i>М.Ноздрачев</i>	47
Паводок в пещере <i>В.Глебов</i>	49
Из истории открытия Снежной секцией спелеологии МГУ <i>Н.Чеботарев</i>	54
Экспедиции в Снежную <i>Б.Мавлюдов</i>	60
Парящая под землей Птица <i>Ю.Шакир</i>	68
Как мы открывали новый карстовый район <i>Ю.Шакир</i>	71
Глазами друзей <i>Д.Усиков</i>	78
Шахта Меженного: история открытия <i>А.Дехтяренко</i>	88
Пещера "пошла"! <i>М.Ноздрачев</i>	89
В колодце Серенад и окрестностях <i>В.Горбаренко</i>	92
Тропа к пещере Меженного <i>А.Михалин</i>	96
История исследования пещеры Снежная <i>Т.Немченко</i>	99
Рассказы об экспедициях в Снежную <i>Д.Китаев, И.Костенчук</i>	109
Воспоминания (1982 год) <i>А.Игнатенко</i>	114
В пещере Алексинского (1983 год) <i>В.Горбаренко</i>	115
Алексинского, лето 1990 <i>А.Шелепин</i>	119
Западный Кавказ <i>И.Петрущенко</i>	123
«Ах, этот Западный Кавказ»... История из песни <i>Я.Малаховская</i>	124
Как Коля Чеботарев водил спелеосекцию МГУ на километр <i>А.Шелепин</i>	134
Три дыры, 9 экспедиций и 78 метров завала <i>А.Шелепин</i>	148
Хроника университетской спелеологии в 1981-1996 годах с субъективными комментариями <i>Ю.Косоруков</i>	164
Несчастные случаи в секции спелеологии МГУ	166
Тревожен голос водосточных труб <i>Л.Кушнер</i>	169
Вы мне нужны <i>Л.Кушнер</i>	171
Летние экспедиции спелеоклуба МГУ "Фишт-92-95" <i>Ю.Косоруков</i>	173
На перевале Фишт-Оштен <i>Е.Румянцев</i>	177
Алек: Медвежья, ТЕП, Гигантов... <i>А.Шумейко, Д.Провалов</i>	178
Зимняя экспедиция на Фишт <i>А.Шумейко</i>	183
Последние приключения неугомонных <i>Е.Румянцев</i>	188
Вверх по притоку <i>Н.Шатский</i>	196
Путевые заметки вольного спелеолога <i>А.Гусев, А.Мушенков</i>	198
Воронцовский сонет <i>Т.Шиян</i>	201
Шестая фиштинская <i>А.Шумейко</i>	201
Экспедиции	206
Их познакомила секция	217
Председатели секции (клуба)	218

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло 15 лет со дня выхода сборника, посвященного двадцатилетию спелеосекции МГУ. Многое изменилось с тех пор. На смену «старикам» приходили и приходят новые поколения спелеологов. Почти полностью сменился состав нашего Клуба. Молодежь практически ничего не знает о насыщенной событиями истории нашей университетской спелеологии, ее достижениях и неудачах, подвигах и трагедиях, о людях, которые создавали эту историю. А старшему поколению будет интересно узнать, чем живет наш Клуб сегодня. Попытка воссоединить почти утраченную связь времен, связь поколений — такую цель мы преследовали, создавая эту книгу.

Идея подготовить это юбилейное издание возникла у нас весной. За основу был взят дополненный сборник «XX лет спелеосекции МГУ». Включен в книгу также ряд старых фотографий. Материалы последующих лет были предоставлены авторами написанных в разное время статей. Кое-что было написано специально для этого сборника. Активно использовались также материалы «Вестника Спелеоклуба МГУ».

Редколлегия выражает особую благодарность Юрию Шакиру, Ирине Новиковой, Анне и Михаилу Ноздрачевым, Ирине Чеботаревой, Анне Володиной, Светлане Андреевой, Алексею Кочерину, Евгению Румянцеву и всем тем, чья бескорыстная помощь позволила нам составить и издать этот сборник.

декабрь 1996 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ к сборнику «XX лет секции спелеологии МГУ»

Немало воды утекло с тех пор, как двадцать лет назад Валентин Алексинский повеял в вестибюле физического факультета МГУ объявление об организации секции спелеологии. Из спелеологов первого призыва «иных уж нет, а те — далече» (от пещерных дел). Пришла пора оглянуться на пройденный путь, подвести какие-то итоги.

За эти годы достигнуто немало побед; но случались и серьезные неудачи. Маленькая группа энтузиастов выросла в одну из крупнейших секций страны, с именем которой навсегда связана история открытия и первопрохождения глубочайшей пещеры СССР — шахты Снежная. Через секцию прошли многие десятки ребят и девушек, щедро украсив свою жизнь незабываемыми спелеологическими впечатлениями, обогатив себя неоценимым спелеологическим опытом — опытом воли и терпения, мужества и ловкости.

Этот юбилейный сборник представляет собой первую попытку зафиксировать в том или ином виде основные вехи развития секции. Хочется верить, что в своей совокупности, собранные материалы дадут возможность заинтересованному читателю ясней представить себе, чем жила секция все эти годы.

Инициатива издания настоящего сборника принадлежит М.Звереву. Она была поддержана Ю.Шакиром, взявшим на себя организационные хлопоты, Е.Полищуком, выполнившим редактирование собранных материалов, а также теми членами секции, которые откликнулись на призыв что-либо «вспомнить».

ноябрь 1981 г.

СЛОВО О СПЕЛЕОЛОГИИ

Евгений Полищук

*Бог помощь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!*

А.С. Пушкин

Как много дверей отворяет на протяжении своей жизни человек! Но та дверь, которая ведет в удивительный и таинственный для непосвященных мир спелеологии, — это даже и не дверь. Хотя мы и переступаем какой-то незримый порог, какую-то неуловимую грань, за которой дневной свет постепенно начинает меркнуть, звуки бушующей на поверхности жизни — стихать. Вот уже вспыхивает луч электрического фонаря, на голове появляется каска, а в руках веревка, колеблются тени, щелкает карабин, раскачивается в бездонном мраке лестница, а ставшего спелеологом человека тянет все дальше, в неосвещенные еще коридоры, щели, провалы...

Спелеология! С детских игр в прятки впервые в нас начинает проявляться удивительное стремление — забираться куда-то вглубь, где темно и тесно: под кровать, за шкаф, в подвал. Позже, когда мы играем в войну или в «казаков-разбойников», тот же порыв заставляет нас ползать по канавам, лазить через трубы, забираться в ямы и подвалы. Стоит ли говорить, что с высоты нашего опыта мы легко опознаем эти неосознанные влечения как спелеологические. Таким образом, спелеологический дух, как и все самое важное в человеке, родом из детства.

Но с самими пещерами, за их полным отсутствием в совершенном городском ландшафте мы знакомимся сначала по книгам. Какими же они предстают перед нами? Это пещера «сорока разбойников», которую так лихо штурмовал Али-Баба; пещера циклопа Полифема, едва не ставшая роковой для хитроумного Одиссея; пещера Хозяйки Медной горы, где много дней работал в подземном базовом лагере Данила мастер и другие. Одним словом: «Не счесть алмазов в каменных пещерах»...

Но вот человек подрастает, и вместо сказочной таинственности и притягательности пещер на первый план все резче выступает восприятие их как запретных, враждебных людям. Пещеры становятся частью преисподней, Тартара, местом обитания нечистой силы. Само слово «пещеры» начинает резать слух, в нем обнаруживается какая-то угроза, предостережение, слышится зловещее шипение (может потому, спелеологи редко употребляют это слово, обычно говорят «дырка» или «дыра» — в зависимости от размеров). Воздействие этого слова не объяснить наличием в нем шипящего звука; подобный звук есть, например, и в слове «вершина», однако, ничего настораживающего в нем нет. Еще более мрачно слово «пропасть». В нем, в сущности, уже не предостережение, а краткий прогноз, вероятная перспектива для того, кто дерзнет вступить в запретный мрак: пропасть в подземной пасти. Стоит только прислушаться: сам русский язык предупреждает: «Берегись, ПЕЩЕРА ОЩЕРИЛА ПАСТЬ!»

Однако тем и интересна жизнь, что всегда находятся отчаянные головы, готовые пренебречь пресными резонами, скучными моральями и унылыми соображениями здравого смысла... И вот на сцену являемся мы — спелеологи.

Мы приходим в спелеологию прекрасно молодыми, полными сил, с широко открытыми на мир глазами, как бы возвращаясь в детство и вновь переживая его. Приходим увидеть то, чего не видит обычный человек, ибо глубоко под землей прячется несказанная красота, и кроме нас увидеть ее некому. Приходим для того, чтобы проверить себя, испытать то, что можно испытать только под землей. Риск и мужество, грозящая опасность и преодоление страха — вот лейтмотив спелеологической жизни.

Экспедиция! Это прежде всего резкий пролом обыденного повседневного существования. Время течет по-другому. Люди относятся друг к другу иначе. Устроенный, цивилизованный мир городов становится нереальным, призрачным, причина тому — отчетливое чувство надвинувшейся опасности.

Когда мы строим грандиозные долговременные планы, живем как будто должны жить вечно, то уподобляемся детям, прячущим голову в юбку матери. А заглядывая в пропасть, наклоняясь над ней, мы ощущаем, что приближаемся к тайне бытия. При работе на отвесе постоянная угроза сорваться приближает нас хоть на время к идеалу мудрой жизни: жить, помня о смерти.

Видимо, человек имеет глубокую потребность время от времени испытывать негарантированность жизни. В тайниках души он сознает, что периоды стабильности, упорядоченного существования — лишь паузы и передышки, своего рода сон. Все главное (то есть подлинная жизнь) совершается в моменты глубоких надломов и потрясений, когда возможен любой исход и все зависит от личной стойкости и мужества. И такие занятия, как спелеология, альпинизм, — это современное средство против забывчивости и успокоенности, против иллюзий абсолютной прочности, надежности, налаженности жизни...

Погруженное в рационализм и суету человечество все чаще начинает осознавать насущную необходимость хоть изредка, ненадолго выныривать из житейского моря и отдыхать на берегах одиночества, спасаясь от избытка звуков, красок и прочих чувственных впечатлений.

Говорят, вкус воды понимает только тот, кто изнемогал от жажды в пустыне. Так и сияние солнечного дня, высоту голубого неба, красоту цветущего луга можно оценить только выбравшись из сумрака подземелья, в котором ты провел несколько дней или хотя бы часов. Вот почему частицу своих самых светлых лет жизни мы посвятили пещерному мраку. И как бы ни сложилась дальнейшая жизнь, память нашего сердца будет с любовью сохранять дорогие спелеологические впечатления юности.

сентябрь 1981 г.

* * * * *

Людмила Колодяжная

Самого главного глазами не увидишь.

А. де Сент-Экзюпери

Войди во мрак.
И пусть твой взор
Пути изведает иные,
Предметы отстранив земные,
И неба позабыв простор.
Тогда своей души узор
Воспримешь ты как новь, как дали...
Событья те, что волновали,
Дробили дни, терзали будни;
Часы, что проходили зря,
Мелькнут, случайные, как рябь,
И стихнут в глубине, как будто
В поток ты смотришь с высоты,
И только крупные черты
Мелькнувшей жизни отмечаешь...
Как будто в этот час покой
В душе возник, и с тишиной
Его, как с вечностью венчаешь.

СЕКЦИЯ СПЕЛЕОЛОГИИ МГУ ДО 1967 ГОДА

Михаил Зверев

Осенью 1961 года в вестибюле физфака МГУ появилось воззвание: «Объявляется набор в секцию спелеологии». В малой физической аудитории собралось 15-20 заинтересованных лиц. Валентин Алексинский, студент первого курса, невысокий, плотный, подвижный, с живыми бегающими глазами, страстно рассказывал о чудесах подземного мира. Сам он к тому времени уже побывал в нескольких пещерах Крыма и очень интересно и подробно рассказывал о чувствах, охватывающих человека при знакомстве с пещерными красотами. Вслед за собранием постепенно стала складываться будничная, рабочая жизнь секции. Алексинский проводил тренировки, организовал несколько теоретических занятий. Учебным полигоном стал карьер в Полушкино. Долго дискутировался вопрос: куда поехать зимой на студенческие каникулы. Валя предложил несколько пещер на Урале. Выбор пал на Дивью пещеру.

И вот первая группа спелеологов МГУ отправилась в свою первую экспедицию. Начальником был сам Алексинский, в состав участников: входили Нежура, Галактионов, Короткевич, Косарев, Зверев, Соколова и другие - всего 13 человек. Опыта зимних походов ни у кого не было, пещерного опыта тем более. Нам предстояло от Соликамска добраться до города Ныроб - частично пешком, частично на попутных машинах. А далее пройти еще 18 километров до пещеры. Урал встретил нас сурово, 40-градусным морозом. Ноги в лыжных ботинках без бахил замерзали, лыжи ломались. Во время длинных переездов в открытых грузовиках из нас выдувало последние капли тепла. Алексинский непрерывно всех тормозил, торопил, ворчал на отстающих, но одновременно помогал, советовал и всегда был впереди.

Лагерь мы разбили в лесу около входа в пещеру. Могучие, покрытые огромными шапками заледенелого снега ели и пихты окружали наши убогие палатки. Вход, из которого тянуло теплом, оказался засыпан снегом. Спать в палатках было очень холодно, у костра отогревались с трудом. Некоторые, еще на подступах к лагерю, сломали носки у лыж и теперь беспомощно копошились в снегу, проваливаясь по пояс.

Перед выходом под землю Алексинский произнес страшную речь, призывая всех быть предельно осторожными, громко не разговаривать во избежание обвалов, друг от друга не отходить и так далее и тому подобное.

Пещера произвела сильное впечатление - ведь это было знакомство с совершенно новым, неизвестным ранее миром. Казались чудом тонкие соломинки-сталактиты, дрожащие капли, огромные глыбы в гроте Ветлан. Пещера представлялась сложной - в одном месте даже понадобилась веревка.

У нас был старый план пещеры, и вдруг, неожиданно нам удалось, пройдя в расщелину по какой-то щели, проникнуть в новую, “заозерную” часть. Мы рвались вперед! Работать под землей приходилось до изнеможения - Алексинский спуску не давал. Особенно примечательным был последний выход: после 30-часового пребывания под землей мы мокрые вылезли глубокой ночью на 40-градусный мороз, при тусклом свете фонариков собрали тяжелые рюкзаки, надели лыжи и не евши отправились по лыжне в ближайшую деревню — только так можно было успеть на машину или на поезд, или еще куда-нибудь. До деревни было 3 километра, лыжня шла под гору. Сломанные лыжи то и дело втыкались в снег. Придавленный рюкзаком человек не мог сам подняться в рыхлом снегу, требовалась помощь одного, а то и двоих. С места стоянки около пещеры уходили по одному, по мере готовности, и вскоре весь путь от пещеры до деревни был усеян копошащимися в снегу людьми. Представьте себе картину: глухая ночь, темнота, тревожно шумящий лес, а на его фоне едва живые от усталости и голода, навьюченные до предела, еле бредущие фигуры. Часть пути шла по полю, лыжню замело, и некоторые умудрились заблудиться. Под конец уже не было сил вытаски-

вать из снега упавших людей и приходилось проезжать мимо, не останавливаясь, чтобы вернуться за ними, оставив свой груз в деревне.

Лишь под утро всем удалось собраться в деревенской избе. Хозяева с ужасом взирали на ободранных, измученных людей, которые, ввалившись в тепло, тут же падали, где придется, на пол и засыпали. Спали мертвым, но тревожным сном - во сне вскрикивали.

В целом вся поездка прошла под знаком непрерывной спешки, временами - безделья, а временами - полной отдачи сил. Алексинский проявил себя руководителем жестким, строгим, бескомпромиссным. Польза от экспедиции была безусловная: во-первых, мы приобрели опыт, во-вторых, стало ясно, что пещера обследована не до конца, в нее стоит еще приехать. Но людей в секции было еще мало. Из тех, кто участвовал в зимней поездке, летом поехали в экспедицию лишь три человека...

XXX

Алексинский разворачивает работу по расширению прав секции в университете. Из физфакской секции она стала общеуниверситетской, был налажен контакт с турклубом и его председателем А.В. Яровым, со спортклубом. Алексинский также принимал участие в работе молодой секции спелеологии при московском турклубе во главе с В. Илюхиным.

Следующие экспедиции в Дивью пещеру были проведены в 1963 и 1964 годах. Они завершились большим успехом. В Дальнем гроте пещеры обнаружили щель, из которой дул ветер. В этом гроте организовали подземный лагерь и начали работы по раскопке щели. После многодневного труда был прокопан ход длиной 9 метров, который привел в новую часть пещеры - огромную, чистую, с большим количеством натечных образований. Длину пещеры удалось увеличить более чем в два раза. Она стала равной 3200 метров. Материалы этих экспедиций в 1965 году были опубликованы в книге "Дивья пещера".

К этому времени в состав университетской секции влился небольшой, но сильный коллектив ребят из МЭИ во главе с Виктором Горячевым, а из городской секции перешла Лена Алексеева - гидрогеолог по образованию и такой же энтузиаст-спелеолог, как и Алексинский.

Летом 1964 года было проведено две экспедиции, обе поисковые: одна на Урал - на р. Чусовая, а другая - на Кавказ. На Кавказе были охвачены сразу два района: район Иоркарты-Артлух-Забутль (Дагестан) и район рек Фортанга-Мартан (Чечено -Ингушетия). Ничего особенно интересного найти не удалось, поэтому в конце экспедиции, решили поехать в Новый Афон, в Анакопийскую пропасть - весьма крупную по тем временам пещеру.

Участников собралось довольно много (18 человек), однако опыта работы в вертикальных шахтах почти ни у кого не было. Штурм Анакопийской пропасти начался к вечеру. Первой вниз ушла самая опытная группа: Алексинский, Горячев и другие. В их задачу входила навеска снаряжения до дна (160 метров) и протягивание телефона. Группа уверенно спускалась, с поверхностью поддерживалась устойчивая связь. Ночью пошел дождь, сменившийся ливнем. На поверхности проснувшиеся обитатели лагеря с ужасом увидели, как во входную воронку потек ручеек, который быстро разросся до мощного ревущего водопада. Напрасны были крики в телефонную трубку - телефон молчал. Утро не принесло облегчения. Поток на входе был столь велик, что второй группе - спасотряду во главе с Гапановичем - не имело смысла идти в шахту. Когда дождь кончился и водопад утих, спасотряд начал спускаться вниз и вскоре встретился с ребятами из штурмовой группы. Они были измотаны, оборваны, с охрипшими голосами. С ними случилось следующее: Горячев, который спускался первым, добрался до дна и через узкий лаз выбрался в огромный зал. В зале он услышал неясный гул. Встревоженный, он полез обратно, начал подниматься по лестнице - и тут на него обрушился вал воды. Ему удалось добраться до первого уступа, на котором уже кто-то был. Через несколько часов все смогли собраться вместе в сухом гроте, где и провели все это время, переживая наводнение.

На следующий день под землю спустились и остальные участники экспедиции. Все выбирались в огромный зал, но времени, как всегда, было в обрез, и приходилось срочно возвращаться наверх, не увидев практически ничего из того, чем знаменита Анакопийская

пропасть. Подъем занял очень много времени и сил. Часть участников, особенно девочки, оказалась весьма слабой физически, и на отвесах их пришлось вытаскивать, подобно мешкам. В целом штурм занял три дня, и эти дни все работали с предельным напряжением сил.

Таким было первое знакомство секции с вертикальными полостями. Хотя спуск окончился благополучно, все его участники получили хороший урок. Стало ясно, что с «вертикалками» шутки плохи. Паводок, например, явился для всех полной неожиданностью. Гидрокостюмов ни у кого не было, не было договоренности между штурмовой и спасательной группами о том, как действовать в подобной ситуации. Физическая подготовка некоторых участников была не на высоте, техническая тоже: навешивал снаряжение только Алексинский, распоряжался всеми действиями только он.

Штурм Анакопийской пропасти дал новый импульс для дальнейшего развития секции. Вскоре после него Алексинский оставляет учебу на физфаке, поступает туда на работу сотрудником. Одновременно он становится членом объединенного профкома МГУ и входит в управление университетского спортклуба. У секции появляется своя комната, расширяется агитация новичков. Приобретается новое снаряжение, улучшается качество тренировок, теоретических занятий. Физически очень сильный, Алексинский стремился как можно выше поднять физический уровень членов секции. Устанавливаются зачетные нормы лазания по лестнице: 400 метров для ребят, 200 метров для девчат! Тренировки Валентин проводит сам, проводит их интересно, со знанием дела. После Анакопийской пропасти становится ясно, что особое внимание должно быть уделено работе на вертикали, работе со снаряжением, вопросам тактики. Валентин завязывает сотрудничество с альпинистами. Такие альпинисты, как Кожура, Карацуба, Молчан, неоднократно принимали участие в штурмах пещер. Во время тренировок и экспедиций постепенно выросла дружный, спаянный коллектив.

В то время только-только началось исследование пещер хребта Алек, многие карстовые районы были еще совершенно не затронуты спелеологами. Деятельность секции строилась следующим образом: во время майских и ноябрьских праздников, а также студенческих каникул, в основном организовывались поездки в уже известные пещеры. Лето оставалось для поисков. Поисковые экспедиции работали на Кавказе (район Хамушки - Ткачи - Лаго-Наки), Алтае (р. Ануй, Солонешное - Усть-Кан - р. Катунь), Средней Азии (р. Учам, р. Пскем, Чаткальский хребет). В летних поездках принимало участие 20-30 человек. К сожалению, во всех этих районах не удалось найти сколько-нибудь больших полостей; сложные спортивные штурмы проводились лишь в известных ранее пещерах.

Алексинский взял четкую установку: в ближайшее время силами секции МГУ провести штурм всех крупнейших шахт Союза. Исполнение этого плана было решено начать с Молодежной. Зимой 1965-66 годов на маршрутной комиссии происходило утверждение экспедиции. После длительных, изнурительных и весьма бурных дебатов комиссия не выпустила группу в Крым. Тогда Алексинский сумел выдвинуть и «протащить» запасной вариант - Кавказ, пещеры Назаровская и Величественная. В составе группы были и новички (Жмакова, Хабаровская и другие), для которых планировались учебные выходы.

Приехав в январе 1966 г. на Алек, мы были приятно удивлены: светило яркое теплое солнце, под могучими, местами зеленеющими буками и каштанами кое-где цвели цветы. Лагерь мы поставили над пещерой Величественной, воду брали из ручья, втекающего в эту пещеру. Начался штурм. Было известно, что в этой шахте есть два места, которые могут быть непроходимыми во время ливня, поэтому сразу же в пещеру потянулись провода тяжелого военно-полевого телефона. Ушло под землю несколько групп и снова, как при штурме Анакопийской пропасти в 1964 году, начался ливень. Лестница на верхнем отвесе оказалась как бы направляющей для водопада метрового диаметра. Для помощи поднимающимся снизу людям с поверхности ушла группа, рассредоточившаяся по уступам в верхней части пещеры. В то время еще практиковалось оставлять на уступах людей для организации верхней страховки; такая тактика была характерна для начальной поры освоения вертикальных полостей, которые не были очень глубокими. Так, например, при первых штурмах многих шахт Крыма на каждом уступе обязательно оставался человек. Зачастую бедной жертве приходилось по 10-12, а иногда и по 20 часов дрожать от холода, находясь в одиночестве на крошечном уступике над колодцем и ожидая возвращения товарищей.

То же случилось и у нас. Возвращение работавших внизу групп растянулось на 8-10 часов, и все это время на уступах, тщетно пытаюсь укрыться от брызг водопада, мокрые, без гидрокостюмов, находились люди. Помогали согреться лишь песни да слабое пламя свечи. Снизу ребята выбирались уставшими, охрипшими. Ругаясь и фыркая, они поднимались точно по центру мощной струи водопада.

Весь следующий день ушел на перевешивание лестниц в верхних колодцах пещеры, и лишь через день удалось спуститься на дно. Природа приготовила еще один сюрприз: когда в лагере все спали, вернее, пытались уснуть, плавая в спальнях мешках по лужам внутри палаток, а снизу поднималась последняя группа, вынимая снаряжение, начался сильнейший снегопад. За несколько часов лагерь, вещи, дрова - все оказалось под снегом. То утро было суровым для всех - и для тех, кто поднялся из-под земли, и для тех, кто вылезал из палаток.

Тем не менее сроки поджимали, и на следующий день был начат штурм Назаровской. Опять спешка, хриплые, шепотом, приказы Алексинского (давал себя чувствовать предыдущий штурм), сборы транспортных мешков, поиск под снегом лестниц, веревок, карабинов... Дно пещеры (тогда ее глубина была около 360 метров) было достигнуто лишь штурмовой тройкой, в которую вошли: Алексинский, Благодатских и Габор Бенце — венгерский спелеолог, который учился в то время на биофаке МГУ. Все трое были одеты в гидрокостюмы из толстой резины. Такой гидрокостюм весил около восьми килограммов и был очень неудобен для движения: на лестнице приходилось каждую ногу переставлять с помощью рук. У самого дна лестницы и веревки кончились, для спуска использовали одинарный репшнур...

Чтобы низвергающаяся сверху вода не заливалась внутрь гидрокостюмов, у них были капюшоны, затягивающиеся с помощью веревки. Конец веревки обычно держали в зубах, так как затягивать узел в толстых рукавицах с двумя пальцами было практически невозможно. В 20-метровом колодце с сильным водопадом у Габора внезапно погас свет; от неожиданности он выпустил изо рта веревку - гидрокостюм немедленно наполнился водой. С огромным трудом Алексинский и Благодатских смогли вытащить вверх продрогшего, но бодрого человека весом в несколько центнеров...

Под землей одновременно работало несколько групп: штурмовая, топосъемки, фото-съемки. Их работа была организована весьма четко, каждый знал свое дело... В первую очередь на поверхность стала подниматься нижняя тройка, проработавшая в пещере уже более суток, все остальные пропускали их, организовывали страховку и подтягивали на отвесах. Когда эта тройка подошла к основанию верхнего колодца, ее ждала очередная неприятность: лестница и веревка обледенели, кое-где они смерзлись друг с другом, ступеньки были покрыты толстым слоем льда, их едва можно было обхватить рукой. Ни о какой само страховке прусиком не могло быть и речи. Первым вверх пошел Алексинский, страхуясь двумя карабинами попеременно за тросы лестницы и сбивая молотком лед со ступенек. Снизу подошли остальные группы, на дне колодца образовалась огромная “пробка” из медленно замерзающих, уставших людей...

Алексинский вылез на поверхность, веревки были заменены. Степень усталости участников штурма достигла апогея; так, например, подняв с верхней страховкой очередного человека на одном из отвесов, Благодатских перестал откликаться на крики снизу. Удалось связаться с людьми, находящимися этажом выше. Встревоженный, спустился оттуда человек, чтобы узнать, что случилось с Виктором, и увидел - тот крепко спал, сидя на уступчике над колодцем, привалившись к мокрой холодной стенке и держа в руках страховочную веревку...

Цели экспедиции были достигнуты - прошли до конца и отсняли обе пещеры. Но удалось этого добиться ценой невероятных усилий. Работали “на износ”, до полного изнеможения. Конечно, очень не повезло с погодой - дожди, снег, мороз. Но в то же время стали ясны значительные пробелы в подготовке: непригодность на лестницах тяжелых гидрокостюмов, неумение многих работать на отвесах и т.д. и т.п.

Весной 1966 года, во время майской поездки в Крым, была покорена шахта Молодежная. А осенью предыдущего года организован и успешно проведен, в содружестве с альпинистами университета, штурм шахты Каскадной. Таким образом, ближайшая цель, по-

ставленная Алексинским перед секцией — покорение всех глубочайших шахт Союза — была близка к завершению.

Рассказ об истории секции МГУ не будет полным, если не упомянуть об ее отношениях с городской секцией спелеологии, возникшей практически одновременно с нами, но вскоре захватившей руководящие места в Центральном Совете по туризму, в маршрутных комиссиях и ставшей нашим спелеологическим начальством. Отношения с «городом» ухудшились после поездки на пленум в Красноярск в 1964 году, в которой от МГУ были Алексинский и Гапанович, а от городской секции - Илюхин. Между Алексинским и Илюхиным возникли какие-то разногласия, подробности были известны весьма малому кругу лиц. В дальнейшем эти отношения ухудшились до такой степени, что Илюхин и его ближайшие соратники противодействовали секции МГУ во всех ее проявлениях. Не упускалась любая возможность умолчать о работе секции или «полить ее грязью». Оформление экспедиций в городской маршрутной комиссии крайне осложнилось. Со стороны это может выглядеть дико, но был случай, когда маршрут не утверждали из-за того, что в списке снаряжения не были записаны спички.

Такое отношение к нам вело к тому, что не все действия и планы секции, все ее планы не обнародовались, чтобы уменьшить противодействие со стороны “города”. Во избежание «утечки информации» большинство членов секции оставались весьма мало осведомленными. С одной стороны, спелеологическая жизнь бурлила, а с другой стороны, все было покрыто мраком секретности. Это усугублялось и некоторыми чертами характера самого Алексинского, буквально насаждавшего в секции атмосферу таинственности и недомолвок. Подобная политика не могла не сказаться на отношениях между ним и рядовыми членами секции.

В результате в 1965 году от нас отделилась группа во главе с Виктором Горячевым, который организовал самостоятельную секцию при МЭИ. Энергичный и деловой Горячев, понимая, что скоро на пути спелеологии встанут сифоны, сразу берет курс на освоение как подземного, так и подводного мира, и начинает активно действовать в этих направлениях в рамках МЭИ. Отношения между этой секцией и секцией МГУ устанавливаются самые дружественные.

XXX

Наступил 1967 год. Он ничем особенно не отличался от всех предыдущих лет - такие же заботы, те же хлопоты. А между тем приближалась гроза... Зимой, как всегда, на тренировках наступило затишье: шла зимняя сессия, все сдавали экзамены. Но пришли каникулы, и сразу спелеологическая жизнь забила ключом: полным ходом осуществлялась подготовка к экспедиции на Кавказ в район села Отап. Место это было нам уже знакомо — зимой 1965 года мы 7 дней занимались обследованием пещеры Абрскила, делали ее общую топосъемку, фотографировали красоты. И еще пару раз появлялись мы в этом районе в разное время... И вот снова отмеряем веревки, делаем лестницы, пробираемся сквозь рогатки МКК. Руководит поездкой Женя Полищук. Две недели пещерной экзотики пролетают незаметно, остаются яркие воспоминания о нетронутых глиняных и кальцитовых украшениях в колодце пещеры Над Головой Отапа, местном гостеприимстве, ”празднике зятя” (грандиозное пиршество, продолжавшееся три дня) и так далее.

После возвращения в Москву началась будничная жизнь: тренировки, теоретические занятия. Алексинский, наладив тесные контакты с МОИП (Московское общество испытателей природы) и Географическим обществом, старался организовать дело так, чтобы эти организации от своего имени выпускали экспедиции московских спелеологов. Таким образом он надеялся обойти трудности и препятствия, встречающиеся при оформлении поездок в московских МКК (у Илюхина). Организуются лекции по различным разделам спелеологии, их читают разные ученые мужи из МОИП. На стене комнатки секции около бассейна МГУ был вывешен лозунг: “Спелеология — это наука + спорт”.

И вот пришла трудная весна 1967 года. Первое несчастье случилось 8 марта: во время тренировки с аквалангом в одном из подмосковных прудов погиб Горячев — в прошлом

активнейший член секции спелеологии МГУ, организатор и идейный руководитель секции МЭИ. Потеря была столь велика, что жизнь в этой секции стала затихать... В нашей секции тоже ощущалась потеря — ведь Горячева все хорошо знали и любили.

В марте 1967 года Алексинский по одному стал агитировать ребят на Урал: “Есть возможность поехать в экспедицию в пещеру Кутук-Сумган”. Поездка намечалась на конец марта, то есть в середине семестра. У большинства ребят свободного времени не оказалось. В результате набралось пять человек: Валя Алексинский, Лена Алексеева, Галя Гусева, Виктор Благодатских и Виталий Молоствов. Последние трое имели еще очень малый пещерный опыт.

Ребята уехали, а в Москве каждый занимался своими делами. Никто не подозревал, что эта поездка станет роковой, что на ней кончится целый этап в жизни университетских спелеологов, что она разделит историю нашей секции на две части: “до нее” и «после нее».

Под землю ушли все пятеро. В подземном лагере условия были намного лучше, чем на поверхности при сорокаградусном морозе. Несколько дней шла работа по съемке и исследованию новых ходов пещеры Кутук-Сумган. По окончании работы группа пошла на выход. Надо сказать, что эта пещера начинается сплошным 80-метровым колодцем большого диаметра, со дна которого видно небо. У основания колодца обнаружилось, что за время пребывания группы под землей лестница и веревка обледенели, местами они срослись со стенкой и образовали сплошной столб изо льда. Первым вверх пошел Алексинский, сбивая лед молотком и страхуясь за ступеньки лестницы поочередно двумя карабинами. Когда он поднялся примерно на середину колодца, сверху неожиданно полилась вода, Валентин продолжал подъем, перекрикиваясь с остальными ребятами. К этому времени наступил вечер, стемнело. Через некоторое время Валентин перестал отзываться на крики снизу.

Стало ясно, что с ним что-то случилось. На помощь ему пошла по той же лестнице самая опытная из оставшихся в группе Лена Алексеева, надев на себя самодельный гидрокостюм из полиэтилена. По мере того, как она продвигалась, Лена периодически переговаривалась с оставшимися внизу ребятами. Внезапно она вскрикнула и на крики снизу больше не отвечала...

На утро приехавший за ними тракторист, с помощью местных жителей, организовал подъем оставшихся внизу ребят, были подняты и тела Лены и Вали. Медицинские эксперты установили, что в обоих случаях смерть наступила от переохлаждения...

Казалось, все было кончено... Ведь Валя держал в руках все нити управления секцией, только он и Лена были в курсе всех дел. Каково положение дел секции в университете? Какие взаимоотношения со спортклубом МГУ? Как происходило оформление всех дел? Как добывалось снаряжение? И вообще, как можно существовать после всего случившегося? Такие вопросы внезапно обрушились на остальных членов секции...

Но жизнь продолжается несмотря ни на что. Если вы будете проходить вечером около здания Московского университета на Ленинских горах, вы можете встретить группу ребят в спортивных костюмах. И если вы увидите у них веревки, лестницы и другое снаряжение, предназначенное для трудной работы под землей, можете быть уверены — это спелеологи МГУ готовятся к новым штурмам глубин.

февраль 1973 г

О СЕКЦИИ СПЕЛЕОЛОГИИ МГУ

Виктор Благодатских

В секцию спелеологии я пришел в сентябре 1965 года, будучи студентом 2 курса мехмата МГУ.

Секцию возглавлял Валентин Алексинский. Его помощником во всех делах секции была Лена Алексеева. Оба они отдавали секции все свое свободное время. Жизнь секции была напряженной и сложной. Шли регулярные тренировки, проводились теоретические занятия, выезды в субботу и воскресенье за город.

Тренировки в секции были очень интенсивными. Практически все имели индивидуальные планы, которые составлял Валентин Алексинский. Новички на глазах превращались в сильных и тренированных. Достаточно сказать, что некоторые ребята подтягивались по несколько раз на одной руке. На тренировках в манеже мы много занимались и техникой спелеологии, лазили по лестницам, работали с веревкой. Во время загородных тренировок отработывались все технические элементы, но, конечно, и физической подготовке уделялось достаточно много времени. Большое внимание уделялось развитию выносливости, смелости и других качеств, необходимых спелеологам. По совету Валентина многие ребята посещали другие спортивные секции МГУ, ныряли с аквалангом, прыгали с парашютом. Позднее не удалось сохранить высокий уровень тренировок, на котором проводил их Валентин. Нам всем, несомненно, не хватало его тренерского опыта и мастерства.

С момента зарождения секции в ней органически сочетались спортивная и научная стороны спелеологии. Этому активно способствовала серьезная научная база МГУ. В секции были ребята практически со всех факультетов. Многие биологи, географы, геологи писали свои курсовые и дипломные работы по спелеологии.

Душой всей научной работы секции была Лена Алексеева. Она находила заинтересованные научные организации не только в МГУ или в Москве, но и во многих городах Союза. Отправляясь в очередную экспедицию, мы обычно имели обширную научную программу исследования пещер. Здесь были такие традиционные для спелеологов научные задания, как топосъемка пещер, взятие проб воздуха, льда, основных пород, натечных образований, пещерных флоры и фауны. Иногда были и такие экзотические задания, как «Исследование пещер Северного Кавказа как естественных хранилищ при приготовлении сыра». В каждой экспедиции научная программа отнимала у нас значительную часть сил и времени, но мы были горды тем, что не просто лазили по пещерам, а своим лазанием приносили какую-то пользу науке. Я хочу здесь подчеркнуть, что научная сторона спелеологии была такой же неотъемлемой частью наших экспедиций, как и спортивная.

С момента организации секции МГУ у нее были очень напряженные отношения с Московской городской секцией спелеологии. Городские руководители постоянно третировали университетскую секцию как низовую и использовали любую возможность, чтобы ущемить ее и в конечном итоге запретить ту или иную экспедицию. Вечерами шли упорные заседания, писались длинные протоколы, а потом каждая фраза трактовалась по-разному обеими сторонами. Эта борьба отнимала у нас колоссальные силы. Многие члены секции не видели тогда необходимости в такой борьбе и считали, что секция может прекрасно развиваться и без нее. Помню, однажды мы с группой «стариков» пришли к Валентину и потребовали прекратить эту бюрократическую войну, казавшуюся нам никчемной. Вспоминая потом этот период жизни секции, я пришел к убеждению, что без этой борьбы секция была бы раздавлена и прекратила бы свое существование. Выход из этого положения Валентин видел в создании всесоюзной научной спелеологической организации, не подчиняющейся туристским клубам. Некоторые экспедиции у нас уже тогда проводились от Московского общества испытателей природы.

Но эти планы так и остались планами. Весной 1967 года Валентин и Лена трагически погибли на Южном Урале.

Сейчас приятно сознавать, что созданная ими секция спелеологии МГУ продолжает активно работать.

май 1981 г

ВАЛЕНТИН АЛЕКСИНСКИЙ, КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

Лев Кушнер

Алексинского я знаю с осени 1958 или с весны 1959. Мы учились в одном техникуме - МВМТ (Московском военно-механическом, позднее — радио-механическом). Валентин, который был на курс старше, возглавлял тогда альпинистскую секцию. В комнатке на 5-ом или 6-ом этаже, где было свалено что-то из снаряжения, под потолком проходила труба диаметром около десяти сантиметров. Потолок был низковат, но это не мешало испытывать новинки снаряжения на перекинутой через трубу веревке. Валентин учил нас вязать узлы, учил другим альпинистским премудростям, учил многому - даже как избавиться от конвойного, упирающегося тебе в спину штыком.

Весна 1959 прошла почти в еженедельных воскресных (с ночевкой) походах по Подмосковию, тренировках на карьере в Домодедово (пл. 808 км). Той же весной по заданию и под руководством Алексинского я разработал и изготовил что-то вроде ножных самохватов (типа Жумар) с ручным управлением тросиками от велотормозов. Эти сооружения весили килограмма по полтора, веревка в них не вкладывалась, а просовывалась...

Зимой с 1959 на 1960 Валентин возглавил лыжный поход по Мещере.

В августе 1960 Валентин Алексинский, Люся Алексинская (Лыкова), Володя Гостинский и Виктор Семенов поехали в Крым, в пещеры. Тогда они побывали в трех-четыре пещерах, в том числе в Геофизической. Там В.А. сделал первые подземные фотографии. Поднимались на схватывающих узлах, спускались дюльфером или «через три щелчка» (веревка делает два оборота вокруг короткой стороны карабина).

В тот год я ушел в армию. Но бывая в командировках в Москве, я виделся с Валентином, и он «озадачивал» меня.

В результате решения одной из поставленных им задач — обеспечить светом фото- и киносъёмочную группы в пещерах — я в армейской радиомастерской собрал один годный «солдат-мотор» из двух списанных (трехногий велосипед весом около 20 килограммов, способный давать до 100 Вт при мощности солдата 0.5 л.с.) и запросил Валентина о сроках изъятия у меня этого детища (служил я в Муроме Владимирской обл.), но никто за ним не приехал.

Сам Валентин отслужил в армии еще до поступления в техникум. Служба проходила в Коврове или в Горьком, в мастерской имущества связи или электромеханического обеспечения стрельбищ. На этом поприще Валентин занимался рационализаторской деятельностью, за что в качестве поощрения часто ездил в отпуск вне очереди. Его опыт пригодился мне.

В августе 1963 я демобилизовался и поступил в МАИ. Алексинский звал меня в спелеосекцию МГУ, которой он руководил. Там был уже Володя Гостинский, туда же он звал Володю Важова. Это были «выращенные» им ребята из техникума, побывавшие в альплагерях. Я тогда представлял себя в альпинизме, но не «наоборот». Валентин сказал, что тренировки у них не хуже, если не хочу под землю — и на поверхности работы хватит. Так с осени 1963 я стал тренироваться в МГУ. Тренировки проходили два раза в неделю и были довольно тяжелыми. Примерно раз в неделю или в две мы собирались в ЦВ-26 (комнатка в главном здании МГУ, возле бассейна) — узлы, обсуждения, задания на изготовление снаряжения. На меня была возложена разработка герметичного головного освещения. К лету 1964 несколько «брызгозащищенных» фар, довольно безобразных по сегодняшним меркам, но очень проч-

ных, хоть бейся головой о стену, было готово. По словам Гостинского, которому пришлось вылезать из Анакопийской пропасти под водопадом — это была его первая надежная фара...

Осенью-зимой 1963 и весной 1964 в районе Рогачево-Храброво мы под руководством В.А. строили в лесу тренировочную базу. Были выбраны деревья для навесок, в том числе для маятника с полетом на 10-15 метров, и устроен ползучий «шкуродер» — два ряда вбитых в землю кольев, перекрытых бревнами и образующих туннель на поверхности оврага, со склона на склон через мокрое дно. Я даже предлагал для лучшей «шкуродерности» оставить на кольях и бревнах сучки, обращенные внутрь, однако Валентин велел их ликвидировать.

Той же зимой мы выезжали в район поселка Мячково. Каменоломен не нашли, зато на небольшой триангуляционной вышке лазали по веревке на схватывающих узлах.

Осенью 1963 Слава Гапанович привел Виктора Горячева. Потом появились Володя Котенков и Костя Сергеев. Это была схоженная группа туристов-горнотаежников. Горячеву и мне было поручено изготовление пещерного телефона: Валентин готовил экспедиции на Кавказ и на Урал в пещеру Дивью. Интересно, что по телефону Горячева в Дивьей был слышен не только абонент, но и радио Москвы и Свердловска, так как 800-метровый провод связи был превосходной антенной.

Весной на обледенелом склоне Ленинских гор Валентин устраивал занятия по страховке: вниз бежал человек с легким рюкзаком и в шапке (не в каске); когда он поскользнулся и летел вниз, его страховали через плечо.

В июле 1964 была экспедиция на Урал, в частности, в Кизеловскую пещеру. Оттуда было привезено некоторое количество списанных шахтерских фонарей, отражатели которых после полировки вошли в первую «серийную» налобную фару «Лемур». Идея конструкции этой легкой герметичной фары принадлежала Горячеву. «Лемуры» различных типов и размеров мы применяем и сейчас, в том числе и под водой на глубинах до 20 метров.

В августе 1964 Алексинский провел поисковую экспедицию в Центральный Дагестан, бассейн реки Фартанги в Чечено-Ингушетии, с Анакопийской пропастью на «закуску» (вне плана, как компенсация при неудачном поиске).

В экспедиции участвовали: В. Алексинский, Е. Алексеева, В. Горячев, В. Гостинский, В. Важов, М. Зверев, В. Котенков, Л. Кушнер, Галя Носенко, Люся Алексинская, Галя Сидорова, Саша Чуба, Маша Шавырина, Соня Соколова и Тоня Кукина (врач). Экспедиция прошла неплохо, но мое отношение к Валентину в ходе экспедиции стало менее восторженным. Как показали дальнейшие события, невеселый осадок остался и у других участников. Причиной был стиль руководства В.А., когда план дальнейших действий на всю экспедицию, на завтра и на ближайшие часы был известен только ему (иногда еще двоим-троим). Сидишь или идешь, а зачем, не знаешь. Поэтому разбиение группы на поисковые отряды во главе с Гостинским и Горячевым было встречено членами этих отрядов с тихой радостью.

В июле-августе 1965 было две экспедиции под флагом МГУ в Абхазию. Одной руководила Г. Носенко. Кроме нескольких девочек-новичков в ней участвовали Галактионов, Цибанов, Зеленцов. Другой руководил Горячев. С ним работали В. Котенков, К. Сергеев, С. Соколова, Н. Залеская, В. Гапанович, Т. Лим, В. Важов, Л. Кушнер. После этой экспедиции начинается существование «самостоятельная группа Горячева», именуемая сейчас секцией МЭИ. Костяк ее составили участники абхазской экспедиции Горячева, а также Носенко, Гостинский, Зеленцов, Люся Зотикова.

Виктор Горячев не был фанатиком. Он мог, знал и умел больше любого из нас, но главное в его лидерстве заключалось в том, что рядом с ним каждый чувствовал себя не носильщиком, не шерпом, а *сотрудником*, которому доверяют, на которого рассчитывают в меру его сегодняшних возможностей.

Алексинский же был фанатиком. Я не берусь оценивать его квалификацию как спелеолога-исследователя, так как уровень его познаний был выше моего и тогда, и сейчас. Но мне представляется, что главной его целью было быть *первым* в *самой* глубокой, или в *самой* красивой, или в еще какой-либо «самой» пещере. И главной была именно потребность в открытиях, стремление (и весьма ревнивое) прикоснуться первым к неизвестному. Была здесь, видимо, и доля тщеславия, но не ради одних почестей Валентин вкладывал всю душу и силы в подготовку ребят. Конечно, почести были желательным приложением, ведь они по-

зволюли рассчитывать на помощь экспедициям, организованным секцией. Подготавливая спелеологов в физическом и теоретическом отношениях, Валентин, тем не менее, лишь в единицах из них видел полноправных сотрудников. Прежде всего — это Лена Алексеева, в отдельных экспедициях ими были Гостинский, Горячев. Остальные имели свое место в общей иерархии. В принципе, это неизбежно всегда, в любой группе — опыт, знание и умение у людей разные. Но у Валентина само посвящение в таинство спелеологии проводилось в соответствии с положением каждого в этой иерархии. Что это? - недоверие, боязнь утечки информации (при его жажде первенства это весьма реально), боязнь вырастить соперника или армейские традиции (“довести до личного состава в части его касающейся”, как пишут в циркулярных письмах из штабов в воинские части)?..

Как-то на тренировке на вышке я сказал Валентину, что не смогу сделать такое-то упражнение столько-то раз.

— Я лучше тебя знаю, что ты можешь.. Делай!

Был ли это ”педагогический” прием, т.е. давление на психику, или результат наблюдений тренера? Пожалуй, и то и другое.

Зимой 1963-64 годов, вернувшись из экспедиции, В.А. пришел ко мне и спросил, есть ли у меня тиски. Оказалось, что он уронил “Гелиос-44” в 20-метровый колодец на камни, оправа приняла эллиптическую форму, но стекла не треснули. В тисках длины осей эллипса были выровнены...

Изыскания В.А. в области снаряжения были не очень удачными. Как конструктор, как слесарь он был слаб. Валентин сделал “гидру” из полиэтиленовой пленки — и вот тяжело вылезает из Анакопийки, с раздутыми ногами, ложится на спину, поднимает ноги, и “из него” выливается вода...

Но В.А. был непревзойденным мастером в организации тренировок. Изобретательность его здесь была безгранична. Помимо упомянутого маятника с перекладины меж двух деревьев на навеску меж двух других (дотянуться до навески удавалось, лишь отпустив рукой веревку маятника) с перецеплением на самостраховку и спуском по лесенке, помимо самодельного «шкурника» в овраге, помимо, ставших теперь традиционными, маршрутов по Царицынским стенам, был выход ночью без фонаря из каменоломен (Валентин собирал нас в 20-30 метров от входа и каждого отправляемого на выход, а время выхода засекалось по секундомеру, “ослеплял” фонарем); была тренировка смелости и веры в страховку (прыгали с 7-8 метров, на последних 1.5 - 2 метрах В.А. тормозил); была попытка пропустить всю секцию через парашютные прыжки (многие прошли медкомиссию, но где-то в инстанциях застопорилось)... Разнообразие самих упражнений, умение загрузить до седьмого пота, множество занятий по узлам, доведение работы с веревкой до автоматизма, переправа вброд через “горную” реку Пахру в половодье у Сьяново...

В майские праздники 1964 и 1965 годов на тренировочную базу Храброво-Рогачево добирались по азимуту тремя группами с трех разных точек. Группа, в которой в качестве проводника был я (так как я один из этой группы бывал на базе), плутанула и запоздала почти на сутки. К нашему приходу по склонам оврага зигзагами носилась “поисково-спасательная” группа, и нас ждала подогретая каша...

То, что мы знаем и умеем, что нам кажется теперь чуть ли не врожденным, бывает не сразу понятным многим новичкам. Эти знания и навыки копились годами, преимущественно молодыми, от 18 до 28, позднее осмыслились, закреплялись, входили в подсознание. Это тот опыт, который не может быть передан на теоретических занятиях, он передается на тренировках, в экспедициях, то есть при непосредственном общении, в работе. Новичок должен быть морально готов принимать и осмысливать этот опыт, иначе затраченное старшими на его приобретение время не будет им сэкономлено. Что-то нужно принимать как аксиомы, с последующим уточнением, преломлением через собственный накапливающийся опыт. Мы очень многому научились у Валентина. Что-то делаем иначе. Но помним его уроки, это наше коллективное достояние, и мы принимаем решения с учетом его опыта.

май 1981 г.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАЛЕНТИНЕ АЛЕКСИНСКОМ

Соня Соколова

В конце лета 1960 года, возвращаясь в Москву с целины (где мы, восемь биологов-второкурсников, работали в стройотряде физфака), Галактионов Валера, я и еще 5 студентов сошли с поезда в Свердловске, чтобы пройти туристским маршрутом по Уралу. Во время этого похода мы впервые услышали про Кунгурскую пещеру. Однако она лежала в стороне от нашего маршрута, и посетить ее тогда не удалось.

Вскоре В.Галактионов сообщил приятную новость: на физфаке появилось объявление, что студент-физик Валентин Алексинский (первокурсник, но человек бывалый, после армии) организует секцию спелеологии, причем в зимние каникулы предполагается поход в Кунгурскую пещеру! Таким образом, появилась надежда осуществить возникшее на Урале желание познакомиться с подземным миром.

Пошла записываться в секцию, и с некоторым удивлением увидела перед собой не тренера-атлета, а обыкновенного человека невысокого роста со взлохмаченной белокурой головой, очень подвижным лицом, хитрым прищуром глаз и непривычной манерой слушать собеседника, пробуравливая его глазами...

К посещению тренировок членами секции Алексинский относился очень строго. Насколько я могу припомнить, только В.Галактионов (в силу своего могучего физического развития) получил привилегию тренироваться самостоятельно. Тренировки проходили в быстром темпе, очень напряженно и интересно. Валентин был тренером высокого класса. Это проявлялось как в продуманности общей методики занятий, так и в том азарте и духе соревнования, которые он умел создавать и постоянно поддерживать. Складывалось впечатление (вернее, так оно и было), что к каждому он подходит индивидуально, в соответствии с его волевыми и физическими данными. Вера В.А. в то, что человек может выполнить то или иное упражнение, передавалась участникам тренировок. Помню, как не умея подтягиваться на руках, под его пристальным взглядом, под воздействием ободряющего голоса, я мигом «взлетела» два-три раза. Он мог и умел подсказать, как именно нужно делать какое-либо упражнение, и серьезно относился к правильной технике его выполнения. Это давало возможность не расходовать напрасно силы и в результате не так уставать при лазании по лестнице 100-200 метров или при прохождении Царицынского замка.

Всегда во мне была уверенность, что ничего не случится, если страховка организована им - даже когда отработывали «срыв» с дерева. Оно выбиралось возле какого-нибудь обрыва, что зрительно увеличивало высоту падения. С замиранием сердца приходилось падать на землю «солдатиком» (вниз головой все-таки было страшно), но у земли благополучно приземляться на ноги. Многие девушки, постояв на суку, возвращались по лестнице на землю, не решаясь «сорваться». В пещеры они, как правило, не попадали.

Когда наступало время формировать из тренирующихся членов секции группу для похода (6-10 человек, иногда несколько больше), отбор проходил весьма жестко. Помимо физической подготовки человека (выполнение им различных норм) учитывалось также наличие у него энтузиазма - его желание и стремление заниматься спелеологией, активная помощь секции различной технической работой (подготовка снаряжения, хождение по различным станциям и так далее и тому подобное).

Иногда было непонятно, почему в экспедицию не взят, казалось бы, весьма симпатичный человек. Воздействовать на Валентина в этом плане не удавалось. В экспедициях участвовали только те, кого он отобрал. Преобладал по численности мужской состав. Люди случайные попадали весьма редко; эти единицы после похода и сами не стремились больше в группу.

К сложившемуся постоянному составу секции отношение Валентина было уже мягче. Так я, например, знала, что поеду в экспедицию, если будет свободное время, хотя и не

бывала на тренировках (например, в преддипломное время или когда уехала из Москвы по распределению). Но я сама, конечно, старалась держаться в форме.

Случалось довольно часто, что ребята, буквально боготворившие Алексинского в предпоходный период, из похода возвращались чуть ли не врагами. Как правило, это получалось из-за того, что ребята считали, что Алексинский им «не доверяет»: человек стремится под землю, а его, физически более сильного, оставляют наверху в качестве спасотряда. Обычно ничего не случается, спасти некого. В результате «спасатель» или совсем не попадает под землю (из-за ограниченного времени экспедиции) или проходит не весь маршрут. Часто свои поступки в походе, вернее, свои распоряжения, Валентин не пояснял (что-то вроде воинской дисциплины). Привыкнуть к этому за 10 походных дней для многих было невозможно.

Однако глубокое уважение к Алексинскому, фанатично преданному спелеологии, оставалось и у «обидевшихся», которые шли на различные компромиссы и оставались в секции. Иногда они не ходили в секцию год, другой, затем появлялись снова...

В 1965 году Виктор Горячев, только что окончивший МЭИ, член секции МГУ, решил самостоятельно провести экспедицию в Абхазию. Человек он был физически сильный, уверенный в себе, пользовался авторитетом среди товарищей, с более мягким характером, чем Алексинский. Причиной такого шага были неоднократные столкновения характеров Алексинского и Горячева - в зимней экспедиции в пещеру Дивья в 1963 году (первый выезд Горячева с Алексинским), в летней экспедиции в Дагестан в 1964 году. Люди, примкнувшие к Горячеву (в том числе и я) послужили основой для образования в Москве новой секции спелеологии при МЭИ. Однако отношения между двумя секциями оставались всегда дружескими.

Когда я узнала о трагической гибели Алексинского и Лены Алексеевой, то была просто поражена тем, что наверху никто не был оставлен. Такого в практике Алексинского никогда раньше не было. Все случаи гибели людей в пещерах и их конкретные причины тщательно анализировались Валентином, опасность переохлаждения была ему хорошо известна.

Я думаю, что решившись на подъем, В.А. знал, на что шел. Однако человек всегда оставляет хотя бы малейший шанс на благополучный исход дела. Не подняться ко времени приезда тракториста к пещере и стать объектом спасения с последующей оглаской этого случая в Москве, было совершенно немыслимо для Валентина - как вследствие его самолюбия, так и потому, что это значило бы подставить под удар секцию спелеологии МГУ. Мне кажется, именно это двигало им, когда он решил пробиваться наверх. А людей своих он впервые не оставил наверху для того, чтобы не создавать дополнительных трений среди участников своей небольшой группы.

Смерть Алексинского все переживали очень тяжело. Все, кто начинал с ним ходить в пещеры, воистину могут сказать, что являются его учениками. Лично я благодарна судьбе, что встретила Алексинского и работала вместе с ним. До сего времени не могу примириться с его смертью.

май 1981 г.

ПЕЩЕРЫ, АЛЕКСИНСКИЙ, МОЛОДОСТЬ...¹

Евгений Полищук

*«Пещеры, я любил ваш кров,-
Тогда я духом был здоров,
Кипела бодрость в юном теле,
Теперь, окостенев, я стал
Недвижной камня ваших скал
И силы в мышцах оскудели.»*

Ронсар

Счастливые времена, когда твой парус еще распахнут всем ветрам судьбы: случайная встреча, обычный разговор, прочитанная книга - такие и им подобные незначительные причины могли иметь самые значительные последствия, определить то, чем предстоит потом жить долгие годы.

Именно в таком состоянии находился я почти двадцать лет назад, когда в один прекрасный день течение жизни прибило меня к скалистым берегам спелеологии. Произошло это довольно случайно. Собственно говоря, даже о существовании спелеологии я ничего не знал вплоть до того момента, когда впервые пришел в секцию. Знал же и весьма уважал, отчасти даже робко мечтал - об альпинизме, спорте людей суровых, мужественных, немногословных.

Летом 1963 года, по окончании пятого курса, я попал в спортивный лагерь, который располагался в классическом альпинистском месте - Цейском ущелье. Там впервые я увидел горы. Недели три мы осваивали технику, а в конце смены нашу группу включили в какую-то грандиозную альпиниаду, и среди остальных 800 человек мы взойшли на вершину Казбека. После этого нам выдали значки и удостоверения к ним, в которых рекомендовали дальнейшие занятия альпинизмом.

Однако для дальнейших занятий полученного в Цее импульса оказалось недостаточно. Я вернулся в Москву, и жизнь потекла своим чередом: сначала все подмяла под себя защита диплома, потом аспирантская эпопея. Лишь весной 1965 года, на втором году аспирантуры, я перевел дух и, не без влияния Хемингуэя, которым тогда увлекался («ни в чем не сдавать завоеванные позиции»), твердым шагом направился записываться в университетскую альпсекцию. Но по дороге случайно встретил В.Галактионова и гордо рассказал ему, что иду закреплять полученный на Кавказе опыт. - Не валяй дурака! - сказал в ответ Валера, - там, у альпинистов - рутина, надо лагерь проходить, скучища и потом потеряешь пару лет; а у нас этим же летом поедешь в экспедицию. - Да у кого у вас? - У спелеологов! - Кто такие, почему не знаю? - А и во всем Союзе мало кто знает нас: дело это довольно новое. Пойдем со мной, сам все увидишь.

И вслед за ним я впервые переступил порог небольшой комнатки возле бассейна, где увидел невысокого крепкого человека лет на пять старше меня. В кратких энергичных выражениях он объяснил мне что к чему, обрисовал блестящие перспективы на будущее, а в конце разговора спросил о моей физической подготовке. Я сказал, что ноги у меня ничего, поскольку ранее я занимался легкой атлетикой и играл в футбол, а вот руки слабоваты. - Но все же сколько раз сможешь подтянуться? - Ну, раз десять, думаю, всегда подтянусь. - Молодец! А на двух руках сколько? - и он хитро переглянулся с Галактионовым.

Это был Валентин Алексинский, и, наверное, это была его обычная шутка, специально предназначенная для таких салаг, как я - чтобы не очень зазнавались. Но я сразу расположился к нему, наполовину смущенный тем, что приходится «разочаровывать», жалко разяснять, что «это я только на двух руках подтягиваюсь десять раз», наполовину же восхищенный той энергией, с какой меня берут в оборот (да, здесь палец в рот не клади!). Действи-

¹ Печатается с сокращениями.

тельно он обладал какими-то магнетическими способностями или, используя модную сейчас терминологию, способностью вовлекать людей в свое биологическое поле. Попал в него и я, и оставался в нем до тех пор, пока он был жив, и извел на спелеологию массу времени. При этом, по большому счету, я считал спелеологические занятия несерьезными (в отличие от него). Вот как заразителен настоящий энтузиазм и преданность делу!

Мы сошлись с ним довольно близко; одним из поводов для сближения послужило то, что у меня был некоторый опыт «общественной работы» - заседаний в комсомольских бюро и целинных штабах, разбора персональных и иных неприятных дел. Поэтому мне был понятнее тот «склочный элемент», который вносили в его деятельность плохие отношения с «городом» - эти многочисленные заседания МКК, на которых его всячески шпыняли, дисквалифицировали, различные кляузные письма, которые Илюхин и К⁰ направляли в МГУ и с которыми ему приходилось бороться. Впрочем, вначале я, не подозревая о масштабах этой антиуниверситетской компании, объявил ему с позиций своего опыта комсомольского деятеля, что все его дразги с городом - мышьяная возня, не стоящая выеденного яйца. - Да ты что, ты просто не представляешь себе, какие они гады, - буквально завопил В.А., и с той поры без устали рассказывал мне о каждой очередной каверзе илюхинцев. Обычно это происходило поздними вечерами, после тренировки или теоретического занятия, о которых также стоит сказать несколько слов.

Лектором Валентин был превосходным. Он никогда «не лез за словом в карман», никогда не терял нить изложения, не забывал оживлять материал различными примерами из жизни, любопытными случаями и спелеологическими историями, коих он знал великое множество. Юмором он владел слабо, зато иронией - в высокой степени. Речь его была напористой, энергичной, в ответственных случаях он мог говорить чеканными фразами.

Еще большим корифеем был Валентин как тренер. Он чрезвычайно серьезно относился к физической подготовке, не поощрял разговоров на тренировке («надо не болтать, а нагружаться»). Его изобретательность в придумывании различных упражнений была поистине безграничной. Кроме того он любил устраивать всевозможные соревнования - от подтягиваний на перекладине до забегов в манеже с мешками с песком за спиной. Результаты этих соревнований потом вывешивались на всеобщее обозрение. От каждого он добивался повышения его личных рекордов («на тренировках человек достаточно часто должен иметь возможность показывать свои максимальные результаты, иначе он не будет «расти»). В последний период своей тренерской деятельности он раздавал всем бумажки с индивидуальными заданиями на тренировку (сделать за занятие столько-то подтягиваний, столько-то отжиманий и другое - это помимо общей программы, ожидая, например, пока освободится лестница). Если ты пропускал тренировку, он звонил, узнавал, в чем дело, давал даже что-то вроде домашнего задания; в результате, чувствуя, что о тебе помнят, что в тебе заинтересованы, ты старался и сам не отлынивать по пустякам.

Летом тренировки проходили в Царицыно. Вначале Валентин проводил разминку. Когда народу приходило много, обычно находился кто-то, кто оставался и караулил вещи, пока остальные бегали по парку. Если же людей было мало, мы прятали их в кустах одной из комнат Большого замка, а одно время даже на крыше Малого замка, залезая во всем цивилизованном прямо по облицовке наружной стены - пока как-то не обнаружили шныряющих по крыше мальчишек... Пробегка была весьма своеобразная: монотонный бег он не любил, менял направление движения, хватаясь за стволы деревьев, перепрыгивал через лавочки, пролезал через различные трубы. Со стороны это выглядело так: бежит цепочка людей, В.А. впереди - и вдруг он буквально ныряет под скамейку, с невероятной скоростью пролезает под ней, затем перепрыгивает через нее в обратном направлении и в гордом одиночестве бежит дальше; а у скамейки образуется что-то вроде «пробки», так как остальные не могут сделать все это так же быстро (да и фактор неожиданности срывает)... Часто подобная пробежка непосредственно переходила в скалолазание, и это вызывало довольно необычные ощущения: разгоряченные бегом, мы пытались в том же темпе находить зацепы, но конечно, не всегда удачно, отчего приходилось надолго зависать на стене, ожидая, пока продвинутся передние. Почему-то при этом начинаешь неимоверно потеть - куда больше, чем во время бега...

Что же касается скалолазания, то Валентин знал в Царицыно множество маршрутов и мог любому человеку, на каком бы уровне физической подготовки он ни находился, предложить маршрут по силам. Был среди них один коронный, который, я думаю, помнит не одно поколение университетских спелеологов. Он начинался и заканчивался в одной и той же комнате Большого замка (комнате МГУ) и включал в себя, помимо всего прочего, движение по карнизу на руках и прохождение нескольких арок в распоре.

Когда я впервые начал пробовать проходить этот маршрут, то “ссыпался со стенки как горох”. Это было тем обиднее, что тут же можно было видеть, как элементарно его проходят другие, и в том числе девушки: Алексеева, Джурихина и другие. Лишь через месяц тренировок я, наконец, сделал этот маршрут - до сих пор помню колоссальное удовлетворение, испытанное при этом.

Позже я понял причины этой радости. Дело в том, что скалолазание - весьма творческое занятие. Постановка задачи здесь математически четкая: пройти такой-то маршрут. Что ты при этом делаешь, какие используешь зацепы, как координируешься, какие напрягаешь группы мышц - никого не волнует, допустимо все (как и при доказательстве математической теоремы можно использовать любые технические приемы). А результат предельно нагляден: ты либо проходишь маршрут, либо нет, и перейти от одного к другому - эмоционально совсем не тоже самое, что улучшить результат в беге на десятую долю секунды.

Помимо физической подготовки, большое значение придавал Валентин развитию воли, бесстрашия и всего того, что он несколько высокопарно называл “морально-волевым запасом прочности”. Он постоянно говорил, что надо приучать себя быть готовым к срыву. Когда на занятиях по скалолазанию кто-либо спрыгивал со стенки, будучи не в состоянии найти удобный зацеп, он негодовал:

—А куда ты спрыгнешь в реальных условиях?

Другое дело, когда человек, попав в трудное положение и надолго застряв на одном месте в поисках зацепа (“загрустил”, как говорили мы в таких случаях), вдруг, неожиданно для себя, срывается - правильно, говорил Валентин, срыв и должен всегда происходить неожиданно, ибо у настоящего спортсмена морально-волевые ресурсы выше физических.

Валентин был человеком весьма осторожным. Не раз мне приходилось работать с ним в одной связке и наблюдать, как он производит навеску снаряжения. Он делал все сверхнадежно, никогда не ленился вбить лишний крюк или сделать дополнительную независимую опору, если что-то в креплении казалось ему подозрительным. «Не должно быть никаких приключений!» - эту фразу, сказанную им однажды по поводу книги Холидея «Приключения под землей», вполне можно было считать его девизом.

Тем не менее, какие-то приключения всегда были, хотя и не такого масштаба, как те, что можно увидеть в известных фильмах про альпинистов или о которых можно прочитать в соответствующего рода художественной литературе. Сравнивая с событиями, живописуемыми там, свои собственные спелеологические впечатления и эмоции, приходишь к двум выводам. Первое - это то, что ничего похожего, слава Богу, не было в спортивной карьере подавляющего большинства моих товарищей (как и моей собственной), что грозящих опасностей как-то всегда удавалось избежать и, что называется, вовремя «уносить ноги» (тост за это неизменно произносился на всех наших банкетах, которые устраивались после каждой экспедиции в Пахре у Миши Зверева). Но, с другой стороны, я уверен, что какие-то случаи, краткие и благополучно завершившиеся, и по этой причине, быть может, и не заслуживающие внимания беллетристов, однако и в таком качестве ставящие их героев на грань жизни и смерти - такие случаи были в жизни практически любого спелеолога со стажем. Были они и у меня, и, думается, уместно будет вспомнить о нескольких эпизодах, которые и пояснят, что, собственно, имеется здесь в виду.

...Это была моя первая экспедиция, наша работа закончилась, мы забрались в кузов приехавшего за нами грузовика, и вдруг кто-то вспомнил о забытом в одном из коридоров пещеры Кан-и-Гут ледорубе. Я вызвался сбегать за ним. Вход пещеры представляет собой громадный грот с конусообразной воронкой в центре; на склонах этой воронки располагаются небольшие отверстия ходов, ведущих вглубь пещеры. Попав с яркого ферганского солнца в полумрак входного зала, я, несмотря на спешку, выждал «по науке» минуту, чтобы глаза

привыкли к темноте, и лишь затем ринулся вниз. Но, видимо, после быстрого бега мой внутренний хронометр слишком спешил, и время аккомодации оказалось недостаточным. Почти наощупь отыскав вроде бы нужную дырку на склоне воронки, я прыгнул в нее: ход начинался вертикальной, метра полтора, ямой и дальше шел вбок. Каково же было мое изумление, когда никакого дна не оказалось, и под моими ногами разверзлась пустота. Сердце мое остановилось; в последний момент я зацепился руками за какие-то камни и повис в темноте на краю какого-то колодца. Дырка была не та! Сколько метров там было до дна - два или двадцать - я не знал (и до сих пор не знаю). Времени у нас было мало и мы обследовали не все ходы, начинающиеся со склона воронки. Тогда же я благополучно повисел с минуту, приходя в себя и восстанавливая дыхание, потом вылез обратно, отыскал нужный ход, нашел в нем ледоруб и вернулся к ребятам...

Известно, что самый страшный враг в пещерах - это вода. Было и у меня одно происшествие, связанное с водой. Это произошло в пещере Величественная, в зимней экспедиции 1966 года. Обычно зимой воды в пещерах мало, но в ту зиму погода на хребте Алек была неустойчивой: выпал и тут же растаял снег, и во входной грот Величественной текла целая река талой воды. снаряжение в верхние колодцы было уже навешено; в тот выход Валентин и я должны были идти до дна. В качестве «гидр» мы использовали легководолазные костюмы - страшно тяжелые, с громадными резиновыми ботами и с неудобным аппендиксом сверху. Мы знали, что в одном месте на довольно большой глубине есть «горло» - место, где потолок хода отстоит от его дна всего на полметра. Когда мы подошли к этому месту, оказалось, что дно хода залито водой так, что между ней и потолком оставался промежуток воздуха сантиметров двадцать. Валька прополз это место первым и ждал меня по ту сторону горла. До него было не более трех метров, и, по-видимому, эта близость навела меня на шальную мысль: проскочить горло на скорости. «Ну и что же, что вода начнет заливаться в гидрокостюм, - подумал я, - ведь это только один миг - и я уже там». С этой мыслью я ринулся в горло.

Ничего не могло быть глупее этой затеи. И дело даже не в том, что быстро проползти такое место не просто; я психологически оказался совсем не готов к тому, что холодная вода хлынет мне в лицо и устремиться внутрь гидрокостюма. В следующую же секунду каска слетела у меня с головы, свет потух, я хлебнул воды и, как утопающая крыса, вывернув голову, тянулся губами к потолку, возле которого был воздух - и пока я восстанавливал дыхание, вода вовсю заливалась внутрь. Тут, увидев, что со мной что-то неладно, мне на помощь кинулся было Валька; но я несвоим голосом завопил ему, чтобы он оставался на месте: мне показалось, что если он приблизится ко мне, то вдвоем мы вытесним всю воду и ее уровень поднимется уже до самого потолка... Результатом моего лежания на дне горла было то, что я набрал в гидрокостюм не менее ведра воды, от которой освободился уже только на поверхности. Разумеется, надо было бы раздеться, вылить воду из гидры и отжать одежду; но сил оставалось уже так мало, что я на это не отважился, решив, что лучше терпеть: ведь выходы тогда у нас были часов по тридцать...

Довольно комичный случай (однако, он мог закончиться совсем иначе) произошел со мной в шахте Молодежная. Мы уже достигли дна и начали выходить наверх, я поднимался последним. Где-то на середине первого от дна колодца я увидел в его стене небольшую нишу, в центре которой рос симпатичный сталагмит полуметровой высоты и довольно толстый в поперечнике. Почему-то я решил забраться в эту нишу и осмотреть сталагмит внимательнее. Закрепившись на лестнице карабином, я стал раскачиваться и, наконец, извернувшись, схватился руками за сталагмит, чтобы подтянуться к нише. И вдруг, по закону маятника, я полетел обратно к центру колодца вместе с лестницей и ... со сталагмитом, который остался у меня в руках. Отломился ли он в тот момент, когда я уцепился за него, или он уже был отломан ранее и водружен в эту нишу каким-то «шутником» - не знаю до сих пор. Как бы то ни было, но в руках у меня оказался невероятно тяжелый каменный столп; секунд пять я тупо удерживал его изо всех сил, но затем вынужден был бросить вниз, радуясь, что там уже никого нет и, моля Бога, чтобы при падении в узком колодце сталагмит как-нибудь не зацепил и не оборвал лестницу, которая продолжала раскачиваться вместе со мной...

Стоит лишь погрузиться в подобные воспоминания, как картинки спелеологической молодости начинают всплывать одна за другой...

... Я еду на крыше поезда в Ташкент, в свою первую экспедицию, еду один и налегке, мой рюкзак должен приехать неделей позже вместе со всеми ребятами. Необходимости в таком железнодорожно-верховом способе передвижения никакой, просто тяга к приключениям и изучению жизни. Сажу на гармошке между вагонами и читаю книгу Беля «Глазами клоуна». Ветер так сильно треплет переверачиваемые страницы, что постепенно перехожу на такой способ чтения: прочитанный лист просто вырываю и бросаю вниз...

... Привал на краю ущелья. Только что прозвучало ненавистное Валькино: «Под рюкзаки!» Все нехотя встают, встает со своего рюкзака и Валера Галактионов. Ему кричат: «Эй, гляди!» Валера оборачивается и видит, что его рюкзак неторопливо покотился вниз. Валера известен как человек основательный и степенный, поэтому он столь же неторопливо двинулся вслед за рюкзаком. Рюкзак покотился быстрее - прибавил скорость и Валера. Внезапно рюкзак подпрыгнул на какой-то кочке и резко ускорился; потеряв всю свою солидность, Валера сделал отчаянную попытку его достать, прыгнув как вратарь после одиннадцатиметрового. Однако, не дотянулся сантиметров десять. Дальнейшая траектория рюкзака шла в ущелье 800 метров глубиной; некоторое время еще слышался треск ломающихся кустов, но затем все смолкло: звук удара о дно до нас не долетел... Через час мы продолжили свой путь. Как ни странно, но туго набитый рюкзак почти не пострадал, отскакивая от препятствий, как мячик; разбилась только каска за клапаном и бутылка водки внутри...

... Мы лежим на склоне горы, в небольшом кулуарчике. Здесь яблокопад: чуть выше находится заброшенный сад, спелые яблоки опадают и скатываются по кулуарчику вниз. Сколько хватает глаз - яблоки, яблоки, яблоки. Мы объелись так, что уже не можем стоять, от каждого яблока откусываем только один раз и тут же бросаем его прочь...

Соревнования в Царицыно, комплексный маршрут. В самом его конце, во время спуска на рогатке неожиданно срывается Галактионов. Конечно, он на самостраховке, но инстинктивно схватившись рукой за веревку, сжал в кулаке и схватывающий узел, от чего тот не может затянуться. Проходит несколько мгновений, скорость падения растет на глазах, но, наконец, Валера делает над собой усилие и отпускает руками веревку. Схватывающий срывается, сильный рывок - и Валера, не долетев до земли несколько метров, повисает с картинно разведенными в стороны руками - как раз напротив оконного проема, словно для лучшего обозрения... Потом мы все осматривали его пруссик - он уже начал оплавляться...

... Я беседую с Сашей Мурановым через месяц после его падения во входной колодец Снежной. Он собирался спуститься туда по веревке, но веревка эта оказалась не жестко закрепленной, а наполовину вытянутой наверх. Прежде, чем повисать на ней, Саша подергал ее, но, видимо, она зацепилась за что-то узлом. Он пролетел тогда метров 30 и не разбился только потому, что у самого дна пробил снежную перемычку, затормозившую его. Все равно это было чудом, потому что он даже не получил ни одного перелома. Я хочу узнать у него: действительно ли, как пишут иногда беллетристы, в такие мгновения перед глазами человека проходит вся его жизнь. «Нет, - отвечает Саша, - никакого такого кино напоследок не видишь, даже и мыслей никаких, ощущение чего-то неправильного, какого-то сильнеешего неудобства, а потом - темнота...»

... Я, Чечин и Благодатских, возвращаясь из Сумгана, плывем по реке Белой на лодке, которую мы, мягко говоря, позаимствовали у местного лесника, не поставив его об этом в известность.

Внезапно сзади - конский топот, выстрелы. Мы наваливаемся на весла, одна уключина ломается и становится ясно, что уйти от лесника не удастся. Однако и о том, чтобы вести лодку обратно против такого сильного течения, не может быть и речи. Тогда лесник командует нам плыть до ближайшей деревни и сам скачет туда. После короткого совещания (не пристать ли к берегу и дать деру?) решаем героически плыть в деревню и держать там ответ: дескать, геологи, возвращаемся из экспедиции, хотели было купить лодку, да поблизости некого было спросить. Приближаемся к селу, на берег высыпала толпа народа, яростно лопочут между собой по-башкирски, намечается что-то вроде небольшого суда Линча. Но после

того, как мы втроем вытаскиваем на берег эту огромную и страшно тяжелую лодку, все как-то обходится - видимо, зауважали нас башкиры за сноровку...

Но пора и остановиться: как известно, молодость не только не вернешь, но и не пере-скажешь.

Со смертью Алексинского для меня кончился целый период жизни, и моя спелеологическая активность резко пошла вниз. По набранной инерции я еще съездил несколько раз в экспедиции (на Караби-Яйлу, в ТЕП и в Снежную), но прежнего энтузиазма уже не было.

Еще дважды судьба сводила меня с ним, вернее, уже только с его именем - при организации двух поездок в Сумган, в первой из которых мы установили там мемориальную доску, а во второй - в десятую годовщину гибели его и Лены Алексеевой - обновили ее. И вот теперь я встречаюсь с ним еще раз - при написании этих воспоминаний.

Иногда я задаю себе вопрос: а что было бы, если бы не было этой случайной, преждевременной смерти? Скорее всего, жизнь моя сложилась бы по-другому. Вряд ли я бросил занятия спелеологией так рано. «На носу» уже были международные контакты; при организаторских способностях Валентин, при тех отношениях, которые у него сложились с университетским начальством - это был лишь вопрос времени. А если бы ему еще посчастливилось найти крупную пещеру, скажем, такую, как Снежная - трудно даже представить себе, сколько всего он смог бы извлечь из этого для секции.

Когда я задумываюсь над несправедливостью судьбы, не позволившей ему дожить до эпохи Снежной, мне невольно приходит в голову сравнение с Моисеем: подобно ему он вел «народ свой» в спелеологически-обетованную землю, и подобно ему сам не ступил на нее ногой...

Мне в жизни всегда везло на знакомства с яркими личностями, общение с которыми как-то приподнимает тебя самого. Встреча с Валентином Алексинским - одна из таких жизненных удач; она повлекла за собой формирование целого пласта моей жизни - спелеологического...

осень 1981 г.

ЗАПИСКИ НОВИЧКА

Елена Алексеева

Зимой этого года мне довелось прочесть книжку Н. Кастере “30 лет под землей”. Таинственные и труднодоступные глубины земли! Как жаль, думалось мне, что у меня совсем другая специальность. Что может быть общего у инженера-проектировщика со спелеологией? И вдруг от одного из своих друзей, совершенно случайно я узнала, что летом в Крыму будет всесоюзный слет туристов-спелеологов. Вот как! Оказывается, спелеологами могут быть не только ученые, но и туристы!

И вот в середине мая я пришла в первый раз на заседание Московской городской секции туристов-спелеологов. Лекция - “Лед в пещерах”. Какие бывают виды льда, кристаллов, и как надо себя вести людям в пещере, чтобы не уничтожить драгоценные создания природы. Тренировки: Ленинские Горы - бег 1000 - 1500 метров с ускорениями под гору и в гору, силовая гимнастика, опять бег и опять с ускорениями; Царицынский парк - бег по пересеченной местности, скалолазание, опять бег. И так 3 раза в неделю. Сразу почувствовалась огромная физическая нагрузка. Казалось бы, зачем это нужно? Ну что ж такого - залезть в пещеру. Какие там могут быть особые трудности? Забегая вперед, можно отметить, что все это сказалось на первом же учебно-тренировочном спуске в шахту глубиной 99 метров. Основная масса участников слета спускалась только в первый колодец глубиной 35 метров, но

и то вылезти по лестнице обратно (на высоту 10-этажного дома!) многим оказалось не легко. Тут-то и вспомнились с благодарностью изматывающие тренировки, осталось только пожалеть, что успела позаниматься так немного.

Однако по порядку. Основная группа москвичей выехала на слет 23 июля. Первым проведенным мероприятием была групповая зарядка на первой утренней станции - в Запорожье. На глазах у изумленной едущей и местной публики 13 человек отжимались от платформы и делали "мостики" и "шпагаты", бег вдоль вагонов закончился ускорением за движущимся поездом.

Досуг в вагоне заполняем сочинением новых песен:

Мы ползем в тяжелых касках,
Тьма хоть выколи глаза,
И мышей летучих массы
Нам вцеплялись в волоса.

Только разные растворы
Звонко капали во тьме.
Осторожней, друг мой милый,
В темных дальних коридорах
Не спеши, дай руку мне!

Мы сифоны проплываем
С аквалангом на спине,
Что мы встретим там - не знаем,
Может ляжем все на дне.

Мы ползем все дальше, глубже,
Только видны свеч огни.
Осторожней, друг мой милый,
Там, в глубокой мрачной луже
Ты, смотри, не утони.

Мы на волю выползаем,
Надеваем рюкзаки
И в обратный путь шагаем
Через горы, гребешки.

Звезды на небе мерцают,
Освещая долгий путь.
Осторожней, друг мой милый,
На последних километрах
Постарайся не заснуть.

От Бахчисарая на машине геологов доезжаем до места слета, влетаем в лагерь, сотрясая старые Крымские горы победным гимном спелеологов. Лагерь уже разбит группой сева-стопольских пещерников с тремя приехавшими раньше москвичами.

Вместе с нами прибыла группа из Перми, на следующий день собираются спелеологи Свердловска, Усть-Катава, Красноярска, Риги, Краснодара, приезжает группа ялтинцев и симферопольцев со своим начальником Дублянским.

Виктор Николаевич Дублянский и Борис Николаевич Иванов, сотрудники Института минеральных ресурсов АН УССР - наши научные руководители.

В этом-то и есть отличие спелеотуризма от обычного туризма и альпинизма (и это очень отраднo сознавать), что основной задачей туриста-спелеолога является помощь науке в тяжелом и полном опасностей труде: разведке и исследовании карстовых полостей - пещер.

Скептики говорят, ноя: “Вы ничего в науке не понимаете, куда вы, как говорится, суетесь”!

Но мы знаем, что идем по тому пути, где можно трудиться, отдавая все свое свободное время и все силы без остатка для помощи науке, а значит, - на пользу человечеству; и это наше стремление не пропадет даром - мы помогаем ученым собрать как можно больше материала исследований из различных пещер, часто малодоступных и труднопроходимых, мы помогаем им там, где нужны физическая сила, большое количество людей во вспомогательных отрядах, где нужны, иными словами, “негры”.

Но, конечно, “негры” нужны знающие (что и как исследовать в пещерах), поэтому первые 2 дня работы слета (31 июля и 1 августа) были посвящены учебным занятиям. Мы узнали о генезисе карстовых полостей, о спелеофлоре и спелеофауне, о геологии и морфологии пещер, их микроклимате, гидрологии, методах топосъемки и, наконец, о пещерах с точки зрения археологии.

Итак, теоретически мы подкованы! На следующий день, 2 августа, весь слет в составе 73 человек отправляется в учебно-тренировочный выход в шахту 99. Для многих москвичей это первая серьезная пещера.

Выходим из лагеря рано утром. Начальники групп определяются по карте, намечают маршрут, и через несколько километров мы у входа в шахту.

Перед нами черное отверстие колодца, диаметром 3-5 метров, глубиной 35 метров. Самые опытные навешивают лестницы, организуют страховку, а в это время одевается первая партия спускающихся: идем мы - Москва-2, потом Пермь.

Натягиваем на себя шерстяную одежду, штормовые костюмы, комбинезоны. “Лена, что это ты стала такая толстая?» - иронически спрашивает кто-то. ”Что делать? Ведь температура внизу 8-10°C, в трусиках туда не полезешь!” Одеваю тяжелую каску: на лбу прикреплена велосипедная фара, на затылке - батарейка, в карманах - свечи, запасные батарейки, спички в целлофановом пакете, запас витамина С с глюкозой, на одном плече висит фотоаппарат, на другом - молоток: может быть, придется отбирать образцы. Рюкзак с аптечкой, психрометрами и термометрами потащит кто-нибудь из ребят. Застегиваю на груди альпинистский пояс, прицепляю к карабину страховочную веревку и делаю первый в своей жизни шаг в шахту.

Спуск прошел без осложнений: пока следишь за руками и ногами, не успеваешь заметить, как уже спустился. Друг за другом спускаются и остальные. Распаковываются приборы, компасы, мерные веревки - будем производить свои первые наблюдения, топосъемку. Ловим в пробирочки первую спелеофауну - мухи длинокрылки, эти обычные обитатели привходовых частей пещер. Кто-то из ребят даже умудрился поймать гадюку.

Спуск всех участников продолжается несколько часов. Первые группы в это время ведут съемку близлежащего зала за узким лазом, определяют влажность воздуха, температуру пола и стен в разных точках.

С правой стороны от входа вверх уходит трещина, покрытая гладкими натёками кальцита. Надо провести психрометрирование вверх по трещине. До ближайшего уступа около двух метров вверх и ни одной зацепки! Кто-то из девчат подставляет спину, карабкаюсь вверх - и вот я уже на уступе. Прodelываю всю гамму измерений - опять вверх! Психрометр и термометр приходится засовывать за пазуху - и в распоре, руками и ногами отталкиваясь от гладких стенок, заползаю еще выше, на следующий уступ. Следующая серия измерений. Надо бы подняться еще выше, но нет никакой возможности - ни зацепок, ни уступов. Приходится сползать с предосторожностями обратно.

Постепенно все спустившиеся собираются в зале, и Виктор Николаевич демонстрирует эффект люминесценции белоснежных кальцитовых натёков на стенах после облучения фотовспышкой. Несколько секунд продолжается голубовато-зеленоватое свечение стен - зал напоминает сказочный дворец!

Но вот работа закончена, пора выходить на поверхность. Помня, как мне легко дался спуск, я храбро надеваю рюкзак и подхожу к лестнице. Обхватываю ее руками, делаю первые шаги. Но что это? Лестница начинает медленно, но неотвратимо вращаться в пустоте - сначала вправо, потом влево, потом опять вправо. Рюкзак оттягивает назад, отрывает от

ступенек, ступеньки кажутся страшно далекими друг от друга, подтягиваешься из последних сил! Нога, рука, нога, рука... двигаешься уже автоматически, в голове остается одна мысль - лезть, лезть, только бы не сорваться, скорей, ведь внизу ждут замерзшие товарищи! В довершение всего в том месте, где лестница касается стены, зацепляюсь за этот уступ ручками от сачков для ловли мух, торчащими из рюкзака. Пытаюсь как-то оттолкнуться от стены и развернуться, но силы рук не хватает, а ногой опереться не на что - в этом месте стены расширяются. Из расстегнутого кармана рюкзака вылетает фонарь и с грохотом шлепается на дно у ног ребят - хорошо, что не на головы, ведь каски не у всех!

Наконец, с грехом пополам, разворачиваюсь и ползу выше. Последние ступеньки... На выходе на страховке особенно внимательно подтягивают веревку: ведь напряженность выходящего на поверхность ослабляется, тут-то и возможны срывы.

Делаю последний шаг, отцепляю страховку и тут же сажусь на землю. Здесь жара, духота, но встать и сбросить с себя все снаряжение уже нет сил - ноги не двигаются и руки не поднимаются. Вот когда начинаешь понимать, как необходима тренировка!

А на следующий день - 3 августа - выход всех групп на маршруты на 6 дней. Наша группа (Москва-2) получает задание отобрать образцы глинистых наносов из Мисхорской пещеры. Она идет в этот маршрут вместе с геологом экспедиции Женей Штенгеловым. С нами и фоторепортер - Иван Яковлевич Хрикун из Ферганы.

Остальной состав группы: начальник - Дима Эйгель; Люся Коробейникова - врач слета, член спасательного отряда; Сережа Охрименко; Лена Алексеева - санинструктор, летописец; завхоз группы Валя Травкина; Олег Насонов - ремонтник, ответственный за снаряжение.

В лагере карстовой экспедиции на Ай-Петри запасаемся 4-ведерным бидоном с водой - от Мисхорской пещеры вода далеко. Машина привозит нас на бровку Ай-Петри, сбрасываем все снаряжение - бухты веревок, связки лестниц, драгоценный бидон - и начинаем по частям все перетаскивать вниз по Мисхорской тропе до обрыва над пещерой.

Вход в пещеру - в обрыве Ай-Петри к южному берегу, метров на 60 вниз от бровки.

На первые 20 метров спускаемся по удобной полочке с веревочными перилами для страховки. Дальше спуск по лестнице 35 метров до узенького уступчика, и с той же страховкой около 3 метров скалолазанием - вниз до широкой полки, которая отлого спускается ко входу в пещеру.

По очереди совершаем пробный спуск ко входу. На страховке Женя - с ним нам предстоит основная работа завтра. Иван Яковлевич благоразумно решает, что снимать, а, следовательно, и спускаться вниз он будет завтра по солнышку, мы с великими предосторожностями спускаем вниз рюкзак с кинофотоаппаратурой.

Вход в пещеру - ниша в обрыве глубиной метров пять, заваленная глыбами, в дальнем конце между ними - лаз вниз. Спускаемся в распоре метров на 5, где уже дневной свет теряется, и идем по левому наклонному ходу. Пол, стены и потолок покрыты натеками кальцита, залепленными мокрой глиной. Отовсюду капает вода... Скользим (уже на пяти точках) вниз, ход расширяется, свет фар вырывает из мрака то колонну из сросшихся сталактита и сталагмита, то отвесные стенки уходящего сбоку вниз колодца... Стоп, дальше скользить уже не стоит, без веревки обратно не выползешь, завтра тут будут навешены перила, тогда можно будет спускаться и подниматься, подтягиваясь на веревке. Возвращаемся обратно, пробуем просочиться в узкий лаз вправо от входа, проходим в распоре метра 3 вниз, затем с уступа высотой метра в 2 спускаем Мишу и по его спине ползем вниз - там оказывается настоящий "Гранитный Дворец" - несколько залов с четырьмя огромными окнами в обрыве с открывающейся вниз прекрасной панорамой Южного берега; внизу волнуется зеленая масса сосен, за ней видны Кореиз и Мисхор, а там, в туманной дымке моря, медленно ползут крошечные кораблики от Ласточкиного гнезда и Алупки. Кидаем вниз в пустоту камешки - под нами обрыв высотой метров в 800.

Насмотревшись вдоволь, возвращаемся тем же путем (по Мишиной спине) обратно. Миша идет последним, изворачивается каким-то фантастическим образом, цепляясь за трещину сбоку стены, чтобы влезть на отрицательный уклон.

Наконец, мы у входа! Выползаем вверх по стенке, потом по лестнице. Подъем 6 человек занимает часа 3, к тому же наверху не слышно наших голосов, со страхующими перебиваемся по слогам через эхо от соседнего уступа на обрыве.

На следующий день начинается работа. Олег с бидоном на спине отправляется за несколько километров вниз к источнику за водой, так как все 4 ведра почему-то уже кончились. Валя и Люся остаются наверху - на страховке, Иван Яковлевич ведет съемку в Гранитном Дверце, я и Миша - у него "на побегушках".

Женя с Сережей идут вниз с мешками и мешочками отбирать образцы глины с разных глубин, и вот уже Сережа на четвереньках выползает с первой партией образцов в рюкзаке к выходу. Через некоторое время его сменяет Миша.

К 2 часам дня работа закончена, пара рюкзаков с глинами разных сортов ждут отправки наверх.

Ребята вытягивают снизу грузы на веревке, стоя на верхней полочке, прикрепившись карабинами к перилам. Я - на страховке у выходящих последними Жени, Ивана Яковлевича, Миши; потом мне помогает Люся. Иван Яковлевич, выползая из-за обрыва и не видя нас, признается, что если б знал, что его страхуют девчонки, ни за что бы не полез! Однако на страховку не жалуется.

Наверху нас забирает машина и отвозит на следующий этап маршрута - дальше, к западу по Яйле, в долину Бештекне. Нам предстоит поиск пещер на территории в несколько квадратных километров.

Через день, обосновавшись на новом месте, выходим на работу. Рассыпаемся цепью через 25 метров друг от друга и идем, внимательно осматривая каждый свою полосу. Солнце палит всю! То изнываем от зноя на открытых местах, то пробираемся сквозь густые заросли кустарников и деревьев в бесконечных извилистых карстовых воронках.

Ребята тащат с собой 25-метровую лестницу (весом 40 килограммов), связки веревок, репшнуры, скальные крюки и молотки, так что нагрузка получается внушительная. На обед таскаем с собой "сухой паек" и во флягах кофе, какао или чай от завтрака, ибо воды больше нигде нет.

Каждый, кто находит перспективную "дырку", не имеет права лезть туда один, он должен заметить место, и затем вся группа обходит открытые пещеры.

Правда, право первому залезть в найденную пещеру предоставляется ее первооткрывателю. Но мешанина карстовых воронок так запутывает рельеф, что однажды один и тот же колодец со снегом на дне "открыли" 4 человека.

За три дня поисков мы нашли 6 колодцев глубиной от 8 до 28 метров и одну пещеру общей длиной 45 метров. С колодцами нам "не повезло". Ни в одном из них не оказалась ни воды, ни красивых кальцитовых натечков.

В одном из колодцев произошло "веселое" событие. Открывший его "дракон" (к нам присоединилась группа школьников старших классов - членов Симферопольского горного клуба, которые назывались "драконами", в отличие от более младших "змеев" и "змеенышей") прополз вниз в узкую трещину в середине колодца "на выдохе" и никак не мог протолкнуться обратно, когда закончил съемку внизу. Вытаскивали его так: двое взялись за страховочную веревку, двое кричали по слогам вниз: "Вы-ды-хай", - следовал выдох, дружно тянули веревку и подтягивали его на несколько сантиметров вверх, потом операция повторялась, пока, наконец, он не оказался на свободе.

9 августа вся работа закончена. Дожидаясь машины, которая должна прийти только завтра, исследуем зону источника. В самой пониженной части долины Бештекне, которая является, в свою очередь, бассейном стока нескольких окрестных долин, есть понор (непроходимая щель, забитая глыбами и землей), в который обычно уходит вся ливневая вода. Оказывается, что это - чуть ли не самая перспективная "дырка" в Крыму.

Когда 2 года назад, во время паводка сюда бросали флуоресциен, нигде в окрестных и ближних, и дальних источниках не появилось окрашенной воды. Куда же девается огромное количество воды, уходящее в этот понор во время паводков? Значит, там, в глубине, должны быть огромные полости с естественными водохранилищами - наверное, не меньше, чем в знаменитых Красных пещерах.

И теперь, поскольку у нас оказался свободным целый день, Алеша Прибыловский (руководитель “драконов”) повел ребят раскапывать попор: вдруг обнаружится проход, в который можно будет пролезть!

Целый день, до глубокой ночи трудились ребята, выковыривая из земли большие и маленькие глыбы, камни, выгребая ведрами землю, даже обед мы доставляли им прямо сюда! Вот уже, кажется, появилось что-то похожее на щель! Светим фонарями в глубину - но нет! На проход нет и намека!

Пришлось, к сожалению, отступить от этого заманчивого места! Здесь без взрывных работ не обойтись, но это дело будущего!

Наутро мы с грустью покидаем долину с гостеприимным хозяином-чабаном, так охотно угощавшим нас свежим мясом барашка, которое мы поглощали с завидным аппетитом после всех концентратных завтраков и ужинов!

Возвращаемся в основной лагерь. Собираются и остальные группы. Делимся впечатлениями. Сколько новостей! У свердловчан коронная находка - шахта 95 метров глубиной; все дно и стены ее нижнего зала покрыты огромными цветами-елочками красноватого кальцита! Пермьякам тоже удалось найти глубокие шахты.

Следующие два дня - камеральная обработка всех материалов съемок. Переписываем начисто результаты измерений, чертим планы, сдаем их научному руководству.

12 августа - заключительный этап слета, массовый штурм двух наиболее интересных колодцев: шахты № 309 общей глубиной 246 метров (самая глубокая в Крыму) - из нее надо отобрать на разных глубинах около 16 килограммов образцов пород, а также провести термометрию от дна до выхода - и шахты Геофизическая, одной из самых красивых по своему убранству пещер Крыма - здесь надо провести термометрию и топосъемку двух колодцев.

В 309-ю идет основная масса ребят - там спуски очень сложны, а большинство девчат попадает в Геофизическую.

Выходим из лагеря рано утром. Путь до входа в нее - 7 километров. Нас около 30 человек. У входа разбиваемся на группы, распределяем работу. Спускаемся в первый колодец, затем проползаем по низкому глинистому лазу и попадаем в сказочный зал: белоснежные сталактиты и сталагмиты образуют красивейшие драпировки, бахрому, занавески, колонны, на концах сталактитов, как бриллианты, сверкают капли воды, в тишине раздается звонкая капель! Если слегка постучать по сталактитам, получаются чистые и нежные звуки разных тонов. Восхищению нет конца!

Но вот и наш колодец. За толстой колонной отвесно вниз уходит зияющая черная дыра диаметром метра 3. Свет фары не достает до дна. Жутковато! Привязываем за колонну веревку, и вот уже скатка лестницы летит вниз. Коля Подгорный уходит на страховке первым. Мы с волнением провожаем свет его фары, который постепенно исчезает в глубине. Слышим только его чуть напряженный голос - пока все в порядке. Потом уже и голоса становятся не слышно. Страховать трудно: веревка на такой длине упруго растягивается и не понять, подает ли он какие-нибудь сигналы. Наконец, из черной глубины послышался голос, и вот Коля уже возвращается.

Оказалось, что посередине колодца узкий лаз, за которым голоса уже не слышно, а далее уступ, где надо организовать вторую страховку. Спускается вниз с запасной веревкой Алеша из Перми, за ним я. Он идет ниже до уступа и организует там страховку для нижней части колодца. Я остаюсь перед узким лазом. Мне так и приходится сидеть на этом месте до конца работы - передавать сигналы из верхней части колодца в нижнюю, так как иначе друг друга не слышно.

Располагаюсь поудобнее над лужей между громадными натеками в виде китайских пагод, заполняющими почти весь колодец. Съёмочная группа - девчата-пермячки, снизу едва доносятся их голоса, вверху едва мерцает свет Колиной фары.

Сижу, постепенно замерзаю, перекикиваю сообщения снизу вверх и обратно. Наконец, часа через 2 появляется группа термометристов - спускается по лестнице Аля с психрометром, через каждые 15 ступенек (5 метров) она прикрепляется карабином к лестнице и снимает отсчеты, я прокрикиваю цифры вверх.

Через несколько часов все поднимаются обратно. Мне даже не удается хотя бы слезить посмотреть, что там делается внизу, уже нет времени. Что же делать - вылезает и я, но оказывается, работа еще не вся, на глубине около 5 метров на уступе есть еще одно ответвление колодца. Бросаем конец вытасченной лестницы туда, и Коля с трудом протискивается в узкую щель: сверху мешают заросли сталактитов.

Там оказывается всего метров 6, но красота этого уголка превосходит все, что мы до сих пор видели. На дне - две ванночки с кристально прозрачной водой, стенки их выполнены мельчайшими цветочками кристаллов кальцита, сверху свешиваются гирлянды сталактитов, которые выглядят очень эффектно после освещения лампой-вспышкой, здесь их свечение особенно интенсивно, картины просто волшебные!

Меня вытаскивают оттуда уже почти силой - не хочется уходить от такой красоты, сидеть бы и впитывать ее без конца!

Один за другим вылезает на поверхность и уже в темноте приходим в лагерь. Ребята из шахты № 309 возвращаются только на следующее утро: им там пришлось потяжелее...

Итак, официальная часть закончилась! Торжественная линейка - закрытие слета. Б.Н. Иванов благодарит всех участников за ту помощь, что мы принесли за все эти немногие дни, начальник штаба слета В. Илюхин раздает всем участникам и почетным гостям памятные значки. И вот уже начинаются первые прощания - часть групп должна уезжать: ведь наши отпуска от основной работы, как и все на свете, имеют конец!

Но те, у кого осталось время, завтра отправятся в Красную пещеру - она еще ждет исследователей, которые пройдут ее до конца!

15 августа. Общий сбор на месте лагеря у Красной пещеры. Ставим палатки, разбираем снаряжение, раскладываем под солнцем резиновые лодки и гидрокостюмы, которые надо срочно заклеивать, они имеют довольно потрепанный вид - группа Дублянского поработала в них уже немало.

В пещеру отправляется первая группа - туда ведут взрывника взрывать свод 2-го сифона, чтобы там можно было пройти на лодках, без утомительного и опасного ныряния.

На следующий день после взрыва оказывается, что проход еще маловат, и группа ребят с кувалдами и зубилами идет расширять его вручную.

Но вот все подготовительные работы, наконец, подходят к концу. Мы получаем у В.Н. Дублянского задание для работы, и, наконец, 18 августа первый рабочий выход. Мы идем в пещеру проводить микроклиматические наблюдения от входа до второго сифона. Наша группа - первая из всех рабочих групп: микроклиматические наблюдения надо проводить по возможности в ненарушенной атмосфере пещеры, пока еще не успел от присутствия людей нагреться воздух. Правда, в огромных полостях Красной пещеры это, может быть, и не имеет большого значения, но порядок есть порядок!

12 часов дня. Поднимаемся ко входу в пещеру. Посидев с полчаса у входа и остыв от знойного полдня, распределяем на 2 группы приборы и еду. Мы с Юрой будем вести съемку от второго сифона, а другая тройка начинает первые измерения от входного отверстия.

Вдвоем уходим в глубину. Проползаем через "каменный" и "глиняный" лазы, проходим в Грибоедовский зал. У зловеще гудящего "горла Шаманского" нас догоняет первая штурмовая группа Дублянского. Они нас подхватывают, и мы в темпе мчимся вместе с ними по коридорам к первому сифону. Здесь садимся, вернее, укладываемся все 6 человек в большую резиновую лодку. Только над бортами остаются торчать по обеим сторонам лодки мои трикони. Гена Пантюхин (рулевой) отталкивается от берега, ложится поверх всех и, перебирая руками то по стенам, то по потолку, продвигает лодку вперед.

В самом низком месте все отпихиваемся руками от потолка, чтобы лодка проползла под низко нависшим сводом, трикони царапают камни, выворачиваю носки, чтобы не задерживать движение лодки.

Наконец вырываемся на простор последнего озера, с торжествующим воплем Гена отталкивается от последней стены, и мы подлетаем к порогу за первым сифоном. За порогом снова озеро, обходим его по краю, цепляясь за сталагмиты на наклонной стенке. Следующее озеро "штурмовики" переходят в брод по пояс (они в гидрокостюмах), а нас им приходится перетаскивать на плечах, чтобы не возиться с переноской лодки.

За озером постепенно возникают из мрака огромные глыбы, нагроможденные в хаотическом беспорядке - Первый обвальный зал. Свет наших фар едва достает до потолка, уходящего в высоту. Карабкаемся по глыбам, некоторые угрожающе качаются под ногами, готовые рухнуть; прыгаем через зияющие трещины, в глубине которых шумит поток. “Штурмовики” уже нас обогнали и ушли далеко вперед.

Наконец оказываемся в большом зале - поток разливается большим плесом. Направо уходит залитый водой “Ход трех капитанов”, а мы взбираемся по мокрым, облепленным глиной натекам в левый ход, ведущий в зал Сказок. Сталактиты, сталагмиты и колонны образуют живописную арку. А за ней - узкий обводненный ход.

Юра в сапогах бодро идет по воде, а мне приходится, извиваясь, по-пластунски ползти по правому глинистому берегу под нависшей стенкой. Сползаем метра три вниз, потом опять по натекам вверх - и тут снова открываются колоннады сталактитов и сталагмитов, занавеси и “орлиные крылья” натеков.

Вот ряды сталактитов - “Органный зал”. Обломками стучим по свисающим сталактитам, наслаждаясь их музыкой. Кругом красота неопишная. Вот стена, усыпанная мелкими цветочками кальцита, вот сталагмит “верблюд”, вот знаменитая колонна “бутылка шампанского”, вот сталагмит “каска”, тоже весь усыпанный каменными цветочками, ваточками, елочками. С каждого выступа потолка и стены свисают гирлянды сталактитов и больших и малых, образуя сказочное убранство этого хода, справедливо названного “Дворцом сказок”. За поворотом озеро с “Фонтаном слез”. Копия Бахчисарайского фонтана! Красота!

Шумящий поток бежит нам навстречу, переходя с одной стороны на другую. Наконец, добираемся до цепи озер перед вторым сифоном. Лодки почему-то нет. Слева сверху видна полочка, уходящая вперед еще метров на 20. Подставляю Юре спину - он влезает наверх и проходит по полочке с психрометром. Кажется, совсем недалеко, но голос его уже плохо слышен.

Я приготавливаюсь записывать результаты и, пока жужжит вентилятор психрометра, пытаюсь тоже вскарабкаться на стену, покрытую мелкими размытыми “цветочками” кальцита. Оказывается, сочетание трикони - “цветочки” чрезвычайно удобно для лазания! Цепляясь пальцами за едва заметные зацепки и триконями за “цветочки”, карабкаюсь вверх, подползаю к Юре.

Вдруг за озером из-за поворота послышался плеск воды и гул шагов, засветились слабые огоньки фар - это возвращались Игорь Черныш и Боря Коган, закончившие протягивание последнего участка телефонного кабеля. Еще на пути туда они провалились вместе со своей лопнувшей лодкой прямо в полутораметровую глубину озера (без гидрокостюмов!). Им пришлось работать все 12 часов промокшими насквозь, и теперь они бегут мимо нас, не разбирая, где вода, где нет. Замерзшие, покрасневшие руки у них висят, как плети, уже почти не работают - только скорей к выходу согреться на солнышке! Правда, когда они выйдут, солнце уже сядет - ведь сейчас 6 часов вечера.

А мы, записав первые наблюдения, трогаемся в обратный путь. Через каждые 20 метров надо произвести замеры влажности воздуха, температуры пола, обеих стенок на высоте 1.5 метров, температуру воды в речке и в стоячих источниках, встречающихся в изобилии (правда, без жемчужин!).

На каждой точке приходится ждать 2-3 минуты результатов замера, чтобы они были установившимися. Термометры очень чутко реагируют даже на приближение свечки, поэтому приходится подсвечивать их издали фонариком. Пока Юра «психует», я лазаю вокруг, внимательно разглядывая стенки и пол - не попадет ли что-нибудь ценное. Ага! Вот, есть! Осторожненько пинцетом загоняю в бутылочку с формалином белую мокрицу - знаменитую, недавно открытую в одной из крымских пещер мокрицу нового вида, ранее нигде не встречавшуюся. Правда, потом оказывается, что группа наших биологов уже наловила массу этих мокриц, но все-таки это не уменьшает нашего торжества - первая самостоятельно выловленная спелеофауна!

Решаем найти живописный уголок и “пообедать”. Уголок находится незамедлительно. Сидим на камнях, как в креслах, под камнями шумит река. Перед нами ванночка с кристально чистой водой - наш “чай”. Уютно горит свечка... Лучше, чем дома!

Отдохнув, снова медленно, но верно двигаемся к выходу. Однообразие бесконечных замеров температуры начинает надоедать. Проходим обвальные залы и на берегу озера перед первым сифоном встречаемся с нашей второй группой, радостно делимся впечатлениями. Работа окончена, впереди - выход! Снова укладываемся в лодку и двигаемся тем же порядком через сифон. Под ухом с тихим шипением из незаметного прокола в борту лодки подтравливает воздух! Но все обходится благополучно - мы успеваем переправиться обратно.

“Нет, все-таки лучшие часы для меня в пещере - на пути к выходу!” - признается Юра. А мне как-то не хочется обратно на землю! Я завидую “штурмовикам”: они будут работать на глубине несколько суток, не выходя на поверхность!

Протискиваемся через «горло Шаманского», осторожно обходим воронку с колодцем в полу коридора, ныряем в глинистый, затем в каменный лазы. Наконец, в первом часу ночи, выбираемся на поверхность. Вместо солнца нас встречают звезды! Спускаемся к лагерю, стараясь не шуметь, сбрасываем грязное снаряжение, бодрствующие дежурные наперебой угощают нас горячим ужином. Хорошо!

На следующий день в лагере - почти одни девчата. Весь мужской состав или еще не вернулся из последнего вспомогательного выхода, или отсыпается после предпоследнего. Поскольку в пещеру одних девчат не пускают, мы коротаем время в “экспедициях” в близлежащий колхоз за яблоками, помидорами и прочими свеженькими витаминами.

Через день погода меняется, начинается дождь. В лагере тревога, ведь если будет долгий ливень, в пещере возможно наводнение!

Но дождь, только испытывая наши нервы, нудно и долго моросит - для штурмовых групп он не опасен, зато нам не дает сушить промокшее в пещере снаряжение. Под конец в лагере уже не остается ни одной сухой теплой вещи! Каждая уходящая группа выбирает из общей сушилки над вечно горящим костром любые наиболее подсохшие костюмы - отыскать свои уже невозможно.

На третий день становится известно, что группы Дублянского и Штенгелова прошли свои ходы до конца - им преграждают путь сплошные глыбовые завалы. Группа Илюхина еще продолжает углубляться в “клоаку”.

А нашей группе не везет. Нам так и не удается поработать за вторым сифоном. На второй рабочий выход мы получаем задание поискать новые ходы во второй части зала Сказок. Добираемся знакомыми путями до места и начинаем внимательно осматривать каждый квадратный сантиметр стен и потолка хода.

Я иду вдоль левой стены. Ага! Вот у потолка какое-то углубление! Взбираюсь по наклонной стенке метра 3 вверх - есть ход! Ширина около 1 метра, высота 0.5 - 0.7 метра. Ползу вперед - ход идет примерно параллельно основному ходу метров на 30. Пол покрыт глиной со следами потока. Сверху свисают хрупкие, прихотливо изогнутые сталактиты.

Вот ответвление вправо. Свечу туда фонарем - оказывается, свет виден в основном ходе. Ползу дальше. Потолок постепенно снижается, на полу - натечные коры и сталагмиты, которые заполняют ход. Дальше уже не пролезть.

Возвращаюсь обратно. Туда направляются Галя и Люда с компасом и мерной веревкой, а я двигаюсь дальше. Моя стенка совершенно отвесная, подобраться к тому ответвлению, которое отходило от нового хода, нет никакой возможности. Но вот у “Фонтана слез” сверху у потолка наклонная полка, уходящая куда-то вглубь. Олег уже ползает там. Карабкаюсь по скользкой, покрытой глиной стенке, проползаю поглубже - что-то знакомое: толстенький сталагмит перегораживает лаз дальше... Ну, конечно, оказывается сюда и выходит наш новый ход! Все-таки я пытаюсь протиснуться в него, но и с этой стороны ничего не выходит. В “пролезающие единицы” я явно не гожусь!

Девчата уже заканчивают съемку, обедаем и направляемся обратно. Перед выходом из зала Сказок встречаемся с группой свердловчан. Они тоже обследовали другой новый ход над залом Сказок и приглашают нас посетить свои “владения”. Забираемся туда, там новые волшебные дворцы: сталактиты увешаны друзьями кальцитовых цветов, а в конце хода - ог-

ромная белоснежная колонна, формой напоминающая китайскую пагоду. Пробуем ее осветить лампой-вспышкой - так и есть! - люминесцентное голубовато-зеленоватое свечение продолжается больше 10 секунд. Сказка!

Итак, наша работа закончена, возвращаемся обратно. Это в последний раз! Мы медлим - не хочется расставаться с замечательным подземным миром!

А на следующий день меня уже отправляют в Симферополь за обратными билетами для участников слета. Когда я возвращаюсь, штурмовые группы уже на поверхности, в лагере.

Под конец мне неожиданно “везет”, я попадаю в группу, которая идет на съемку самого последнего, только что открытого возвращавшимися “штурмовиками” нового хода - из зала “Королевы” перед вторым сифоном. Сразу же разбиваемся на 2 группы. Мы, трое девчат, ведем съемку основного сухого хода. Ребята в гидрокостюмах ползут по речке, пересекающей коридор недалеко от входа.

Ход длиной метров 120 с замысловатыми поворотами и изгибами, видимо, выработан напорным потоком воды. В нескольких местах он соединяется узкими глинистыми лазами с подземной речкой, по которой пробираются ребята, им приходится плохо - ползут по горло в жидкой грязи, над водой - около 20 сантиметров до потолка. Как они умудряются там еще записывать результаты измерений - непонятно.

Мы проходим свой ход до конца. В конце колодец глубиной метра 4. Нырять туда - берег все той же речки. Сюда еще придут ребята.

В середине колодца еще одно ответвление: узкий глинистый лаз. Пробую заползти туда. Хорошо, что на ногах высокие сапоги - промокают только локти, колени сухие. Слева ход забит сталактитами и сталагмитами с несколькими слоями натечков. Справа журчит речка. Проползаю метров 30. Речка уже у самых сталактитов. Пробую протиснуться дальше между сталактитами - слышится угрожающий треск рвущегося комбинезона... Возвращаюсь обратно; от комбинезона остались одни полосы. Придется и в этом ходе ползти по речке ребятам в гидрокостюмах.

Вот уже снизу слышны их голоса... еще немного, и они тоже закончили съемку. Возвращаемся к началу хода, устраиваем отдых и обед. Ребята, с ног до головы облепленные грязной жижей, плюхаются один за другим в озеро и всласть бултыхаются, смывая глину. Только Витя с воплем вылетает обратно - оказывается, его гидрокостюм уже успел продыряться где-то у пояса.

Разбираем мокрые и грязные листочки их записей, осторожно перекладываем их сухими, чтобы не слиплись и не пропали драгоценные результаты - второй раз лезть в эту “клоаку” пока что никому неохота!

Пришло время возвращаться. Забираем с собой все последние лодки и забытый кем-то у второго сифона рюкзак. У “Горла Шаманского” перерезаем кабель и сматываем его к выходу. Вот теперь-то уже действительно последний раз!

Кто знает, придется ли нам еще когда-нибудь побывать здесь?

Прощай, Кизил-Коба!

1962 г.

СПЕЛЕОЛОГИЯ ДАЛА МНЕ ДРУЗЕЙ

Габор Бенце

Спелеологией я стал заниматься с 1960 года в Венгрии. Я кончил среднюю школу и вступил в спелеологическую секцию спортивного клуба “Метеор”. Есть у нас что-то вроде вашего общества испытателей природы, при котором существует спелеологическая комиссия. Вся научная часть спелеологии входит в ее ведение, а спортивная часть сосредоточена при различных спортклубах. Я одновременно был членом и клуба, и общества.

Как я попал в спелеологию? У меня всегда была тяга к чему-то такому. Однажды я объявил дома, что собираюсь серьезно заняться мотоциклом и участвовать в мотокроссах - мои родители чуть не умерли... Потом я хотел заниматься планером - и снова родители объяснили мне, как это нехорошо: могут потом в армию забрать, так как ты умеешь летать и т.д. и т.п. Так что, когда я в очередной раз пришел и сказал, что буду заниматься спелеологией, они не нашлись, что ответить - нельзя же столько раз отговаривать человека. И я стал спелеологом. Я часто бывал в экспедициях, это было интересное время: только что открыли пещеру “Метеор”, там был подземный лагерь.

В 1963 году я приехал на 5 лет в Москву, учиться, и сразу стал искать либо спелеологов, либо альпинистов. Через какое-то время я наткнулся на объявление - это было обычное деловое объявление: собираемся на тренировку там-то и во столько-то. Была зима или даже весна 1964 года, прошло почти полгода в поисках, да и некогда было на первых порах, экзамены надо было сдавать. И все же я отыскал спелеологов еще на первом курсе. Я вошел в маленькую комнатку возле бассейна, где все сидели, сказал, что я из Венгрии, занимался дома спелеологией и хочу заниматься ею здесь. Все же это было, наверное, зимой, так как ребята собирались в Дивью пещеру. Валя Алексинский - я сразу попал на него - сказал мне, что есть, конечно, трудности, связанные с тем, что я иностранец и не могу свободно ездить куда угодно, но будут и такие места, куда я смогу с ними ходить. Потом он спросил меня, что я думаю насчет тренировок, и согласился, что я пока на тренировки ходить не буду (на первых курсах у меня были трудности с языком, ученье давалось тяжело и занимало много времени), только в походы на субботу-воскресенье... Что же касается физической подготовки, то на первом и втором курсах есть физкультура, и этого для меня пока будет достаточно.

Помню, где-то на первом или уже на втором курсе мы ездили за город на техническую тренировку. Был устроен сложный комплексный маршрут. В частности, навесили снаряжение между двух тонких и высоких берез, растущих очень близко (около метра) друг от друга. В конце тренировки все очень устало и никто не мог забраться наверх, чтобы снять навеску: можно было, конечно, развязать веревку на одном из этих деревьев, но тогда они сразу бы разошлись в стороны и на второе дерево пришлось бы лезть с самого низа. Все по очереди пробовали свои силы, но обо мне никто и не думал - не очень серьезно ко мне тогда относились, никто меня не знал (да и сам я себя еще не знал). И когда я увидел, что уже никто не может залезть, то предложил: давайте, я попробую - и запросто залез, чему и сам очень удивился. С тех пор на меня стали по-другому смотреть и серьезнее со мной заниматься.

На втором курсе я был первый раз в экспедиции - в пещере Абрскила. Руководил ею Котенков, были там Миша Зверев, Гриша Косарев, Лена Вирина и другие. После нее мы соединились с другой университетской группой и совместно спустились в Анакопийскую пропасть.

В ноябре 1965 года я был в крымской экспедиции в шахту Каскадная. Руководил ею Алексинский. Для меня существенно то, что к этой экспедиции я был физически недостаточно подготовлен. Поскольку я уже имел опыт Анакопийки, маршрутная комиссия разрешила мне идти до дна; но дойти до дна я не смог и должен был вернуться. Этот случай был очень полезен для меня, так как после этого я стал намного больше тренироваться и к зимней экспедиции следующего года (пещеры Назаровская и Величественная) подготовился уже хорошо.

Экспедиция в Назаровскую была самой тяжелой экспедицией в моей жизни. Валя опять включил меня в штурмовую группу, и это было довольно аристократическим делом: специальная группа навесила почти все снаряжение, наша задача состояла в том, чтобы пройти по этой навеске до дна. Но Назаровская была тогда рекордом Союза, и в ту зиму оказалось очень много воды. Помню, мы вылезали из последнего колодца, экспедиция уже заканчивалась, палатки и все вещи были собраны, и девицы ждали нас наверху со свечой в руках, чтобы оттаивать обледенелые муфты карабинов. Комбинезоны тоже обледенели; сами мы не могли их снять, и нас раздевали, как космонавтов, а они так и остались стоять. Их били топором, чтобы как-то смять и упаковать в рюкзаки, но все равно они были слишком громоздкие и пришлось их оставить...

После этого летом состоялась поездка в Венгрию: обмен спортивными делегациями. Насколько я знаю, до сих пор это единственный случай контактов между советскими и венгерскими спелеологами именно по спортивной линии.¹

Звал меня Валентин и в свою последнюю экспедицию в Сумган; более того, до самой последней недели я был уверен, что поеду, но что-то помешало. Почему-то число участников было у них ограничено, они хотели поехать шестером, но поскольку я не смог, их так и поехало пять человек.

Хорошо помню, как оттуда пришла телеграмма. Почему-то к нам попала не первая, а уже вторая телеграмма, где говорилось не о гибели Вали и Лены, а сразу о гробах или об автобусах, которые надо подавать в аэропорт, чтобы их встречать. Я, Лена Вирина, Саша Чуба - мы стояли в коридоре Главного здания минут двадцать и никак не могли прийти в себя: это был настоящий шок...

Потом, уже год спустя, я участвовал в работе какой-то комиссии, разбиравшей несчастные случаи со спелеологами в СССР. Задачи этой комиссии, заседавшей в здании ВЦСПС, были не дисциплинарные, а просто - понять, по какой причине могут быть осложнения в пещерах. Все рассматриваемые происшествия так или иначе были связаны с водой: один утонул в Каповой пещере, другая (польская спортсменка) погибла во время паводка в какой-то пещере в Грузии. Что же касается Вали с Леной, то выступивший там Дублянский, по-моему, очень правильно отметил решающую роль, которую имели в случае с ними плохие отношения между университетскими спелеологами и их городским начальством. Эти плохие отношения, сказал он, лишали Алексинского и его ребят возможности потерпеть поражение (сразу последовали бы различные репрессии), диктовали жесткую необходимость выйти к намеченному сроку и прочее.

Тогда же дискутировался вопрос: можно ли при спуске под землю не оставлять никого наверху? Мой собственный взгляд на это менялся несколько раз, тогда я считал, что нельзя, но сейчас думаю - а как же скалолазы лезут на несколько дней на стену и нигде никого не оставляют? Вале лишь нужно было иметь больше терпения, отступить, выждать, пока пройдет вода, дожидаться утра и тракториста - но этого-то и нельзя было сделать из-за жестких сроков.

Другая причина трагедии в Сумгане, как ни странно, в том, что Валя значительно превосходил всех остальных участников и физически, и, главное, морально, поэтому он считал абсолютно естественным, что если возникает какая-то трудность, то именно он должен ее преодолеть. В ответственных случаях он больше ни на кого не надеялся, поэтому и работал слишком долго под ледяной водой; а ведь можно было бы организовать работу так, чтобы сменять друг друга, высушиваться внизу и так далее, ведь оставшиеся внизу Молоствов и

¹ Статья написана в 1981 году. (Прим. ред.)

Благодатских тоже были тогда в хорошей форме и имели уже достаточный опыт. Но, по-видимому, эта мысль Вале даже не приходила в голову.

После смерти Вали и Лены настал тяжелый период в жизни секции, ее позиции в МГУ резко ухудшились (отобрали комнату). В частности, для меня возникла трудность в том, что предстоял ответный визит венгерских спелеологов в СССР. Он смог состояться только через два года после этого, так как у руководства спортклуба МГУ не было необходимого доверия к новым людям, которые могли бы все это организовать.

Последней поездкой, в которой я участвовал, была летняя экспедиция 1967 года на плато Лаго-Наки. Это была прекрасная поездка, доказавшая к тому же жизнеспособность секции и без Валентина. В этой экспедиции я считался совсем старичком. Мы с Галактионовым составляли там группу фотосъемки и занимались только фотографированием пещер для отчета. Остальные везде лазали, проверяли всякие подозрительные щели, навешивали снаряжение, мы же с Валерой весь день ходили от одной группы к другой: — “Ну, что у вас, есть дырка? — “Есть!” - тогда мы спускались вниз, делали несколько кадров и шли дальше.

А в следующем году я уже закончил университет и уехал домой. В Венгрии мне пришлось жить и работать не в Будапеште, а в Сегеде; может быть поэтому я довольно скоро отошел от спелеологии, стал заниматься скалолазанием, высокогорным туризмом. Впрочем, в перспективе я надеюсь все же перебраться в Будапешт и тогда снова буду ближе к нашим спелеологам.

Если сравнивать развитие спелеологии в СССР и в Венгрии, то следует сказать что в Венгрии ситуация со спелеологией несколько иная. Венгерская спелеология значительно старше, и, как следствие этого, находится в иной стадии: “открытых” (то есть имеющих сообщение с поверхностью) пещер уже нет, точнее, они все уже найдены и изучены. Поэтому сейчас различными научными и полунанучными методами ищутся подземные полости, которые не имеют открытых выходов. На основании лишь географических и геологических показателей доказывают, что пещера в данном месте может быть — и когда это удастся, появляется возможность достать деньги, набрать людей и организовать экспедицию, чтобы раскопать эту пещеру. Поэтому в венгерских спелеологических лагерях намного больше, чем у вас, разговоров о геологии и географии района, постоянно ведутся эксперименты с окраской воды, так что, когда мы выходим в пещере на реку, мы всегда знаем, что это за река, откуда она собирает воду, куда эта вода течет и на что можно надеяться в смысле дальнейшего продвижения вглубь.

В заключение я хочу сказать, что не только экспедиции, не только пещеры, не только природа были важны для меня. Через секцию я нашел себе друзей в Советском Союзе, вошел в более тесное соприкосновение с вашей жизнью, с песнями, с культурой вообще. Состав секции всегда был отличным, находились интересные люди, которые не ограничивали себя спортом. Конечно, тренировки по субботам и воскресеньям — необходимость, и Валентин вытаскивал на них всех; но после, когда уже никто никого не заставлял, все все равно собирались просто ради удовольствия побыть вместе. Споры, дискуссии, шутки — какая же это была приятная компания людей! И, пожалуй, это было важнее всего; без этого погорели бы все экспедиции.

сентябрь 1981 г.

ОБ ОДНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Виталий Молоствов

В истории секции спелеологии МГУ (а ей уже 20 лет, лишь чуточку меньше, чем спортивной спелеологии в нашей стране) год 1967 был критическим. К этому времени университетские спелеологи прошли крупнейшие известные вертикальные пещеры страны, широко развернули поисковые и научные экспедиции. Так, только за лето 1966 года¹ были проведены экспедиции на Северном Кавказе и Горном Алтае, члены секции исследовали (в составе Дальневосточной экспедиции МГУ) спелеофауну Сихотэ-Алиня, группа спелеологов университета участвовала в международной спелеологической встрече в Венгрии.

Сложился надежный костяк секции из ребят высокой спортивной квалификации. Очень много внимания уделялось работе с новичками. При секции работала школа спелеологов с обширной программой лекций и выездов в Подмоскowie для практических занятий по технике передвижения, навеске снаряжения, страховке, топосъемке.

Невозможно забыть тренировки, которые с неистощимой выдумкой готовил и проводил Валентин Алексинский. Его нацеленность на спелеологию граничила с фанатизмом, все свободное время и силы Валентин отдавал секции. Алексинский настолько связал себя со спелеологией, что невозможно было, даже мысленно, представить его вне секции спелеологии; еще труднее было представить университетскую секцию без Валентина. Правой рукой Алексинского, его сподвижницей и помощницей во всех спелеоделах была Лена Алексеева.

И вот, в результате несчастного случая в пещере Кутук-Сумган, в марте 1967 года не стало Валентина и Лены. Это был страшный удар для секции, ее первая трагическая потеря. Остро переживая случившееся, мы, члены секции, понимали, что лучшим памятником погибшим товарищам будет продолжение дела, которое было основной и важнейшей частью их жизни. Но сможет ли секция пережить удар, существовать и идти вперед без Вали и Лены, тогда было неясно. Сегодня ответ на этот вопрос известен: да, сможет. Впереди секцию ждала глубочайшая шахта Союза Снежная. Сможет, ибо, как показало время, а оно лучший судья, энтузиазм Лены и Вали, их самоотверженное служение спелеологии, являясь мощной движущей силой нашей секции, заражали и других и в разной степени передались многим, кому довелось делить с ними опасности и радости подземных путешествий и исследований.

Мы это поняли позже, а тогда, весной 1967 года, потрясенные случившимся, мы очутились перед множеством вопросов, на которые не знали ответа, ибо их решением занимался сам Валентин. Мы неплохо умели вязать узлы, навешивать снаряжение, изготавливать лестницы, лазать по ним, но нужно было еще уметь решать некоторые непростые вопросы взаимоотношения со спортклубом, с “городом”, добывать снаряжение. Эти проблемы встали перед активом секции и бюро (которое до того не играло существенной роли в жизни секции и было вспомогательным органом при тренере) внезапно и все сразу. Еще сложнее была совершенно новая задача - доказать свое право на существование после случившегося, доказать, что мы “сможем без Алексинского”. Вполне естественно, что некоторые спортивные руководители МГУ подумывали, не закрыть ли вообще эту непонятную и столь опасную секцию, которая и разрядов-то никаких не дает, а хлопот с ней предстоит много.

Вот в такой сложной обстановке, насыщенной многочисленными разборами и заседаниями различных комиссий, секция пришла к летнему сезону 1967 года. Тем летом была проведена всего одна поисковая экспедиция, и в ней участвовало всего 11 человек. Но значе-

¹ Своеобразным отчетом об этом летнем сезоне секции является последняя страница газеты “Московский Университет”, №56 за 1966 год.

ние ее в истории университетской спелеологии велико: она связывала две эпохи в жизни секции. Это была первая экспедиция “без Алексинского”. Не будь ее, очень возможно, что и спелеологии в МГУ не стало бы. Когда этот переломный год был пройден и положение секции стабилизировалось, в нее хлынул поток новичков. В мае 1968 года на Караби-Яйле получают пещерное крещение 13 новичков, в ноябре того же года в учебно-тренировочном сборе секции в районе озера Амткел в Абхазии участвуют 24 новичка. Но это было еще впереди, еще дальше было тогда до Снежной, а в той экспедиции нашли и обследовали внушительную по тем временам пещеру глубиной 175 метров, пожалуй, первую “свою” вертикалку. Мы так и назвали ее - Университетская. Но вспомним все по порядку.

Из Москвы мы выехали в конце июля. Кто же мы были? Валерий Галактионов и Михаил Зверев, носившие уже тогда титул “стариков”, имевшие солидный пещерный и общетуристический опыт, оба физики, уже закончившие университет. Вместе с Валерой Цибановым, студентом-химиком, горнолыжником и альпинистом, они были “мозговым трестом” нашей экспедиции. Ответственным за фотосъемку (вместе с Галактионовым) и за “габровские” анекдоты был Габор Бенце. Одновременно он был студентом биофака МГУ, оптимистом и ворчуном, покорителем Назаровской пещеры и многих других в нашей стране и у себя на родине, в Венгрии. Джурихина Галя и Григорян Муся в свободное от спелеологии время работали в космической фирме в Подлипках. Рябинкина Валя - физик, специалист по распространению радиоволн и канализации. Многозначность последнего термина давала пищу для немудреных шуток. Лариса Григорьева, как и Валя, пришла в секцию недавно. В секции всегда было много мехмятян. И в этой экспедиции их было трое: Люда Дудченко, Благодатских Виктор и автор этих строк, Виталий Молоствов. Все трое в маршрутной книжке именовались “участниками”.

В поезде нас было семеро, столько же рюкзаков и билетов, что бывает не часто. 30 июля наш сон в привокзальном скверике Белореченска был грубо нарушен догнавшим нас на попутном поезде Благодатских Виктором (он всегда и везде успевал). Усиленным составом выезжаем в Ходжох. Везущий нас железнодорожный состав, в отличие от нашего, не усилен и нетороплив, однако, успешно минует Майкоп и довозит нас до места назначения. Наша группа растет. В Ходжохе нас встретила Лариса Григорьева, чьи интересы простираются от глубочайших бездн Земли до космической бездны - она будущий астроном. Через некоторое время, достаточное для нашего купания в водах горной реки Белой, объявилась Люда Дудченко. Почти все в сборе, не хватает самой малости - руководителя экспедиции Валерия Цибанова. Он к этому времени должен был спуститься с Эльбруса и соединиться с нами, но увы! Ночуем без него.

В ту же ночь, лежа на берегу белешумной реки Белой, глядя в небо и провожая взглядами транссирующий полет светлячков, мы решали важную задачу: кому быть завхозом. Решалась она довольно просто, ибо все понимали, что лучший в мире завхоз - это Миша Зверев. Наконец, это понял и Миша.

Об этом человеке можно рассказывать много и долго. Когда осенью 1965 года я пришел в секцию, он уже был “старейший спелеолог МГУ”, и, видимо, этот титул пожизненный. Если Валентина Алексинского можно было назвать движущей пружиной секции, то Зверев - это ее душа. Это про его однокомнатную квартиру в Красной Пахре поется у Окуджавы: “Не запирайте вашу дверь, пусть будет дверь открытой”. Через эту дверь в секцию пришли многие.

Приняв важное решение, мы безмятежно уснули в своих спальниках с белоснежными вкладышами. А утром нас ожидала зверевская расправа - раскулачивание. Убедившись в неподъемности рюкзаков, решено было позволить каждому оставить 7 килограммов личного снаряжения (включая сюда комбинезон, освещение, обувь, одежду), а излишки, в том числе и такие предметы роскоши, как вкладыши в спальники, изъять. Надо сказать, что Миша был глубоко убежден, что в экспедиции надо питаться так, чтобы только не умереть с голоду. Мне в ту пору был 21 год, и я этого еще не понимал. Через всю эту экспедицию я пронес тайную мечту: съесть банку сгущенки на одного, а не на пять с половиной человек. (Вернувшись в цивилизацию, я попытался это сделать и не смог).

Пятидесятикилограммовый рюкзак с избытками продуктов и вещей отправился “малой скоростью” в Сочи сначала на спине Галактионова, затем на спине Благодатских, а потом уже по железной дороге. Остальные рюкзаки и люди на попутной машине поехали через станицы Дохавскую и Хамышки вверх поближе к нашей цели - плато Лаго-Наки. Пешком до турбазы мы шли всего 8 километров, но они запомнились, так как наши облегченные рюкзаки все же весили по 41 килограмму у ребят (для Галактионова, с учетом состояния его здоровья, было сделано исключение - он нес 45 килограмм.), а у представительниц прекрасного, но слабого пола - “всего лишь” по 34 килограмма. Муся Григорян наотрез отказывалась нести такой рюкзак - требовала дополнительной загрузки, а не получив таковой, тайком тащила из наших рюкзаков то веревку, то десяток карабинов. Постепенно к этому привыкли и знали, где искать пропажу.

1 августа мы начали поиск в лесу над турбазой Лаго-Наки. Нашли пять колодцев глубиной 17, 20, 24, 27 и 37 метров. 2 августа 1967 года из лесу на нас вышел Отец Цибанов, наш долгожданный руководитель. Он спустился с гор, по которым несколько дней скитался в одиночестве, был тощ и черен. Мы с любопытством рассматривали его экзотический реквизит бродяги-одиночки: самокованные кошки для восхождения на Эльбрус, огромный штык-тесак, горные ботинки, предметы быта - консервную баночку для варки пищи и полиэтиленовую “трубу”, заменяющую ему палатку. Цибанов научно объяснил, что по гидрогеологическим причинам в этом лесу колодцев глубже 50 метров ждать не приходится. Поэтому мы покинули лес над турбазой. Напоследок посетили Азишскую пещеру - оборудованный деревянными лестницами объект планового туризма, примечательный громадными сталактитами.

На следующий день с утра мы двинулись в путь, спустились на плато и, пройдя километров пять, стали лагерем. Нас окружали гигантские воронки, заманчивые на первый взгляд, но на дне их не было желанных колодцев. Чаще всего воронки были заполнены почти доверху снегом. Пролететь между краем воронки и снегом по проталинам удавалось недалеко. Нашлось, однако, и несколько доступных колодцев.

“Нашу” пещеру мы нашли в первый же день поиска на плато. Мы еще не знали, что эта наша, что она называется “Университетская”, что до дна ее 175 метров по вертикали, что только на третий день мы пройдем ее до дна. Пока она была для нас просто “дыра возле пастухов”, а были и другие “дыры”, требовавшие внимания и снаряжения. Но эти другие быстро раскрыли свои секреты - 13, 15, 23 и 45 метров. А дыра возле пастухов все не кончалась. Небольшой колодец, круто падающий снежник, ледяная катушка, наклонный ход и колодец, опять наклонный ход с туфовыми плотинами и, наконец, последний, 45-метровый колодец. Все это уместилось сейчас в одной фразе, а тогда, спускаясь в неизвестность, мы постепенно подтягивали резервы снаряжения, снимая его с других, пройденных колодцев. Всего же, вместе с фото- и топосъемкой, обследованием боковых ходов, мы занимались пещерой три дня.

Дальнейшие поиски на плато привели нас к гигантскому щелеобразному колодцу, перекрытому многослойными снежными пробками. Удалось пробиться через две верхние пробки, дойдя до глубины 53 метров. Мы обсуждали разные проекты удаления снега из воронок плато Лаго-Наки, от маленького атомного взрыва до поливания кипятком из чайников. Грубый подсчет необходимого числа чайников дал астрономическую цифру, а атомной бомбы у нас не было. Отчасти поэтому мы перебрались к туристскому приюту у подножия горы Фишт. Едва успели поставить палатки, как разразился ливень. Он длился час, залил все вокруг и наши палатки тоже. Казалось, что в округе не осталось ни одного сухого атома, но за дело взялся Зверев и вскоре у нас был костер.

Погода продолжала шутить. На следующий день мы ушли в поиск на Фишт-Оштенский перевал, а наш бивак засыпало градом. Выход на перевал дал нам колодец, на глубине 40 метров перекрытый снегом, и серию совсем уж маленьких колодцев, заканчивающихся таким же образом. Еще один день мы провели на склонах горы Фишт, в хаосе трещин и крупных глыб известняка. Воронки и трещины были забиты снегом и камнями.

Экспедиция продолжалась уже 12 дней. Была найдена, пройдена, отснята пещера глубиной 175 метров, в придачу обнаружено ожерелье колодцев разной глубины. Наш даль-

нейший путь по живописным и малохоженным тропам Северного Кавказа вывел нас к Красной Поляне. Читатель уже и сам догадывается, что ночью был ливень силы среднего потопы.

Обсохнув, мы отправились через Адлер, Новый Афон (где наш сон в спальниках на пляже был среди ночи нарушен дождем), Сухуми и Очамчира в абхазское село Отап. Это место давно было освоено секцией, но и здесь нас ожидали открытия - вертикальная полость глубиной 55 метров и несколько небольших колодцев. Естественно, что все мы побывали в знаменитой пещере Абрскила.

Экспедиция закончилась. Ее успех был подготовлен предыдущими годами научной и спортивной подготовки университетских спелеологов, годами тренировок и поисков. Сыграло роль и то, что годом ранее экспедиция под руководством Елены Ильясовой исследовала район горы Тхач и плато Лаго-Наки.

Экспедиция показала, что секция спелеологии МГУ остается в строю. Прошли годы и спелеологами университета была открыта Снежная - рекордная по глубине пещера страны. Путь к этому рекорду начался в 1961 году, широкой дорогой заполнил 1966 год и проходил по узкому мостику той экспедиции на плато Лаго-Наки лета 1967.

сентябрь 1981 г.

СЕКЦИЯ СПЕЛЕОЛОГИИ МГУ В КОНЦЕ 60-х ГОДОВ

Владимир Глебов

Я пришел в секцию спелеологии МГУ в январе 1968 года будучи студентом третьего курса МФТИ. Секция в то время насчитывала человек 12-15. Всем командовали Виталий Молоствов и Виктор Благодатских, который был председателем бюро секции. Но душой секции являлся Миша Зверев, ставший затем и ее фактическим руководителем. Он к тому времени уже окончил университет, работал в филиале ФИАНа и имел небольшую однокомнатную квартиру на сороковом километре Калужского шоссе. Эта квартира на долгие годы стала клубом, мастерской и родным домом для многих поколений спелеологов МГУ.

После нескольких тренировок меня пригласили к Звереву на воскресенье кататься на лыжах. Я тогда никого не знал, но встретили меня очень хорошо. Я до сих пор помню эту первую поездку к Звереву, помню, как Зверев искал для меня лыжи, а Муся Григорян кормила печенкой. После этой поездки я почувствовал себя своим человеком в секции.

В феврале 1968 года, после зимних студенческих каникул, был проведен очередной набор новичков. К маю их насчитывалось человек 15, для них организовали выезд в Крым, на Караби.

Бюрократия с обязательным прохождением двух спелеолагерей еще не набрала свою силу, и человек мог попасть в экспедицию и без них. Формой же работы с новичками были выезды спелеошколы в карстовый район и прохождение там пещер I-II категории сложности.

На Караби в мае 1968 года была проведена сначала школа, а затем экспедиция. Мы со Зверевым приехали на Караби дней на 5 позже других и застали только конец школы. Это была моя первая поездка в пещеры, и она оставила много впечатлений. Было огромное количество приключений, рассказами о которых я потом, в течение нескольких лет, завлекал новичков. Правда, все эти истории относились в основном к проблемам питания и приобретения билетов. Спелеологи 70-х годов, возможно, помнят рассказы о том, как "мы спустились с гор, нам нечего поесть...", или пшеничную кашу, сваренную шеф-поваром ростовского ресторана, или как девять человек ехало в поезде на три билета...

Наивысшим спортивным достижением этой экспедиции было прохождение пещеры Гвоздецкого. Она имеет глубину чуть больше 190 метров (3Б категория сложности по старой

классификации). Обычно эта пещера, как и все крымские пещеры, сухая и теплая, но в мае 1968 года в воронке возле нее лежал снежник, и небольшой ручеек стекал прямо в колодец. Прохождение такой пещеры, да еще под водопадом, без гидрокостюма, в ту пору считалось большим достижением, а в моем послужном списке шахта Гвоздецкого была самой сложной до 1971 года, когда была найдена и пройдена Снежная.

Чтобы дать представление о технической и физической подготовке членов секции, скажу, что навеску осуществила тройка в составе Благодатских, Галактионова и Цибанова часов за 8, а выемку снаряжения - группа в составе Зверева, Глебова, Джурихиной, Григорян, Бузановой, Панюшевой и Рябинкиной за 12 часов рабочего времени.

Летом 1968 года Зверев организовал экспедицию в Среднюю Азию. Участники этой экспедиции сначала побывали в пещере Кан-и-Гут (3А), а затем совершили горный поход через перевал Аксу-Рама (4300 метров). Есть довольно подробный отчет об этом путешествии. Снятые там кадры вошли в фильм, смонтированный к 15-летию секции. Этот маршрут был повторен в 1973 году группой спелеологов МГУ под руководством Зинюкова. А в 1968 году мы после горного похода должны были заглянуть на плато Кырктау и поискать там пещеры. Но поскольку Цибанов торопился в альплагерь, а я домой, и из ребят оставались только Зверев и Сибиряк, то на плато Кырктау мы не пошли, и честь открытия КИЛСИ досталась киевлянам.

Рассказывают, что во времена Алексинского и Алексеевой в секции всерьез велась научная работа по спелеологии. В 1968 году такая работа уже полностью отсутствовала. В пещере Кан-и-Гут мы, правда, собрали две каски самых различных минералов и отправили в Москву, но сделано это было без всякой системы и без всякого практического выхода.

Период с 1969 по 1971 годы мне трудно описать в деталях, так как в это время я не участвовал в спелеоэкспедициях и не помню, кто, куда и зачем ездил. Но я попытаюсь дать общую характеристику деятельности секции в этот период. Очень часто организовывались зимние и летние походы выходного дня, встречи Нового года, 8 Марта и другие, в которых участвовала вся секция в полном составе. Организовывались и более сложные и длительные походы. Так, летом 1969 года Зверев организовал большой поход по Саянам, а зимой 1970 года Благодатских - лыжный поход по Кольскому полуострову. Проходили также экспедиции в Отап, Амткел, на Караби и Чатырдагский лес и в другие места, но в этих экспедициях не было пещер большой сложности, которые могли бы мобилизовать людей и вдохновить их на подвиги.

Численный рост секции в этот период был минимальным. Новички приходили и уходили, побыв в секции год-два. Из каждых двух ежегодных наборов оставалось один-два человека. В то же время "старички" кончали университет и уезжали, женились, выходили замуж и отходили от секции. Материальные ресурсы секции в этот период также практически не увеличивались.

В это же время начали сильно сказываться бюрократические препоны. Своих инструкторов в секции тогда не было, спелеолагеря не проводились, а без лагеря второго года в экспедиции уже не пускали. Поэтому люди были вынуждены по двое, по трое ездить в лагерь других секций и городов.

Крупным событием в жизни секции стала летняя экспедиция 1970 года в пещеру ТЕП (4А). Эта экспедиция задумывалась как большое, серьезное, общесекционное мероприятие, к которому привлекался весь наличный состав в количестве 18 человек. После длительного перерыва планировалось использовать подземный лагерь и телефон. К этой экспедиции Зверев сделал специальный однопроводный телефон с усилителем, который вызвал много возражений и споров на маршрутной комиссии (там ратовали за двухпроводный телефон), но прекрасно зарекомендовавший себя в пещере. Однако большинство участников не смогло выехать из Москвы, и в нужный момент в Сочи оказалось только шесть человек, которые ходили со Зверевым в горный поход по Кавказу и выехали из Москвы раньше. Сейчас штурм ТЕПа вшестером, наверное, ни у кого не вызовет удивления. Но в то время ТЕП была одной из самых глубочайших пещер Союза, опыта прохождения глубоких обводненных полостей ни у кого не было, и Зверев долго колебался, прежде чем решился на штурм пещеры. Штурм этот блестяще удался, хотя Звереву потом и не засчитали руководство экспедицией

из-за того, что в ней участвовало не 8 человек, как положено, а 6. Эти шесть человек были: Зверев, Сибиряк, Астрахарчик, Веревкин, Григорян и Панюшева.

На мой взгляд, экспедиция в ТЕП может служить прекрасным примером хорошей организации штурма, правильно выбранной тактики. Она представляется мне образцом для подражания, и вот почему. Во-первых, участники экспедиции прошли хорошую акклиматизацию и физическую подготовку во время предшествовавшего горного похода. Во-вторых, перед штурмом ТЕПа был осуществлен тренировочный выход в пещеру Медвежья, который позволил всем участникам проверить свое спелеологическое снаряжение, уровень технической подготовки и приобрести психологическую уверенность в своих силах, а руководителю экспедиции понять возможности каждого участника. В-третьих, при планировании выходов Зверев распределял работу с большим запасом, а наличие подземного лагеря позволяло это сделать.

В результате экспедиция добилась большого успеха, не только пройдя известную часть пещеры, но и углубив ее метров на 50 после того, как Муся Григорян сумела раскопать узкую щель на дне... Жаль только, что в этой экспедиции было мало участников, иначе она оказала бы большее воздействие на повышение квалификации членов секции.

весна 1981 г.

КАН-И-ГУТ

Игорь Сибиряк

Пещера Кан-и-Гут дарит спелеологу столько, что ее не спутаешь ни с одной другой. Ни водопады Снежной, ни «яичница» Акую не умаляют впечатления от переплетения и взаимопроникновения естественных полостей, современных штреков и рудничных выработок многовековой давности.

Среднеазиатская экспедиция 1968 года под руководством Михаила Зверева работала в пещере неделю. В техническом отношении Кан-и-Гут проста, но не одной техникой жив человек. Теплая, сухая настолько, что приходится пользоваться противопылевыми масками, она разительно отличается от привычных, сильно обводненных пещер Кавказа. Даже натёки здесь не кальцитовые, а из арагонита. Скромные по форме, они завораживают своим непривычным сине-зеленым тоном.

Один из участков Кан-и-Гут ни на что не похож: то ли соты, то ли ноздреватый сыр с размерами ячеек порядка полутора метров. Эти ячейки сообщаются с тремя-пятью соседними, причем можно передвигаться во всех плоскостях; кажется, что одна точка соединена с другой бесконечно многими путями. Ни трещин, ни сыпухи, ни камушка, и стенки между сотами порой не толще книги. И еще одно: когда ползешь по ходу, пробитому древним рудокопом, тебя охватывает ощущение реальности былого. Вот след от кирки на своде, вот-вот за поворотом покажется сам владелец кирки, или ты сам поволокешь мешок руды к торопящему с поверхности надсмотрщику. И вдруг современный штрек с маркшейдерскими метками. Природа, история, современность, вновь и вновь, и так до выхода из пещеры...

После пещеры наш маршрут шел от Варуга через Матчинский горный узел и далее вниз по долине Зеравшана. Впечатления, наслаиваясь в сознании, рождали тот неповторимый образ Азии, который вынесли мы из экспедиции.

...Двадцать минут на расчистку лагеря от абрикосов, усеявших землю небольшой рощицы.

...Трехлетняя девочка на метеостанции, с перевязанным пальцем - ее укусил ишак, и родители волнуются, ждут санитарный вертолет.

...Привал метрах в трехстах от кишлака, женщина, кричащая нам что-то и принеся из дома кувшин чая и лепешки (в трехстах метрах от дома мы - гости).

...Мавзолей Самани в лунном свете, делающим его камень бархатисто-теплым, живым.

...Вечерний покой арчевого леса, нарушаемый шорохом камнепада с черного паруса стены пятитысячника над лагерем.

...Кан-и-Гут.

Ни один из новичков, побывавших в экспедиции, из секции не ушел.

осень 1981 г.

ШТУРМ ПЕЩЕРЫ “ТЕП”

**Муся Григорян, Михаил Зверев,
Ольга Панюшева, Игорь Сибиряк**

*“В результате экспедиции МГУ
обнаружено продолжение пещеры...”
(Из отчета)*

Всем известны такие курортные города на Черноморском побережье Кавказа, как Сочи, Хоста, Мацеста. Тысячи отдыхающих каждое лето наполняют все мало-мальски пригодные для купанья местечки вблизи моря, но мало кто знает, что совсем рядом с ними, в верховьях рек М.Хоста и Мацеста, находится дикий и неповторимый по красоте район. В узких глубоких ущельях шумят ручьи с холодной чистой водой, водопады, склоны гор покрыты буйной южной растительностью: дремучими лесами из бука, граба, каштана. Приходится продирааться сквозь заросли рододендрона, черники выше человеческого роста (!), лавровишни.

Но главное, чем знаменит этот район, — это многочисленные пещеры. Многие долины между хребтами оканчиваются зияющими черными отверстиями, в которые во время дождя устремляются потоки воды. Здесь находятся все пещеры нашей страны, имеющие глубину более 300 метров.¹ Самая большая из них - система пещер Осенняя-Назаровская - насчитывает 500 метров.

Спелеологи МГУ в этом году исследовали вторую по глубине пещеру Союза - ТЕП. Ее история весьма любопытна. В 1966 году группа спелеологов из Москвы нашла на хребте Алек недалеко друг от друга две новые пещеры. Спуститься до дна в них не удалось - не хватило снаряжения. Осенью того же года две группы москвичей выехали на штурм этих пещер. Колодцы, водопады сменяли один другой, а шахта все продолжалась. Снаряжение групп было на исходе. Сброшена в колодец последняя лестница, не достигшая дна - и вдруг взору спортсменов открылась неожиданная картина: на противоположной стене огромного колодца висела чья-то уходящая вглубь лестница! Оказалось, что обе пещеры на глубине около 200 метров соединяются. А глубже вновь колодцы, колодцы, колодцы, водопады. И, наконец, небольшой горизонтальный ход - и все. Дальше пути нет. Лишь узкие, очень узкие щели, через которые невозможно протиснуться. В особенности невозможно для человека, спустившегося вглубь земли почти на полкилометра, которого ждет бесконечно долгий и труд-

¹ Статья написана в 1970 году. С тех пор разных районах страны открыто более десяти пещер значительно больших по глубине, например, Солдатская, Снежная, Киевская. (Прим. авт.)

ный путь назад. Первой достигла 400-метровой отметки группа москвичей под руководством Е. Черенкова.

Итак, пещера окончилась. Но во всех колодцах было много воды. А конец пещеры - сухой зал. Куда же уходит вода? Большинство глубоких пещер хребта Алек оканчивается сифонами - ходами, заполненными водой. И чтобы пройти их, нужны акваланги - без погружения под воду дальше не проникнуть. Но ТЕП оканчивается сухим залом. А нет ли у пещеры продолжения, нельзя ли найти в ней ход, ускользнувший от внимания предыдущих исследователей?

Летом 1970 года спелеологи МГУ решили ответить на этот вопрос. С этой целью была организована специальная экспедиция. При подготовке ее изучались результаты всех предыдущих спусков в пещеру, тщательно разрабатывалась тактика штурма. Было ясно, что для успешного решения поставленной задачи необходимо внимательно обследовать горизонтальную часть вблизи дна пещеры. А для этого необходимо сохранить силы. Так возникла идея создания базового лагеря вблизи дна, на глубине около 400 метров от поверхности.

Спуск в пещеру нужно было провести в кратчайшие сроки и с наименьшей затратой сил - только в этом случае мы могли рассчитывать на успех. Тревожило одно обстоятельство: не было ясно, можно ли вблизи дна найти подходящее место для организации лагеря. Сообщения участников предыдущих экспедиций были весьма противоречивыми: по-видимому, обстановка в пещере сильно меняется в зависимости от погоды. Это обстоятельство может показаться странным человеку, не знакомому с миром пещер. Но подумайте: ведь достаточно пройти короткому дождю, и вся вода, объединяясь в ручьи, устремляется под землю. Причем движется она по заранее проложенному пути, и этим путем как раз является пещера. А если идет продолжительный ливень, колодцы превращаются в непроходимые мощные водопады. Вода является грозной опасностью для спелеолога. Чтобы не быть застигнутым врасплох, приходится тянуть с собой телефон. Находящаяся внизу группа должна быстро получить сообщение об изменении погоды на поверхности и, приняв решение, в случае необходимости либо выбираться наверх, либо наметить себе безопасные места, чтобы переждать наводнение.

Подготовка шла своим чередом - и вдруг... экспедиция оказалась на грани срыва: из-за эпидемии холеры выехать из Москвы стало невозможно. К счастью, шестеро участников и все снаряжение уже были на Кавказе.

Пересчитываем наличные силы, перебираем снаряжение, варианты. Маловато. Только харчей много, да витаминов. И энтузиазма не занимать, и веры в свои силы. Друг друга знаем не по одному штурму, друг другу верим и в успех тоже. Надо лишь пересмотреть все в создавшейся обстановке, продумать и учесть все до мельчайших подробностей.

И вот автобус, надрываясь, поднимает нас в горы, в село Илларионовка. Нас шестеро, и с нами 12 плотно уложенных рюкзаков. Мы - это Муся Григорян, Оля Панюшева, Миша Зверев, Женя Астрахарчик, Игорь Сибиряк и Федя Веревкин. Нам сочувствуют и подбрасывают до самого Белого ручья - до конца проезжей дороги на окраине владений чаесовхоза. Здесь уже сами отправляемся за сочувствием, и снова удача - дают трактор... Рюкзаки везет трактор, а сами идем пешком до лесника Назарова. Тропа лезет круто вверх, лес вековой, дремучий, луч солнца до нас не добирается. В лесничестве угощают медом, фруктами, спелеологическими сказаниями.

Дальше тащим груз на себе в две ходки - мы полны сил и энтузиазма. На ночевку встаем возле пещеры Заблудших - чуть-чуть не хватило нам светлого дня, чтобы добраться до цели! Утром один переход - и мы у ТЕПа.

Лагерь устанавливаем на том же месте, где стояли группы, штурмовавшие пещеру раньше. На мощном дереве вырублены три крупные буквы "ТЕП", в ствол вбиты два скальных крюка. Следы костра, настилы под палатки, сушилка. Ко входу в пещеру тянется телефонный провод - след последнего спуска в шахту. Погода великолепная, жаркое солнце, голубое небо. Яркий, сияющий южный день - и зияющая загадочная черная пасть пещеры, обрамленная лианами, зеленью, замшелыми стволами деревьев, из которой веет холодом и сыростью.

Мы должны были не только навесить лестницы и веревки на всех многочисленных колодцах пещеры, но и спустить вниз палатку, спальные мешки, еду, примус, бензин и многое другое, необходимое для нормального уютного отдыха в подземном лагере.

Нам повезло: до нашего приезда длительное время стояла жаркая солнечная погода, и поэтому в верхних колодцах не только не было водопадов, но было прямо-таки сухо. Настолько сухо, что мы даже задумывались: «А не зря ли мы облачились в гидрокостюмы?» Однако ниже вода появилась. Каждому ясно, что если ты лезешь по веревке или шаткой тросовой лестнице, а сверху на тебя льет холодный душ, то приятных ощущений при этом не испытываешь. И поэтому мы перед началом спуска в очередной колодец выплескиваем воду из многочисленных луж, ванн и ванночек, и после этого быстро соскальзываем вниз. Не успел достичь дна, пока ванночки еще не наполнились, - и чувствуешь, как по каске все сильнее и сильнее начинает стучать вода.

А как спустить вниз оборудование для лагеря, чтобы оно не промокло? И вот еще на поверхности подготавливаются два герметичных мешка. Успех дела зависит от того, сумеем ли мы обеспечить себе хороший отдых, сон. А для этого нужно уберечь от воды хотя бы спальники и запасную одежду - задача далеко не простая. Если на первых двухстах метрах путь, относительно сухой, состоит из больших колодцев, на дно которых мешки спускаются невидимыми, то дальше дело пошло хуже.

Многоступенчатый каскадный спуск, а затем узкий и извилистый горизонтальный ход выматывают все силы и атрофируют чувство ответственности за груз. Мешки больше не передаются бережно с уступа на уступ, из рук в руки. Их где волокут, а где кидают прямо в воду, что заполняет ванночки на дне очередного колодца. Быстро выуживают, перетаскивают в относительно сухое место, снова швыряют. Воды становится все больше, она уже не струится по стенам, а устремляется водопадом вниз. Вот и последний колодец. На дне уже не ванна, а большая лужа с галечным дном.

Удастся ли найти место для лагеря? Выбора нет - палатка может стоять только в узком коридоре и только вдоль него. Опасения о затопляемости коридора отпадают: на высоте полутора метров лежит не тронутый водой маркер со времени предыдущего штурма. Приступаем к распаковке снаряжения. Удача - почти все сухое. Мы тоже почти сухие, но пока устанавливаем лагерь, начинаем мерзнуть. Разоблачаемся из комбинезонов и гидрокостюмов и принимаемся наводить уют в палатке. Он появляется, как только зажигаем «Шмель». К началу сеанса связи мы уже глотаем горячее какао. Наверх передаем: «Готовы отойти ко сну. Здесь удивительно тепло и хорошо!»

Спим крепко и безмятежно. Выталкивает нас из палатки только сознание ожидающего нас дела. Завтракаем и связываемся с поверхностью. Условливаемся о следующем сеансе связи и устремляемся вглубь. Камни, перепады, узкие лазы - начинаем передвигаться ползком. Проползаем щель, наполовину заполненную водой и вылезаем в большой зал. Дальше хода нет. Начинаем обследовать все уголки и гроты. В одном находим лаз наверх, в другом - щель по основному ходу. Выгребаем песок из-под громадного камня, стиснутого стенками зала. Выгребать некуда - засыпаешь себя - и надежда пробиться куда-либо пропадает. Во время отступления (назад ползком) обнаруживаем окошечко в боковой стенке.

Пускаем в ход молоток. Полость за стенкой есть, но удастся ли пробиться туда - не ясно. Окошечко не расширяется больше - похоже, монолит. Рука отказывает - стучать трудно. Мучаемся добрых три часа, шкуродер не сдастся, и вдруг возглас: «Есть!»

Далее большой зал и ход, ведущий вниз. Красные необыкновенные натеки, но мы лишь мимоходом замечаем их - тянет вперед. Спускаемся вниз - перед нами широкий мощный ход, такой же, как в старой горизонтальной части пещеры. Но - стоп! - нужна веревка. Еще бросок вниз - так и до рекорда добраться можем! Впереди зал, бросаемся туда - вода... Ровная гладь спокойной воды - сифон! Два метра в ширину, метров восемь в длину. Справа куполообразный потолок склоняется над водой драпировкой из сталактитов. Можно ли пробиться куда-нибудь сквозь нее - трудно понять. Охватывает такое разочарование, что трудно передать... Такой ход был... Ладно бы река ждала, а то спокойная вода. Но понемногу перестаем злиться на сифон, начинаем им любоваться. Однако придется нам отступить - для погружения в сифон нужны акваланги.

Поднимаемся на поверхность для отдыха. На следующий день под землю уходит другая группа: Оля Панюшева, Игорь Сибиряк, Федя Веревкин - передаем ей слово.

— Арка входа очертила за нами кусок балки ТЕПов, который, слившись с лагерем, костром и шорохом листвы, скоро станет для нас коротким “наверху”. Ход, залитый ревушей и беснующейся весенней водой, уходит вниз двухметровыми уступами, по которым можно спускаться лишь на трении - все зацепы сглажены. Группа идет медленно и осторожно, кое-где распираясь на стенах. Вот и первый колодец. После первой заброски снаряжения, когда на каждого приходился тяжелый транспортный мешок, делающий движения медленными и неуверенными, спускаемся сказочно быстро и легко. Колодец, еще колодец, снова колодец... Но пора проверять связь. Маленький отдых. И снова летим вниз на рогатках по навешенным штурмовой группой веревкам.

Все, горизонтальная часть. Ход, по которому течет ручеек, выводит в небольшой грот, откуда уже видна перегородившая грот палатка. Перекошенная, с обвисшими скатами, прижатая к левой стене так, что справа можно боком протиснуться, растянутая на скальных крючьях, она будет на сегодня нашим домом.

Неправдоподобно легко за три часа мы оказались на четырехсотметровой глубине. Где же сифон? Оставив ненужные теперь рогатки, пояса и обвязки, идем дальше. Ход все время сужается, приходится лечь в маленькую лужицу и ползти. Грот - и снова ползком. Стоп! Дальше не пройти. Игорь выползает назад. Вот, значит, это место, где нужно ползти на правом боку, а левую руку назад. Каменные тиски сдавливают грудь, двигаться можно только на выдохе. Да... пещеры - не место для боящихся замкнутого пространства. Но понемногу Игорь продвигается; двадцать сантиметров пути прошел, еще пять - и хватка шкуродера слабеет. Ольга и Федор проходят лаз легко, с их комплекцией это не преграда.

Мы в новой части, здесь никто не был до нас. Правда, глину уже смял вибрам спелеолога, но ведь это следы штурмовой группы. Сей успех добыт нашим общим потом, и мы идем по нашей общей части. Снова путь ведет вниз, но это уже не суровые, заглаженные водой уступы верхних колодцев. Кое-где появляются кальцитовые драпировки, сталактиты, правда, без привычного (как в Крымских полостях) буйства красок. Все в том же темпе - вперед. Отвес, осыпь, глинистый ход, наклонная щель, вода... и сифон. Не верится, что идти уже некуда. Разгоряченные, немного запыхавшиеся, стоим над куполом, уходящим в черноту вечно спокойной воды.

Постепенно до нас доходит вся необычность ситуации: мы на глубине 470 метров, мы сделали первопрохождение второй по глубине пропасти СССР, и на лицах появляются улыбки, которые будут еще мелькать много дней спустя при воспоминании о сифоне 470. А дальше? Может, сифон проходим? Поочередно Федор и Игорь проходят над его восьмеркой скалолазанием. Нет, просвета не видно. Не погружаясь в воду, не удастся просветить и его углы. Ясно, в наших гидрокостюмах он непроходим. Вот и остается сомнение: может быть, путь все-таки есть. Когда-нибудь мы вернемся сюда, а пока это - конец.

Еще долго сидели у черного зеркала, преградившего путь. Наконец, возвращаемся к палатке. Каждому спелеологу знакомо чувство освобождения, расслабленности, когда после многочасового упорного труда, не торопясь, снимаешь на солнце грязный и мокрый комбинезон, - медлительный ритуал, который уже есть отдых.

Над нами четырехсотметровая толща известняка, но жужжащий примус лижет доннышко котелка, Ольга возится в палатке со спальниками, а Федор, присев на край торчащего из палатки матраса, расшнуровывает ботинок. Пока варится суп, разговариваем с “землей”. Великое дело - телефон, несколько фраз, немного музыки: мощный усилитель работает как приемник.

Забираемся в спальник, едим что-то, что Федор торжественно называет супом. За разговорами незаметно засыпаем. Завтра нам нужно тщательно обследовать новую часть. Утро встретило нас непривычной темнотой. Нужно вставать, но как не хочется вылезать из теплого спальника в пронизывающую сырость галереи! Поэтому зажигаем примус в палатке, варим завтрак и лишь потом неохотно натягиваем новые комбинезоны. Пора отправляться, но вдруг из палатки раздается зуммер телефона. Что может значить этот внеплановый вызов?

Из палатки раздается односложно: “Ладно. Да. хорошо. Проверим. Понял. Конец связи.” Вот так мы узнали о начавшемся на поверхности дожде.

Нечего было и думать о продолжении работ. Самая страшная опасность пещер - вода - ввела в действие аварийный план. Быстрые, заранее продуманные действия позволили свернуть лагерь за полчаса. Звонок наверх: “Выходим, следующая связь через два часа. Воды на колодце пока мало”.

В девять часов тридцать минут утра место лагеря опустело и начался долгий изнурительный подъем в максимально возможном темпе. Тяжелая работа диктовала свой строгий ритм, и экономичные, точные действия людей стали напоминать работу выверенного механизма. Вот серия колодцев пройдена. Теперь длинный извилистый и неширокий ход отделял нас от места встречи с ребятами, которые должны были прийти на помощь. Груз резко увеличился - к нему прибавилось снаряжение с пройденных колодцев. Поэтому легко проходимый коридор забрал уйму сил. Садимся, достаем примус и с наслаждением едим - ведь мы работаем уже восемь часов.

Теперь перед нами самая грозная преграда - 79-метровый колодец. Со страшным напряжением сил, утомленные, ползем вверх, ползем и тащим снаряжение. Мешок, еще один.

Подходят ребята сверху, дело сразу идет веселее, всю техническую сторону они берут на себя. Это большое облегчение: в такой степени утомления думать трудно.

Последние сорок метров лаза над колодцем кажутся невероятно длинными. Земля! Холодный ночной дождь стирает разницу между пещерой и поверхностью. Не снимая гидрокостюмов, бредем в лагерь. Штурм окончен.

В три часа ночи все уже наверху, в лагере. Идет мягкий, мелкий дождь, шелестит по листьям. Сидим у костра уставшие, блаженные, и до чего хорошо кругом! По сути дела, это первый вечер у костра, когда все собрались вместе. Можно сидеть и ни о чем не думать, не торопиться лечь спать, чтобы выспавшимися лезть на глубину. Можно сидеть и слушать шум леса. Спокойный и могучий днем, он наполняется с вечера совсем другой, таинственной жизнью, шорохами, в каждом кусте сидит какое-то живое существо и пищит, и кричит на свой лад, летают и хлопают крыльями ночные птицы, и - ужасно! - в двух шагах от костра воют шакалы...

Всю ночь шел дождь, то усиливаясь, то затихая. И вот снова утро. Дождя нет, но всюду весело журчат ручьи. В пещеру, сотрясая своды, идет мощный поток воды. Да, вовремя мы вылезли на поверхность! Дня два пришлось бы, наверное, сидеть внизу, пережидая непогоду.

А теперь наш путь - домой, в столицу. Но мы сюда еще вернемся. Пока конец пещеры - сифон, а что за ним?

осень 1970 г.

СНЕЖНАЯ — ЭКСПЕДИЦИИ, ШТУРМЫ

Михаил Ноздрачев

Во время поисковой экспедиции на Бзыбский хребет летом 1971 года была открыта пещера Снежная.

После ноябрьской поездки 1971 года в Снежную стало ясно, что спелеосекция МГУ находится на пороге своего самого большого достижения. Вся первая половина следующего года была занята подготовкой новой экспедиции, в которой предполагалось участие всех наличных сил. Одним из этапов этой подготовки был спелеолагерь под руководством Михаила Зверева, который проходил в январе-феврале сначала в село Амткел, а затем в Новом Афоне. Слушатели и инструкторы этого спелеолагеря и составили основной костяк секции на годы вперед.

К лету 1972 года было изготовлено большое количество лестниц, запасены веревки. Их должно было хватить на прохождение пещеры глубиной до полутора километров. Однако тактика штурма подобной пещеры представлялась весьма приблизительно, поскольку опыта непрерывной жизни под землей в течение 10-12 дней ни у кого не было.

Все снаряжение, весом более тонны, было разложено в десятки транспортировочных мешков, рюкзаков и даже ящиков. Станковых рюкзаков тогда ни у кого не было. И почти на каждом переходе кто-нибудь, бывало, обнаруживал, что в том рюкзаке, который досталось нести ему, из спины торчит металлический выступ.

Работать на подходах пришлось в три ходки. Эта работа продолжалась несколько суток по сильной жаре. Те, кто шел по тропе вверх вслед за основной группой, не могли обнаружить даже самого малого количества воды вблизи тропы: все было выпито. Но, невзирая на эти трудности, снаряжение было благополучно доставлено в район пещеры, установлен лагерь и начался штурм.

Надо сказать, что руководитель экспедиции Миша Зверев рассчитывал в основном на силы старшего поколения. Основную роль в штурме играли такие спелеологи, как В. Галактионов, Э. Цибанов, В. Глебов, А. Сухотский, М. Григорян, А. Муранов, К. Фирсов. Из более молодых в долговременной работе под землей участвовали Н. Чеботарев, Е. Кудрявцев, Е. Астрахарчик, А. Захаров, П. Зинюков.

Несмотря на различные осложнения и шероховатости, через несколько дней после начала штурма в Университетском зале был установлен надежный базовый лагерь и начался поиск продолжения пещеры, который вскоре увенчался успехом: группе Зверева удалось спуститься по завалу вниз и выйти на речку, которая впоследствии получила название "Ручей водопадный" - из-за множества небольших каскадов с мощными, но несложными для преодоления водопадами.

Дальше работа шла внешне просто: проходила какая-то часть по течению ручья, достигался очередной завал, на котором, как правило, быстрое продвижение стопорилось, затем эта же или следующая группа находила обход или проход в завале, и продвигалась далее. Первый завал, второй, третий... и вот подземная река. 200-300 литров в секунду - такова оценка расхода воды в ней. Глубина уже превышала 600-650 метров.

В одном из выходов группа Глебова впервые ощутила на себе, что такое паводок на подземной реке таких масштабов. Восемь часов просидели они на небольшом уступе над рекой, наблюдая, как в нескольких метрах под ними бушует пенный поток, увеличившийся в десятки раз.

Но вот пятый завал на глубине 770 метров (по более поздним измерениям 700 метров), который ничем не отличался от всех предыдущих, пройти не удалось. Несколько дней две штурмовые группы пытались найти проходимую щель в гигантском нагромождении каменных глыб, но все было напрасно...

За несколько следующих дней из пещеры было вынута все спелеоснаряжение: около 35 транспортных мешков. Работа в Снежной закончилась.

В то время, как в пещере на глубине сотен метров работало несколько штурмовых групп, оставшиеся на поверхности занимались "поиском".

За время экспедиции на Хипстинском массиве было найдено и пройдено еще несколько вертикальных пещер и колодцев глубиной от 20 до 130 метров.

Поездка закончилась. Это был крупнейший успех секции. Шахта Снежная стала глубочайшей в СССР. Резко возросла квалификация десятков членов секции. Но сразу выяснились и недостатки в работе. Не удалось, к примеру, обеспечить четкую организацию штурма. На каждый выход Звереву приходилось заново составлять группы, так как люди приезжали и уезжали практически каждый день. Невысоким было качество снаряжения: самодельные гидрокостюмы, отсутствие хороших телефонов, лестницы приходилось заменять по ходу штурма. Но как бы то ни было, успех был достигнут, и достигнут в значительной степени благодаря усилиям Миши Зверева, сумевшего создать сплоченный, увлеченный единой целью коллектив.

По результатам поездки были написаны статьи, сделаны доклады. На докладе в МОИПе Н.А. Гвоздецкий сказал: «Секция МГУ совершила спортивный подвиг, теперь надо совершить подвиг научный».

Но к этому секция МГУ не была готова, после сложной напряженной поездки наступил период спада энтузиазма.

Весной 1973 года, как и в 1972 году, был организован спелеолагерь первого и второго года. Руководителем снова был Миша Зверев. Лагерь оказался интересен тем, что в нем участвовали ребята, которые составили несколько лет спустя новый костяк секции: В. Трифонов, Ю. Косоруков, А. Петров.

Параллельно работе спелеолагеря небольшая группа под руководством Н. Чеботарева штурмовала ТЕП и работала в верхней части Ручейной.

После этих поездок началась организация экспедиции в Снежную. Но на этот раз собрать мощную, сплоченную группу не удалось, того прошлогоднего духа уже не было, кого-то испугали трудности, кто-то разуверился в дальнейшей перспективности Снежной. Пришлось идти на объединение с группами Свердловска и Томска. Но и к этому мы по настоящему готовы не были. Как стало ясно после поездки, работа по увязыванию различных, зачастую противоречивых интересов всех участников экспедиции отняла у ее руководителя Миши Зверева все время, и, собственно, руководить прохождением пещеры ему было почти некогда.

На пятом завале на реке работали сначала А. Ефремов, А. Муранов, Е. Кудрявцев и несколько ребят из Свердловска, а затем томская группа. Но все было напрасно - проход найти не удалось. Тем временем в ходе поездки произошло несколько событий, которые существенно отразились и на ходе экспедиции, и на дальнейшем развитии жизни самой секции...

Позируя корреспонденту «Комсомольской правды» на входном колодце пещеры, А. Муранов сорвался и упал на снежник с высоты почти 30 метров. Благодаря счастливому стечению обстоятельств он не только остался жив, но не получил даже малейшего перелома, отделавшись шоком и нервным потрясением.

Спускаясь по веревке в один из колодцев, упал на камни и получил ушибы В. Глебов. Правда, он самостоятельно поднялся на поверхность, но работать в полную силу уже не мог. Работа экспедиции была скомкана, программа работ существенно сокращена: по сути дела, дальше все занимались только выемкой и свертыванием снаряжения.

Вниз по тропе все спускались в довольно подавленном настроении...

Долгих пять лет мы не возвращались в Снежную — пять лет, которые были для нас и печальными и трагическими.

Теперь для нас Снежная — это история, один из больших этапов подъема в жизни секции МГУ.

весна 1981 г.

ПАВОДОК В ПЕЩЕРЕ

Владимир Глебов

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел летом 1972 года во время штурма пещеры Снежной. Шла уже третья неделя экспедиции, когда наша группа в составе Муси Григорян, Леши Захарова и меня спустилась в Университетский зал на глубину 500 метров. К этому времени в Снежной уже был пройден Водопадный ручей и река до Пятого завала. На дне Университетского зала стоял подземный лагерь из двух палаток, в нем жили Костя Фирсов, Женя Кудрявцев и Женя Астрахарчик. Они накормили нас и поделились своими

впечатлениями о пещере и о Пятом завале, на котором они уже успели побывать. На следующее утро наши группы должны были действовать независимо: им предстояло делать топосъемку пещеры от Второго завала до Пятого, а мы должны были попытаться пройти Пятый завал. Утром первая группа довольно быстро собралась и ушла. Мы же долго возились с приготовлением еды, подгонкой снаряжения, телефонными переговорами с поверхностью. Как это часто бывает у нас, в последний момент одному надо заклеить гидрокостюм, другому починить освещение и так далее. В переговорах с поверхностью (Зверевым) мы договорились, что выходим примерно на сутки, время следующего разговора - 12 часов следующего дня.

С собой мы взяли два небольших мешка. В одном была лестница и веревка, в другом примус, продукты и запасные батарейки. Довольно медленно пробираемся через нагромождение глыб Нулевого завала (воронка в Университетском зале), сквозь Первый завал, по Водопадному ручью. Сказывается, что это место пещеры мы проходим первый раз - не всегда сразу находим верный путь.

В районе Второго завала встречаем группу топосъемки. Ребята уже закончили работу и возвращаются назад. Удивляются, что мы еще только выходим. Пытаемся оправдаться. Затем они рассказывают, что в реке очень много воды, и поэтому топосъемку они не сделали. Я пытаюсь понять, что значит "очень много", можно ли вообще пройти по реке?

Ответ сводится к тому, что в принципе, наверное, можно, но трудно, и они решили не рисковать. Решать за нас - идти или нет - ребята не хотят и предлагают нам посмотреть самим.

Подходим, наконец, к месту впадения Водопадного ручья в реку. Нашим глазам открылась широкая (4 метров) и высокая (20 метров) трещина, по дну которой текла и в самом деле настоящая река. До этого мы только слышали о ней, и вот теперь видим своими глазами. Все рассказы о реке сводились к тому, что она очень большая и в ней очень много воды. Группа Зверева, которая первой достигла Водопадного ручья, сначала сообщила на поверхность, что они прошли сквозь завал и вышли на подземную речку. Эту группу остановил Второй завал. Группа Галактионова, которой удалось преодолеть Второй завал, тоже сообщила о телефону, что они вышли на подземную реку. Когда с поверхности стали уточнять, а куда же делась предыдущая река, найденная Зверевым, то ребята объяснили, что эта река - вовсе не река, а так, маленький ручеек. А вот они действительно нашли настоящую громадную реку.

После таких рассказов нас не удивило количество воды в реке: то, что мы увидели, соответствовало нашим ожиданиям. В месте впадения в нее Водопадного ручья она течет по сравнительно горизонтальному участку щели. В тот момент, когда мы вышли на реку, уровень воды в ней достигал мне до пояса, то есть примерно 1 метр 10 сантиметров. Я спустился в воду со страховкой и попробовал идти прямо по дну (пройти по стене в этом месте невозможно). Воды было мне по пояс; убедившись, что она не сбивает с ног, мы все спустились в Реку и двинулись вперед. Метров через 20 река обрывается трехметровым водопадом, названным кем-то Мойдодыром. Перед самым водопадом путь воде преграждает каменный барьер, в котором она пропилила щель шириной около метра, а по обе стороны от щели находятся уступы. Мы собрались на правом уступе и, стараясь перекричать рев водопада, обменивались впечатлениями. Нам казалось, что идти дальше можно, и было непонятно, почему предыдущая группа не стала делать топосъемку. (Я понял это только через два дня, когда снова побывал на реке. Теперь уровень воды в ней был обычным - 25-30 сантиметров. Группа топосъемки, впервые побывав на реке в такое время, естественно, считала повышение уровня воды в три раза опасным.)

Предстояло небольшое скалолазание. Сидя над водопадом я решил перед спуском вылить воду из сапог; благополучно опорожнил левый сапог, а когда стал выливать воду из правого, задел голенищем о поверхность струи водопада. Сапог, словно пушинку, вырвало из моих рук и унесло куда-то вниз. Досадую на себя за эту оплошность, я стал спускаться вниз, хорошо понимая, что если не найду его, то от моего гидрокостюма на ноге останутся одни клочья. Спускался очень осторожно, стараясь не порвать гидрокостюм, но все же маленькой дырки на пятке мне избежать не удалось. Под водопадом образовалось большое и

глубокое озеро, поиски сапога в нем казались безнадежными. Но мне повезло: на выходе из озера между двух больших камней под водой что-то слегка чернеет. Я опускаю руку и с большой радостью вытаскиваю свой сапог.

Наш дальнейший путь проходит в основном по большим каменным глыбам, лежащим в воде, или по какому-либо краю берега. В одном месте, где река круто уходит вниз, идем по узкому карнизу, образованному ванночками с водой, а затем спускаемся на 6-8 метров в распоре “руки-ноги”. Это место перед Третьим завалом так и обозначено на топосхеме: “руки-ноги”. Третий и Четвертый завалы преодолеваются легко, без всяких трудов, собственно, это и не завалы, а просто места, где в воду обрушились большие каменные глыбы, между которыми можно легко идти в полный рост, оставляя воду где-то далеко внизу под ногами.

Наконец мы подходим к Пятому завалу. Сразу узнаем его по описаниям: из черноты щели выступает глыбовый потолок, образующий с ней нечто вроде тоннеля метро. Этот тоннель упирается в каменную стену, изрезанную трещинами, сквозь которые уходит вода. У входа в него на высоте 10-12 метров среди глыб, образующих свод тоннеля, чернеет какое-то углубление. Цибанов считал, что через это место надо пытаться обойти Пятый завал. Сюда еще никто не лазил: стенка из конгломерата, по которой надо было лезть, очень камнепадна. (Через три дня я слазил в это место и убедился, что виднеющаяся чернота - просто ниша и хода дальше нет.) Сейчас я прохожу мимо этой стенки, хочется дойти до конца пройденных мест и оглядеться. В левой части стены, в полном соответствии с описанием ребят, ход вверх, приводящий в небольшой зальчик с куполообразными стенками. На полу зала видны использованные батарейки, пепел от сожженного пакета из-под супа. Это - последняя точка, куда дошли предыдущие группы, место перекусов. Бегло оглядываюсь по сторонам и в метре от пола замечаю небольшое отверстие в полу зала, прикрытое каменной глыбой. Тут же, без остановки и передышки откидываю одну глыбу, другую, и вот передо мною узкий ход, в который можно пролезть. Протискиваюсь в отверстие и ползу между глыбами куда-то вниз. Метров через двадцать ход расширяется, слышу шум реки. Мне кажется, что я уже прошел сквозь Пятый завал, и я чертыхаюсь по поводу двух предыдущих групп, которые перекусывали около хода и не сунулись в него. Но меня ждет разочарование. Ход выводит в зал, перегороженный монолитной стеной. Пол зала завален большими глыбами, сквозь щели видна вода, но она уходит между глыб под скалу. Я останавливаюсь и начинаю тщательно осматривать зал. В это время меня догоняют Муся и Леша. Они приносят мешки, которые я в суматохе бросил. Втроем мы пытаемся найти путь дальше. Мне кажется, что есть небольшой проход справа в углу зала, недалеко от места, где смыкаются две стены. Растаскиваю глыбы, ложусь на живот и пытаюсь пролезть. Не выходит - еще глыба мешает. Сталкиваю ее кое-как вниз, продвигаюсь на полметра. Путь преграждает следующая глыба.

Часа через два напряженной работы мне удалось продвинуться метров на двенадцать. После этого я выполз на новую реку - так, по крайней мере, мне тогда показалось. Около зала струи воды, просматривающиеся сквозь щели между глыбами, с бешеной скоростью и ревом устремлялись под скалу. Потом вода пропала, шум понемногу стих, а затем я вновь увидел тихую, медленно текущую воду. Было такое ощущение, что она протекает не много выше, чем вода в глыбах под залом, и что это другая река. Здесь можно было стоять, согнувшись, по колено в воде. Дальше в этот раз мне продвинуться не удалось (через два дня мы с ребятами преодолели это место и прошли еще метров двадцать, но потом снова застряли).

Пока я ползал, Муся и Леша осматривали зал. Леше удалось найти ход вверх, который приводил в большой и высокий зал. Ребята облазили его, но дальнейшего пути не нашли. Они рассказали мне об этом, и я не стал туда даже подниматься, полностью доверяя добросовестности Муси.

Отчаявшись пролезть по расчищенному мною ходу в углу зала, я решил попытаться пройти между глыбами прямо по воде.

Нашел в полу зала подходящее место и с помощью Муси и Леша расчистил небольшое отверстие. Протиснувшись в него и опустившись метра на два, я очутился на больших

глыбах, погруженных в воду. Струи воды с ревом уносились вперед и вниз, исчезая между глыбами.

Чтобы продвинуться дальше, надо было спуститься в воду и плыть, так как глубина в этом месте превышала рост человека. Однако течение было слишком сильным, камни диаметром сантиметров 30 вода уносила с легкостью. Оглядев извилистый путь и представив, как будет путаться страховочная веревка, я отказался от этой затеи.

Подошло время отправляться в обратный путь. Мы вскипятили чай, съели перекус и заменили подсевшие батарейки. К этому моменту Мусино головное освещение окончательно отказало, и в обратный путь она отправилась с фонарем в руке. Снаряжение и примус мы оставили в начале Пятого завала (у входа в гротик), возвращаемся налегке. Первым идет Леша, затем Муся, я замыкаю группу.

Метрах в пятидесяти от Пятого завала нам надо с левого (по ходу) карнизика перепрыгнуть по глыбам на правую сторону реки. Леша и Муся уже на правой стороне, готовлюсь перепрыгнуть на торчащий из воды камень и я. Вдруг выступ, о который я опирался левой рукой, вылетает из стены и, в вертикальном положении, ногами вниз, я падаю в реку. Течение подхватывает меня, проносит несколько метров и аккуратно прислоняет спиной к большому камню, торчащему из воды как раз посередине реки. Все это происходит так быстро, что я не успеваю понять, что же со мной происходит, и на секунду застываю около камня в нелепой позе по грудь в воде с булыжником в левой руке. Но ледяная вода, обжигающая пятку сквозь дырку в гидрокостюме, выводит меня из ошеломления. С проклятьем швыряю в воду булыжник и, не разбирая дороги, выскакиваю на правый берег реки к Мусе и Лешке.

Возле Четвертого завала щель сужается метров до двух, потолок опускается, а каменных глыб в воде нет. Чтобы продвинуться дальше, надо спуститься и идти прямо по дну, по грудь в воде. Но течение здесь очень сильное и, очевидно, что нас собьет с ног. Мы стоим на узеньком карнизе в полуметре над водой и не можем понять, как же мы прошли это место по пути сюда и почему оно нам не запомнилось. Вероятно, уровень воды повысился, а мы до сих пор этого не замечали. Но надо что-то делать, не идти же назад. Я прошу Лешу слезить наверх и посмотреть, нельзя ли преодолеть этот участок по верху, скалолазанием. Он карабкается на стену и через несколько минут сообщает, что в этом месте потолок очень низкий и пройти по верху нельзя. “Ну, тогда слезай”, — говорю я ему и, наступив на последний торчащий из воды камень, пытаюсь разглядеть, нельзя ли пройти эти несчастные десять метров, цепляясь за выступы на противоположной стене.

Вдруг сзади раздается крик, оборачиваюсь и вижу свалившегося в воду Захарова и Мусю, которая прыгает вслед за ним. Лешка упал в воду спиной, течением его протащило вперед, заклинило каску под водой между двух камней, перевернуло вверх ногами, опрокинуло и, наконец, швырнуло грудью на выступающий из воды камень. Здесь Муся догнала его и вытащила за ворот на карниз. Когда я к ним подбежал, Лешка был уже вне опасности. Немного отдышавшись, он объяснил, что у него, как и у меня, вылетел из-под руки камень, что он чуть не задохнулся под водой, когда его заклинило, ничего себе не сломал, но сильно ушибся о камни.

Я пошел снова отыскивать обратный путь и с удивлением увидел, что камень, на котором я только что стоял, скрылся под водой сантиметров на десять и что вода на глазах прибывает. Тут меня осенило, что я вижу паводок в пещере, о котором до сих пор только читал в книгах и слышал из рассказов товарищей.

— “Ребята! Это паводок! Скорее все назад, на Пятый завал”, — закричал я и кинулся к Мусе и Леше. Мы пробежали несколько метров по карнизу назад и остановились: поздно, путь, еще несколько минут назад свободный, был уже закрыт. Камни, по которым надо было переходить на другую сторону реки, уже скрылись под водой. Вода, отражаясь от наклонного камня, фонтаном разбрызгивалась на высоту полутора метров, перекрывая всю ширину щели. Лешка, только что испытывший на себе норы подземной реки, сказал: “Нет, ребята, здесь нам не пройти”.

Мы оказались отрезанными на узком карнизе шириной сантиметров тридцать и длиной метров шесть. Вода прибывала на глазах, и было ясно, что карниз этот зальет в ближайшие пятнадцать минут.

— “Леша, когда ты лазил наверх, не заметил ли ты какого-нибудь выступа или щели, в которой можно было бы отсидеться?” — спросил я Захарова. “Там была одна щель”, — ответил Леша, — “но в ней с трудом поместится один человек”.

Однако делать было нечего, и мы полезли наверх. Щель действительно оказалась очень маленькой, целиком в нее втиснулась только Муся, Леша влез наполовину, а мне пришлось поместиться у них в ногах на маленьком выступе размером 30 на 20 сантиметров и сидеть, свесив ноги над ревущей внизу рекой. Я боялся, что длительное лежание на холодных и мокрых камнях отразится на Мусином здоровье, поэтому мы подстелили под нее транспортировочный мешок и выжатые комбинезоны. Кое-как устроившись, мы потушили свет и принялись ждать.

Сидя в темноте на уступчике, я пытался сообразить, что еще надо сделать, дойдет ли до нас вода, сколько времени нам придется сидеть, когда придет спасотряд и так далее. Думал я, что сидеть нам придется долго - сутки, а то и двое, мы ослабеем от голода и холода и заболеем, возможно, будем терять сознание. Тут я встрепенулся, сообразив, что потеряв сознание, можно и свалиться с уступа. Я зажег свет, снова одел пояс и, пристраховавшись к какому-то выступу, заставил сделать то же самое Лешу. Муся же сказала, что она лежит заклиненная, и падать ей просто некуда. Потом мы опять выключили свет и угомонились.

Я снова начал размышлять о том, когда выйдет спасотряд, сможет ли он до нас добраться, как нас будут откачивать и транспортировать. В спасение собственными силами я не верил. Тут мне пришла в голову такая мысль: а что если мы за шумом реки, или потеряв сознание, не услышим спасотряда? Ведь нас не так просто найти в этой щели под потолком. Надо было как-то отметить наше местопребывание. Я попросил у Муси ее каску, привязал к репшнuru и спустил ее вниз к воде. Теперь можно было быть уверенным, что нас найдут.

Снова потекли томительные часы ожидания. Внизу шумела река, судя по нарастающему грохоту уровень воды все поднимался. Время от времени я включал свет и смотрел вниз, пытаясь определить уровень воды. Но она пока была далеко.

Часов через шесть шум воды изменился - начало стихать. Спустя некоторое время я слез на карниз посмотреть уровень воды. Но он был еще слишком высок, и я опять поднялся на уступ. Еще через час вода упала до прежнего уровня. Мы спустились на карниз и стали готовиться в путь. Всего мы просидели на уступе восемь часов.

Но воды все еще было много и продвигаться по реке было опасно. Мы сняли нижние обвязки, связались ими и спустились в воду. Конечно, особого толка от такой связки не было, но она придавала моральную уверенность. Мы успешно преодолели десять метров чистой воды, прошли Четвертый завал и вышли к распору “руки-ноги”. Пройдя его, я начал светить Мусе. Муся засунула свой фонарь за пазуху и полезла в распор. Она поднялась до его верхней части, но ее роста не хватало для того, чтобы перейти на противоположную стену. Муся решила тогда перепрыгнуть через щель. Она спустилась вниз, я на всякий случай перекинул через выступ ванночки репшнур и подал его Мусе. Я не верил, что одинарный репшнур сможет выдержать рывок падающего человека, но надеялся, что он хотя бы сориентирует Мусю ногами вниз, если она сорвется. Муся поднялась метров на десять, прицелилась и прыгнула через пропасть, стараясь ухватиться руками за край ванночки. Это ей удалось, и она повисла над бушующим потоком. Но от удара о скалу фонарик выскочил и исчез под Четвертым завалом.

После этого мы медленно шли вперед, освещая путь Мусе спереди и сзади. Я все время оглядывал стенки щели, прикидывая, можно ли здесь отсидеться в случае паводка. Выходило, что паводок застал нас в самом плохом месте. В любом другом легко можно было двигаться в горизонтальном направлении на высоте 5-10 метров, отыскивая удобное место для отсидки.

Наконец мы подошли к водопаду “Мойдодыр”. Обычный путь по его краю был закрыт низвергающимися потоками воды. Мы остановились в недоумении. Поразмыслив, я решил обойти водопад сверху, где над нами нависал большой выступ. Я поднялся по стене,

встал в распор “руки-ноги”, подтянулся и повис над водопадом, а затем по потолку перебрался на верхний край водопада. Муся попыталась повторить мой путь, но для этого ей опять не хватило роста. Поэтому она (вспомнив Царицыно) решила пройти по стенке скалолазанием, — задача очень сложная, так как выступы на стене были очень маленькими, заглаженными, да к тому же еще и мокрыми. По крайней мере, я на такое лазание не решился. Я привязал к ней хилую страховку из одинарного репшура, и Муся двинулась по стене. К моему удивлению, ей удалось вылезти на водопад без всяких приключений. Видя Мусин успех, Леша тоже решил пройти по стене, и ему это также удалось.

После “Мойдодыра” нас опять ожидал участок глубокой воды, где надо было идти по дну. Но наклон реки здесь небольшой, и течение не такое сильное. На всякий случай мы снова связались и до Водопадного ручья шли по грудь в воде, держась за стену.

Когда, наконец, мы вылезли к ручью, я испытал чувство большого облегчения. Приятно сознавать, что поток уже не может сбросить тебя с уступа и потащить за собой. Теперь мы смело лезли напролом прямо под водой, не стараясь ее обойти. Впрочем, на Водопадном ручье нас поджидали новые неприятности: головное освещение отказало и у Лешки. У нас осталось одно мое освещение на троих, да и в нем стали садиться батарейки, и света хватало только на несколько метров. Поэтому мы двигались очень медленно, короткими переходами.

После Второго завала свет у меня почти совсем потух, и можно было видеть только на двадцать сантиметров впереди себя. Тут уж мы пошли совсем наощупь. Где-то около Первого завала сбились было с пути, но вовремя спохватились и вернулись. Тут мы увидели впереди себя прожекторы и услышали голоса. Это, наконец, пришли ребята из Университетского зала. Они принесли нам еды и целую пачку батареек. Через полчаса мы были уже в базовом лагере. Так благополучно завершился этот драматический выход.

1981 г.

ИЗ ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ СНЕЖНОЙ СЕКЦИЕЙ СПЕЛЕОЛОГИИ МГУ (КАК МГУШНИКИ «ДЕЛАЛИ» РЕКОРД МИРА)

Николай Чеботарев

Предыстория - впереди всего навалом

Спелеологи МГУ в глубине души всегда мечтали об открытиях и рекордах. Пещеры - последнее на земле место, где можно сделать географическое открытие и дать ему имя. Со времен Алексинского и Алексеевой в секции тренировались как на космонавтов. Когда я пришел в секцию, Виктор Благодатских рассказывал, как Алексинский набирал новичков: «Сколько раз можешь подтянуться? - Десять раз. - О, молодец! А на двух руках?»

До сих пор считается особой гордостью любить работать в плохую погоду, несмотря на невзгоды, и всегда петь.

Наша секция очень болезненно переживала гибель ее основателей. Почти все «старрики» уже ничего больше не хотели открывать. Откуда у Миши Зверева взялись моральные силы для организации практически новой секции - загадка.

К моменту моего прихода в секцию сформировалась идея того, что новые пещеры надо искать в новом районе. Я помню разговор, определивший жизнь секции на года вперед.

Мы должны были составить список карстовых районов, изучить теорию карста, просмотреть литературу, обойти все перспективные районы, - и все пещеры будут наши.

Н.А. Гвоздецкий дал нам список перспективных, с его точки зрения, районов, в котором был и Бзыбский хребет. Муся Григорян в одном из отчетов о путешествии по Бзыбскому хребту нашла слова: «... движение затрудняли многочисленные карстовые воронки...». К поездкам в Абхазию наша секция уже привыкла, и летом 1971 года мы начали поиск пещеры «до центра земли» с нее.

Поиск Зверева на Бзыбском хребте (август 1971) - закономерная удача

Лето началось с приобретения формального опыта, без которого мы не могли даже искать новые пещеры. Для этого одна наша группа поехала в лагерь Гены Пантюхина на Чатырдаг в Крым.

В те времена Пантюхин был легендарной личностью. Его первая тренировка - проверка «на вшивость» - заключалась в подъеме бегом с перевала на Чатырдаг и обратно после сверхплотного обеда. Весь лагерь был таким же - вполне в духе МГУ. В лагере в мою спелеокнижку написали вполне приличную характеристику кроме последней приписки: «Склонен к авантюризму.» Это могло сильно повредить пещерной карьере. И за что? - однажды я принес со стены веревку, которая ушла наверх после спуска группы в пещеру.

Из Крыма мы переправились палубными пассажирами бывшей яхты Гитлера - корабля «Россия» - на Кавказ.

Подъем вдоль реки Хипсты шел через село Дурипш. В селе пришлось задержаться - не в наших принципах было пропускать пещеры непройденными, а их оказалось много в чайных плантациях местных жителей. Мы стали так популярны, что нам говорили: «К нам в село приезжал Хрущев, а теперь вот - вы.» Кстати, если хозяин Дурипшской пещеры называл ее глубиной, - это и было так, с точностью до метра.

Первый поиск на Бзыбском хребте был первым подъемом высоко в горы для половины нашей группы. Теперь я точно помню каждый камень на тропе, потому что спелеология - это минуты восторга от пройденных пещер и недели таскания тяжестей. Для моего позвоночника это всегда было пыткой: каждые 10 минут надо хоть на секунду разгрузить спину, а спутники считают своим долгом прибавлять мне силы путем «давай-давай».

Некоторые моменты этого подъема стоят перед моим взором до сих пор. После заката я гонялся по скалам за летающими душами (светлячками), заманивающими к закрытым кустами обрываю.

На второй день пути, когда мы в морозящем тумане вышли за границу леса и сели на привал, Зверев спросил: «И что же вокруг нас?». При этих словах облака расступились, и мы увидели себя в окружении залитых солнцем скал, уходящих в небо. Лишь немного раз человек способен пережить такой силы восторг, который захлестнул наши души. Новичков приятно водить в пещеры именно потому, что ты, уже не умея так восторгаться, получаешь возможность жить их чувствами.

Наверху мы обшаривали нижнее, среднее и верхнее Карровое плато, небольшую часть перевала, в котором на каждом шагу встречался колодец, и бросить которое поэтому было выше наших сил.

Главным анекдотом экспедиции был Костя Фирсов. С ним постоянно происходили несчастные случаи, которые благополучно заканчивались благодаря его ловкости и изворотливости. Например: он ступает на заклиненный в щели булыжник, который тут же уходит вниз. Костя при этом делает что-то вроде сальто (он каратист) и становится в распор. Позже, когда мы лазили в Снежную, Костя научился опережать неудачу и стал передавать свои несчастные случаи идущим вслед за ним. Когда я шел за ним наверх, подо мной оборвалась лестница по обоим тросикам (я остался висеть на стенке с уступчиком и связал тросики). В Большом зале то же случилось с Лебедевым, после чего ему пришлось вылезать 30 метров по страховочной веревке на прусиках. (Лет 15 спустя я попробовал заставить это проделать спортсмена-СРТшника,- был очень интересный эффект.) В последний раз такой случай при-

вел к довольно серьезной травме Сергея Меженного. В конце концов мы почти серьезно обсуждали, не запретить ли ему последние дни лазить. Силы были на исходе и их уже не хватало на борьбу с происшествиями.

У Галки Болговой какая-то аллергия разукрасила все лицо, ее проводили вниз. Зверев с Мусей отвлеклись и сходили в дальний поиск в район горы Дзышра. Они принесли неуверенное впечатление: то ли есть пещеры, то ли нет.

Пролазив на Карровом плато дней 10, я тоже заявил, что хочу пойти по хребту в другую сторону относительно маршрута Зверева и Муси. К моему удивлению, меня восприняли серьезно, и Зверев даже стал говорить, что одного меня отпускать нельзя. Мы искали парами. Моей парой была Таня Рябухина с физфака, но она не считалась - нужен был мужчина. После часа препирательств со мной пошел Володя Глебов, а значит и его пара - Таня Гужва. Нас стало четверо, и в тот же день мы ушли по плечу горы Хипсты в новую долину. Еще с перевала мы оглядели наш район поиска и заметили провал будущей Снежной про который сказали, что там, конечно, ничего нет. Весь район мы разделили на части. Мне досталась основная долина, а Глебову - склон горы Хипсты. Весь следующий день мы искали. Мои пещеры были все до 10 метров длиной, у Глебова - 10 метров глубиной.

На следующий день я продолжал поиск в долине, а Глебов - в замеченном с перевала большом провале. Он оказался шириной и глубиной 20 метров и был наполнен ровным слоем снега. В него можно было спуститься без навески. Пещеры в воронке не было. Володя с Татьяной погуляли по ее дну и собрались вылезать, но пошел дождь. Таня отошла под нависающую стену и увидела углубление в снегу в которое Глебов тут же залез. Снег в ямке был помягче, на глубине двух метров более мягкая часть снега пошла поперек воронки. Глебов, трамбуя снег от мягкой части к жесткой, пробрался до противоположной стены, промял еще метров 10 снега вдоль стены и загремел в колодец. Выбравшись в распоре обратно, он под восторженную ругань Татьяны пришел в лагерь. Татьяна серьезно считала, что даже ради выпендривания перед ней нельзя рисковать судьбой экспедиции.

Глебов сказал, что для «плавания» в снегу, нужна гидра (гидрокостюм) и на рассвете убежал в большой лагерь за гидрой (мы имели пару на всякий случай). К обеду мы уже вместе с ним пошли «плавать» в снегу. Владимир спускался по ходу вниз и говорил куда идет ход, а я сзади «наводил комфорт» - вырубал в снегу полуметровые ступени. Пройдя таким образом около 200 метров, Глебов вернулся, и вкрадчиво пропустил меня вперед. Сползя с очередных трех метров снега я оказался перед балконом в черноту... Это было то, что мы все искали. «До центра земли».

Теперь настала моя очередь бежать в лагерь, за веревкой. Это было второе поразительное явление: Зверев, услышав пароль: «До центра земли», молча снял с каких-то колодцев веревку и отдал мне. Но почему он все не бросил и не пошел со мной?

В Большой зал первым спускался Глебов, а я его ревновал, хотя понимал, что право «первой ночи» у него - и по старшинству, и он (вернее его пара - Таня Гужва) пещеру нашел и прокопал.

Вскоре вся экспедиция переселилась в кош на границу леса. Кончились продукты и Меженный сбегал за ними вниз. Новые сразу тоже кончились, и также кончились запасы в коше пастухов.

Целая эпопея покорения Большого зала закончилась ничем: куда бы мы ни залезали - хода дальше не было. Мы уже начали выемку снаряжения, когда узнали, что Глебов прокопал глыбовый завал под стеной зала. Он должен был выходить последним и до последней минуты копал завал в сторону наклона пламени свечи. Когда его, уже последнего, звали наверх, он докопался до промытого шкуродера, в который не смог пролезть. В шкуродер дул штормовой ветер. Так Володя Глебов стал крестником Снежной во второй раз.

Выемка была прекращена, и дальнейший штурм несколько дней выглядел так: утром шла дневная группа, а ночью - мы с Глебовым. Дело в том, что мы никак не хотели допустить того, что пещера «заткнулась».

За шкуродером был глухой Малый зал, на его потолке Каролитовый лаз, в дне которого 23-метровый колодец, затем Вертикальный лабиринт и Каролитовый колодец, на дне которого - Галерея, по которой с двух сторон стекаются ручейки в огромный 20-метровый

колодец бутылкой (это его название - Двадцатиметровый, потом Усиков его переименовал в Предколодец, потому что за ним шел Большой колодец - Колодец с большой буквы).

Последним в Галерею спускался Зверев, который сказал, что пещера «идет» и стала пещерой Алексского типа. Мы возвращались победителями.

После этого похода Зверев с сотоварищами поехал на Алек в школу инструкторов, куда звали нагло поехать и меня. Потом он сказал, что за заслуги меня бы и взять. В те времена это было бы совершенно невиданное дело: от новичка до инструктора - за одно лето. Мне завидно до сих пор.

Осенняя экспедиция - рекорды надо делать быстро

Чья идея - идти осенью в Снежную - не помню. Скорее всего - Зверева, как нашего лидера. Это была нетривиальная идея: до сих пор спелеологи серьезно не ходили так высоко даже летом.

Вторая нетривиальная идея заключалась в том, чтобы взять с собой членов Городской секции спелеотуризма. Кажется, поехали Колесников и Ефремов. Я бы не взял.

Забрасывались двумя группами с интервалом в 3 дня. Тропили по грудь в снегу, потом по этому туннелю тащили рюкзаки. По нашим следам еще до границы снега увязались два недавно рожденных щенка, которые явно не дожили бы до следующего утра. Несмотря на крайнюю усталость, на закате Леша Захаров совершил подвиг: понес их вниз.

По дороге мы попали в снег сразу из зоны дождя, промочили и проморозили лагерь, пробили туннель не на тот хребетик, слегка заблудились и съели всю еду. Вторая группа во главе со Зверевым опаздывала на 2 дня. Я до рабочего дня сбегал вниз их поискать - никого не было. Мы решили назавтра спускаться вниз, но замешкались со сборами. В это время Зверев пришел и нагло заявил, что что-то мы тут нервные какие-то. Было обидно, но Глебов пробил правильную дорогу, выглянуло солнце, след нашей ушедшей наверх жены (Нади - жены Виталины Молоствова) пересек медведь, и мы быстро пошли наверх.

На работу у нас была всего одна очень жестко расписанная неделя, но на новую часть опять остался всего один выход. Мне крупно повезло: в последнюю группу Зверев взял меня и Глебова. Повезло - потому что в процессе отбора на это место было несколько здоровых, относительно отдохнувших, мужиков. Зверев что-то такое сказал, откуда было ясно, что момент серьезный и пойдём мы. Я за такое решение ему до сих пор благодарен.

Мы уже знали, что в следующий колодец Астрахарчик бросал камень и при удачном броске через несколько секунд слышал его стук, а при «неудачном» - не слышал. Кто-то в этот колодец приспустился и понял, что все в порядке - ледяная вода шла прямо на голову.

В первый отвес спускался первым Глебов. На глубине 60 метров была площадка, на которой он вбил шлямбурный крюк и стал страховать нас вниз. Зверев пошел первым во второй отвес. В этом отвесе оказалось еще 50м., и, как специально, в нужном месте оказалась еще одна водобойная площадка, на которой Зверев возился очень долго. Когда я туда спустился, Зверев тихонько пел, и я понял, что все в порядке. Моя очередь была лезть дальше одному.

Колодец стал таким широким, что мы чувствовали себя мошками на его боку. Мы условились со Зверевым, на сколько часов я могу уйти вниз, и что они будут делать, если я вовремя не вернусь. Кстати - ничего особенного они сделать бы не смогли, так как весь страховочный запас снаряжения мы взяли с собой и как раз повесили последнюю лестницу. Позже мы думали, что если бы наши «городские гости» дали нам свои самохваты (которые мы у них случайно увидели на выемке), мы смогли бы высвободить существенно больше снаряжения (веревки было больше, чем лестниц, а самохватами мы еще не пользовались).

Лестницы мне хватило до острия какой-то торчащей снизу скалы, основания которой с лестницы видно не было. С этой скалы я удачно скатился и долго отстегивался от душившей меня страховки. Вода уходила вниз сквозь завал огромных глыб в полу этого огромного мешка. Ринувшись в этот завал и спустившись с полудюжины уступчиков, я посмотрел наверх и понял, что назад дороги мне не найти. Дело в том, что снизу каждая глыба может про-

ходиться множеством способов, после чего ты попадаешь в новую систему лазов сквозь глыбы, а к выходу ведет только один из этих сотен вариантов. Темно и глухо, крикнуть некому, у меня на все 2-3 часа. Потом будут всеобщие спасработы, спуск за спасотрядом, которого при нулевой температуре мне не дождаться.

Имея такие мысли, я начал маркировать свой путь вниз турами из щебенки, порой разваливая тут же свои туры в тесноте лаза. На обратном пути, сдерживая приступы паники, после нескольких экспериментов я увидел, что по дороге вверх туров ставить не надо. И мне повезло: я вышел по наитию почти с первого раза.

Наверху Зверев и Глебов выли про кузнечиков: «Будет много кузнечиков, хватит на всех...». Их фонари казались звездочками в небе, с которого падал проливной дождь. Мое время кончилось. Я искричал себе еще часик и пошел искать ход дальше. Во время этого одиночного турпохода нашелся колодец под стену зала и разреженный глыбовый навал на самой верхней площадке дна.

На лестнице по дороге наверх моей главной мыслью была: что сказать - идет пещера или нет. Все ждали только этих слов, все остальное было лирикой. Ради этих слов была вся подготовка, плавание в снегу, таскание мешков, споры, потраченное время и деньги. Взяв грех на душу я сказал, что пещера идет по крайней мере в трех местах - под навеской, под стеной и на верхней площадке.

В конце концов проход оказался на верхней площадке. Когда мы со Зверевым летом следующего года залезли под первую глыбу этого завала, я якобы услышал внизу рев воды. Зверев сказал, что мне показалось. Тогда я сбегал вниз «по звуку» (лезть можно было во все стороны куда угодно), вылез назад к Звереву и подтвердил утверждение. Уже вместе мы долго лезли до колодца, на дне которого шумел ручей, удивляясь, что я мог услышать на таком расстоянии первый раз при шуме падающей в зале воды.

Мы посчитали и решили, что это рекорд Союза - ровно на ту глубину, на которую я спустился в завал на дне Большого колодца. Старый рекорд сделали красноярцы - 500 метров в пещере Заблудших на Алеке. В рекордную экспедицию красноярцы взяли с собой Илюхина, который потом все это описал в прессе, «забыв» упомянуть об участии в этом деле самих красноярцев. Своеобразный гений Илюхина заключался в том, что в разговоре с ним вы ему верили, а через пять минут понимали, что он вас надул. Можно было бы только смеяться, но в его команде тоже были хорошие спелеологи. Например, Володя Киселев, который в 1976 году учился в школе МГУ и недавно погиб при нырянии в сифон. Говорят, в последнее время он работал исключительно рискованно.

Лето 1972 - апогей

Как движущая сила подготовки вспоминаются Пашунчик, Бенья, Гужва, Булат, Сибиряк, Зверев во главе... Глебов был далеко, у себя в Протвино. Я в этом году пожертвовал математикой ради спелеологии, но летом у меня был госэкзамен по войне, а потом военные лагеря. По субботам-воскресеньям мы делали лестницы, добывали военно-полевой кабель, снимая его с деревьев в окрестностях Серпухова, делали транспортники, клеили гидры, точили железо, мастерили общественный свет. Помогали друг другу как могли: мне гидру клеила Таня Гужва, я многим делал свет.

Задержавшись в военном лагере, я поднимался к Снежной на пару дней позже основной группы. Рюкзак у меня все равно был немалый, но основной группе пришлось идти наверх «челноком» в 2-3 ходки. Это означает, что ты берешь первый попавшийся рюкзак и тащишь один переход, после чего спускаешься за другим и в это время отдыхаешь. Все рюкзаки были общие.

Если мужчины доходили до привала раньше женщин, было принято спускаться и брать рюкзаки у них на склоне. Как-то раз некто попытался взять рюкзак у Тани Гужвы и сломался. Она оправдывалась: «А я-то думала, почему это я устаю?». Спустившись для очередной ходки, она выбрала малюсенький рюкзачок, думая, что он самый легкий. Оказалось, что это была специально для мужчин упакованная связка карабинов.

Подъем был тяжелый: очень жаркое лето, воды нет. К тому времени, когда поднимался я, нашими уже были выпиты все лужи на тропе.

В 1972 году впервые возникло понятие «гнать стадо». Стадом была куча (десятки) мешков, которую группа из 2-4 человек постепенно перемещала по ходу пещеры. Я помню Галку Ивутину, которая, лежа в щели в ручье, выталкивала мешки мне вверх над своим лицом. Там у нее случился сердечный приступ, она отлежалась и мы продолжили «гнать стадо».

Корифеев мы разделили на штурмовые тройки. Я хотел в первую группу, так как мы могли из Университетского зала вообще не выйти. Первая тройка состояла из Зверева, Муранова и меня. Мы спустились с лагерем и снаряжением, разровняли площадку под палатку. Муранов остался ставить лагерь, а мы со Зверевым пошли осмотреться и нашли проход и ручей вниз (об этом читай выше). Экспедиция была сделана. Теперь можно было играть в трудности: я спал в абсолютно мокром пуховом спальнике, так как мой гидромешок оказался пробитым на спуске, мы голодали, подъезжая Мурановский набор из халвы, сахара, сухарной крошки, обломков свечей и спичек.

Много времени (2 выхода) было потрачено на второй завал: явный проход был по стене наверху, но наверху нависала глыба в тонну, которая ползла на того, кто к ней приближался, грозя все снести на своем пути. В конце концов она сползла на знаменитого альпиниста Валеру Цибанова. Он уцелел, откачнувшись в бок; пещера тоже не рухнула.

До сих пор для меня удивительна степень нашей дисциплинированности: руководитель Зверев лазил вместе со всеми, и ничего особенного в его отсутствии не происходило.

Группу, состоящую из Глебова, Муси и Леша Захарова между завалами застал паводок. Выходы наверх на завалы им были отрезаны, вода бушевала. Когда поток смыл Лешу, Муся тут же бросилась за ним, не думая, что ее саму теперь надо спасать. Глебов спас их обоих.

Идти было некуда. Они поднялись в распоре вверх по щели и нашли полочку, на которой мог сесть один человек. Муся забила под стену, а мужики менялись по очереди: один стоял на краю полочки, а второй стоял в распоре. Холод был такой, что они, стоя в распоре, постоянно раскатывали и закатывали гидрокостюм. Это продолжалось около восьми часов и за это время Муся ни разу не вылезла из своей «камеры пыток». Леша свесил с уступчика свой тлеющий налобник, чтобы спасотряд не прошел мимо, когда будет их искать.

Все же выходили они сами с одним еле светящим светом, и встретили спасотряд уже на завале.

Многими годами позже мы узнали секрет наших женщин: они за день до выхода переставали пить воду.

Сейчас Глебов, видимо, в Америке. Муся продолжает работать программистом в МГУ, а Лешу я последний раз видел в виде босого богомольного бродяги.

Лето 1973 - МГУ сдается

После экспедиции 1972 года мы, каждый по-своему, понимали, что секции надо переходить на новый уровень работы. Зверев с Мусей решили, а мы все согласились с тем, что надо организовать всесоюзную экспедицию - пригласить сильнейших спелеологов из главных секций страны. Поехали все приглашенные: с нами были свердловчане, томичи, красноярцы и многие другие. Нас и приглашенных было примерно пополам, но так как дело нашей чести было пропустить все города на дно, нам самим досталась только навеска и выемка снаряжения. Все иногородние группы доходили до дна и жили там, счастливые до обалдения, с ужасом ожидая момента выхода на поверхность. Когда я спустился на дно для выемки снаряжения, у меня было около 5 часов (пока томичи на дне собирали лагерь) для поиска прохода в пятом завале. Конечно, это была экскурсия, а не работа. Когда мы вернулись, лагерь еще не сняли, но было уже все равно: экспедиция окончилась неудачей. На разборках полетов мы узнали, что все секции страны уже были приучены московской городской секци-

ей: если их приглашают, то только на роль шерпов. Поэтому они послали не совсем первый состав, который рассчитывал посмотреть подходы, а не совершать подвиги.

Я работал с одним московским спелеологом, очень здоровым, но больше альпинистом, чем спелеологом. Вскоре он погиб на восхождении, проехав полкилометра по пологому фирну. Мы поднимались к пещере позже всех (я получал диплом), прихватив с собой корреспондента «Комсомольской Правды» - Илью Репина. Последний очень расстраивался, что наверх не летит вертолет (нет погоды), а мы не хотели ждать погоды. Наша взяла: все вместе пошли наверх пешком. Поднявшись к Снежной, Репин сразу пошел фотографировать Сашу Муранова, который должен был изобразить спуск во входной колодец рекордной пещеры. Правда, он поленился соответственно одеться: смотри фотографию, на которой он вот-вот отпустит руки и улетит на глубину 40 метров. Вербка окажется не привязанной, а только крепко втоптанной в грязь. На дне Саша пробьет снежный карниз, пролетит еще 4 метра и будет стоять, дрожа, на краю спуска вниз, пока к нему не спустится Женя Цибилов.

Саша Муранов пролежал несколько недель в больнице, и когда мы с ним купались по дороге в Москву, жаловался, что чешется ободранное во время падения плечо. В пещеры он больше не лазил.

1974 и позже - после драки кулаками не машут

После этого мы ездили в Снежную много раз, летом и зимой, одни и с кем-то, нашли в нее другие входы (Меженного, Сувенир), демонстрировали ее всей стране на курсах высшей туристской подготовки..., но пещера уже перестала быть нашей. Пещера принадлежит тому, кто был в ней глубже всех. Мы же с тоской вспоминаем каждый поворот ее ходов и связанные с ними истории.

Когда эпоха Снежной явно подошла к концу, ее глубину обогнали другие пещеры, например Пантюхинская, мы увидели, что никто из нас не был на глубине 1000 метров. ! На собраниях мы даже уговаривали сами себя, что не в этом счастье; наше дело - наука или что-то еще в этом роде. Мы просто друзья. В качестве завершения своего общественного долга перед секцией я свозил секцию МГУ на километр - в пещеру Московская, но она тоже не стала нашей.

Перечислим имена, которые вспоминаются вместе со словом «Снежная»: Зверев, Муся, Глебов, Гужва, Бенья, Пашунчик, Лебедев и Серега Меженный, который говорит: «Ослик наш сегодня зол, - он узнал, что он осел.»

декабрь 1996 г.

ЭКСПЕДИЦИИ В СНЕЖНУЮ

Булат Мавлюдов

Снежная началась для меня в ноябре 1971 года. Летом я был на практике на Колыме и появился в Москве в середине сентября. Я знал, что летом планировался поход на Грванку в горах над Сухуми, описание этого района Муся нашла в одном из туристских отчетов. Но поехали на перевал Дзина, где описывался лунный ландшафт. В эту экспедицию и нашли Снежную, причем под завершение, когда уже кончались продукты. Она поразила всех своими размерами, да и глубины удалось достичь солидной - 320 метров. Это вызвало необычайный энтузиазм в секционных рядах, всколыхнув многих «стариков». За два месяца удалось подготовить экспедицию, набрать веревок, а главное, наделать тросовых лестниц: на каждом отвесе вешали лестницу и две веревки.

Набралось около 20 человек. Когда мы прибыли в Дурипш, шел дождь, горы были скрыты под низкими тучами. У меня не было сапог, и Зверев, узнав об этом, велел срочно их покупать, благо они оказались в Дурипшском магазине. Потом долгий подъем по скользкой тропе под дождем. Ночь застигла нас на крутом склоне перед “лужей с головастиками” (высота около 1000 метров), здесь и поставили палатки. Костер не хотел разгораться, но после общих усилий ужин все-таки удалось приготовить. Дождь шел и на следующий день, и нам удалось добраться с грузом только до входа в Ущелье (около 1400 метров). Здесь уже лежал тонкий слой снега. С утра вдруг - ясная погода. Сначала решили забрасывать снаряжение в одну ходку, но когда снега стало много, пришлось применить другую тактику: трое тропили, а остальные делали ходки с грузом. До Снежной дошли за два дня.

Лагерь в первые экспедиции располагался в долинке южнее Снежной на краю мыска леса - так, чтобы рядом были дрова. На работу в пещере оставалось пять дней, из них один на заброску и один на выемку. Чтобы не тратить время на спуск и подъем, решили организовать в Малом зале подземный базовый лагерь. Навеска в снежно-ледовой части была совсем не такая, как сейчас: после входного колодца уходили в дыру во льду и шли до места, «куда провалился Глебов». Это место старательно обходили, а дальше — вниз по ступеням на остром снежном гребне на самостраховке, до спуска в Большой зал. Перед современным спуском в зал еще был колодец глубиной 18 метров.

Спускаясь в Большой зал, метров 10 иду вдоль стены, а затем оказываюсь висющим в пустоте: слабый луч фонаря не добивает до стен. С вершины конуса вниз ведет тропа из ледяных ступеней. У выхода из зала — столпотворение, идет перетяжка мешков и рюкзаков через шкуродер. Пока мне здесь было явно нечего делать и, чтобы не мерзнуть, Миша Зверев предложил мне обойти Большой зал по периметру. Один раз я пожалел, что пошел в одиночку. Помню себя на дне колодца во льду с вертикальными стенками высотой около 2.5 метров. Тогда чуть не возникла паника - меня никто не слышал и помочь не мог. Когда вернулся к шкуродеру, то еще поучаствовал в перетягивании мешков. Шкуродер этот был в то время узок и, чтобы проползти, мы снимали обвязки (его раздолбили в 1974 году красноярцы). Ползать приходилось часто: лагерь стоял в Малом зале, а вода была только в Большом. Второй шкуродер был еще уже, в нем приходилось протискиваться под определенным углом. Лагерь в Малом зале представлял скопище серебрянок и кучи снаряжения и продуктов.

В эту экспедицию сделали топосъемку и за три выхода прошли Большой колодец — на каждый уступ один выход. Последний сопровождался выемкой снаряжения. Все время пока Коля Чеботарев спускался на дно колодца, гулял среди глыб завала и поднимался, мы простояли наверху первого уступа, а потом сматывали всю гору лестниц. Кажется, мы вынимали их плетью: нижнюю лестницу подцепляли к средней, а ту к верхней.

Это была первая экспедиция секции, когда много народа жило в подземном лагере и готовили на примусах. В Малом зале было прохладно, но не так холодно, как в Большом. Всем запомнилась плохая еда. Так получилось, что и я приложил к этому руку. Юра Колесников был завхозом и поручил мне купить для перекусов банки болгарской фасоли. Как назло, перед экспедицией в районе Университета фасоли не оказалось, были лишь растительные голубцы. Я рассказал об этом Колесникову и он велел покупать голубцы, времени искать фасоль больше не было. Все плевались, но ели. Запомнилось еще, как Витя Благодатских отрезал кожу руки от ботинка, который склеивал клеем цеакрином — этому клею все равно что клеить.

В мае 1974 года прошла полностью неудачная экспедиция в Снежную. Команда под руководством Миши Ноздрачева в составе 10 человек (в том числе двое из Перми), увязнув в снегу выше ущелья и побоявшись попросту потерять время, переключилась на поиск пещер в лесной зоне. Нам удалось найти горизонтальную пещерку и несколько колодцев (искали в пределах высот 600 - 1200 метров). Пробовали искать выход Снежной на реке Хипста — безуспешно.

В конце мая 1977 года команда из 3 человек (Ноздрачев, Глебов и Мавлюдов) устроила вылазку на Раздельный хребет. Мне не удавалось до этого попасть на хребет летом —

каждое лето я был в геологических экспедициях. Хотелось посмотреть окрестности Снежной.

Мы договорились встретиться на вокзале в Гудаутах (я ехал из Тбилиси, а ребята из Москвы). У меня был в запасе день и я, как давно мечтал, сходил на Гудаутскую чайную фабрику в Лыхнах. Экскурсию провели для меня одного - гость из Москвы. В конце показа после чаесортировального автомата, из которого выходят 19 сортов чая, я остановился около одной из куч готового чая на бетонном полу. Потупив глаза, я спросил нельзя ли попробовать их чай. Меня сначала стали стыдить, но потом спросили, большой ли у меня пакет. Когда увидели мой маленький пакетик, то насыпали без возражений, ведь отдыхающие берут у них чай авоськами. Кстати, мы пили этот чай в течение всей экспедиции, не притронувшись к индийскому со слоном.

Лагерем мы встали у пещеры Мусиной в коше пастухов. Местами еще лежал снег. Частый дождь и холод деморализовывали. Но мы это преодолели и бегали по поверхности. Я смотрел геологию. Сходили через хребет к источнику на ручье, впадающем в реку Дзбажу. Это не был выход Снежной — слишком высоко, да и невелик. На обратном пути видели след медведя, который только что прошел за нами по нашим следам. Известняковые конгломераты у этого источника и в других местах на северном склоне Раздельного хребта вызывали вопрос: не они ли встречены на подземной реке в Снежной?

Как-то на крутом склоне у известняковой стенки присели отдохнуть. Под скалой была дырка. Издали бросили в нее камень и, не получив в ответ ни звука, стали обсуждать дальнейший маршрут. И тут где-то внизу раздался стук, а потом, через долгое время, еще один. Мы стали кидать камни и получили тот же результат. Так была найдена шахта, получившая впоследствии название «Не в коня корм». На ее штурм было затрачено много сил, а глубина оказалась всего лишь 150 метров.

Мы много бегали по склону хребта. Однажды, осматривая место красноярского лагеря (к западу от Снежной — то, сейчас называется поляной Сувенир), мы в одной из воронок обнаружили зияющую дыру. Посмотрели, за ней несколько уступов, а на одном из них обрывок комбинезона — значит, здесь были красноярцы. Мы хотели расширить вход — уж очень он был опасен: нависали круглые известняковые валуны. Вытаскивая один камень, мы устроили целый обвал, полностью завалив вход в пещеру. Под камнями был погребен и геологический молоток, который мне достался от Алексеевой и с которым я ходил по хребту. Мне жалко было потерять этот сувенир прошлого, но достать молоток было невозможно. Поэтому найденная пещера получила имя «Сувенир». Хорошо, что Миша Ноздрачев успел посмотреть, как проходит ход в пещере. Это позволило выкопать в нее новый, безопасный вход.

В этой экспедиции я впервые поднялся на гребень Раздельного хребта, на гору Хипста и увидел сверху необъятный известняковый массив, на котором мне довелось впоследствии еще не раз побывать.

В мае 1978 года была проведена первая экспедиция в Снежную совместно с командой Усикова. Вернее, Усиков позволил нам пройти пятый завал Снежной, рассказав о месте прохода в нем. Охваченные энтузиазмом, почти как в первые экспедиции, собрав многих стариков, мы отправились на Раздельный хребет. Я выехал со второй группой. По пути из Дурипша наверх встретили участников первой группы, напугавших нас страшными солнечными ожогами от свежего снега. Закутав лица и надев черные очки, поднялись к пещере. Усикова видели очень короткое время - он с нами погулял по поверхности над предполагаемым местом прохождения пещеры.

К тому времени уже было решено сворачивать экспедицию — показалось, что в пещере очень много воды. Действительно, бурное таяние снега привело к увеличению количества воды в ручьях пещеры и неизвестно, что бы происходило на подземной реке. Наша группа (Глебов, Михалин и я) делали топосъемку Галереи, обнаружив в ее конце глыбовые завалы и колодцы, уходящие вверх. К тому же мы почистили место лагеря в галерее, собрали всю грязь, накопившуюся с предыдущих экспедиций. Стало совсем чисто. Получилось два огромных тяжелых транспортных мешка, которые мы подняли на поверхность. Когда я

на следующий год был в том же месте пещеры, то поразился как бы воскресшему количеству грязи. Когда я спросил об этом в Москве Морозова, то получил такой ответ: мы пришли, смотрим — стало чисто, значит прошел паводок, который все помыл и можно снова сорить.

В эту экспедицию я взял с собой гидрохимическую лабораторию: реактивы, пробирки, бюретки и сделал несколько анализов воды прямо на месте (при консультации химика - Саши Михалина). Во время нашего выхода произошел небольшой инцидент. В Большом зале мы решили осмотреть колодец глубиной 23 м, который идет сквозь конус. Рядом с ним расположен 7-метровый колодец, имеющий с предыдущим общую стенку. Он сходился на нет. С вершины конуса мимо 7-метрового колодца шли перила. Мы с Володей Глебовым стояли на краю 23-метрового колодца, размышляя как вешать в него снаряжение. Вдруг раздался грохот. Это Саша пошел по перилам, но пристегнулся не самохвatom, а карабином, и слетел на ледяном крутяке. Хорошо, что он угодил в 7-метровый колодец и отделался лишь ушибами, а если бы упал на камни на дне 23-метрового?

Почему же такая большая и сильная команда не смогла в тот год спуститься в Снежную? Основной причиной было наверное то, что секция была сильно деморализована в последние годы, особенно после несчастного случая с Сашей Петровым в 1976 году. Экспедиция закончилась неудачей, но для меня она стала первой ступенью в научном исследовании Снежной.

Летом того же года (с мая по октябрь) я работал в Новом Афоне — в основном изучал оползни. Субботы и воскресенья были выходными и я посвящал их посещению окрестностей: сходил на Бзыбский массив в гости к красноярцам, прогулялся по долине реки Хипста до границы леса, съездил на какой-то спелеосбор в Воронцовку, а в начале октября сходил к Снежной. Я шел налегке и потому оказался у Снежной засветло, хотя по дороге и помешал дождь с градом. Если бы я никого не нашел, то успел бы скатиться до дров еще засветло. Но в Логове (небольшой площадке с каменным навесом рядом со входом в Снежную) стояла палатка и в ней пребывал один человек — Володя Беляев из команды Усикова-Морозова, которые в это время были в пещере. Он сидел на телефоне. Переночевав у него и поболтав с Усиковым, я на следующий день спустился в Дурипш.

После этих двух контактов в экспедициях и разговоров в Москве я, видимо, произвел благоприятное впечатление на Усикова и Морозова. И вот однажды, весной 1979 года, мне позвонил Саша Морозов и предложил устроиться в Институт географии АН СССР, чтобы прикрывать наукой их экспедицию в Снежную. В 1977 году я перешел в институт ВСЕГИНГЕО в надежде на карстовую тематику. Выяснилось, что ее не будет и я с радостью ушел в Институт географии. Дело в том, что Георг Людковский, бывший зять Александрова, президента Академии Наук, был спелеологом из команды Морозова-Усикова. Как-то они втроем пошли к Александрову, рассказали о Снежной, о возможном рекорде мира и о том, что ее не изучают. Результатом этого разговора стало то, что тематику по Снежной «спустили» на Институт географии АН СССР. Директор института И.П. Герасимов отдал эту тематику самому богатому отделу института — отделу гляциологии (ведь название пещеры связано со снегом). В отделе (и в институте) не было специалистов по глубоким пещерам, и Морозов посоветовал меня. Весенним утром мы с Сашей Морозовым оказываемся в кабинете Владимира Михайловича Котлякова. Меня берут на временную работу, которая стала постоянной только через 2 года.

Сразу же, летом 1979 года, я выехал в Снежную. Начальником экспедиции нам назначили Николая Мишина. Наукой он не интересовался, а был профессиональным начальником экспедиций. Я подключился к экспедиции, когда почти все было готово, и пришлось ехать на Кавказ позже других (увольнение, сдача дел, оформление перевода потребовали много времени). Когда я прибыл к Снежной, все уже загрузились в пещеру и никакой оказии не предвиделось. Мишин оставил меня за начальника, а сам старался оставаться на хребте как можно меньше времени. Тогда была построена площадка ниже Логова — здесь стояла палатка Усикова, где жили его жена и двое детей. Отсюда тянулся в Снежную телефонный провод.

Но попасть за Пятый завал мне все-таки удалось. Мы спустились туда с Сережей Власовым. Цели нашего спуска я не помню, но скорее всего она была экскурсионной. Кажется, мы один раз сходили с мешками для Усикова вниз по реке. Когда собрались наверх, на поверхности пошел дождь, вода в реке поднялась и мы вышли из зала Надежды на день позже. Но на реке почувствовали, что воды еще многовато и мы вряд ли пройдем водопады. В результате встали лагерем на четвертом завале, который в большие паводки заливается целиком. Наутро благополучно пошли наверх, но вздохнули спокойнее только на ручье Водопадном, где паводок уже не страшен.

В эту экспедицию я только смотрел и прикидывал, что нужно будет сделать в пещере. Поскольку эта экспедиция была гляциологической, то мне невольно пришлось обратить внимание на снег и лед в пещере и в результате почти полностью уйти от геологии, занявшись льдом и микроклиматом пещер, о чем я не жалею.

Поскольку я являлся начальником, то на меня «свалились» и официальные дела. В августе в Снежной была заявлена работа городской секции, и Усиков должен был выйти к этому времени. Дожди ли помешали или двигались они не слишком быстро, но выход задержался. Приехала экспедиция городских. У них отпуска, они не могут ждать. Сколько мы не противились, они однажды ночью ушли по нашему снаряжению и вышли по телефонному проводу в зал Надежды, таким образом разувая дорогу сквозь Пятый завал, которую Усиков старался от них скрыть. По дороге эта команда порвала несколько лестниц в ледовой части пещеры. В результате начался грандиозный скандал, который поддержал и Усиков по телефону: они могли, сами того не ведая, порвать телефонный провод. Договориться с городскими подождать выхода Усикова не удалось, в результате в президиум Академии Наук пошли телеграммы о том, что нам нарушают технику безопасности. Поскольку телеграмма оказалась по размеру около страницы и посылалась из Дурипша, то, естественно, ее полностью переврали при передаче. Я видел ее потом, там ничего было нельзя понять. Ясно было, что что-то случилось. В результате из института срочно прислали комиссию с приказом бросать все и выходить на поверхность, лишь бы люди были целы. (Впрочем, этот грозный приказ несколько не облегчил впоследствии процесс списания вышедшего из строя снаряжения.) Усиков в это время уже был недалеко от поверхности и потому мы вынули все снаряжение. Проход в зал Победы Усиков завалил камнями, а телефонный провод протянул в глыбовый завал, и городские так и не смогли выйти на реку после Пятого завала.

А скандал вокруг Снежной не утих и после возвращения экспедиции в Москву. Вплоть до декабря продолжались взаимные обвинения через официальные письма. После этого скандала Владимир Михайлович Котляков (ныне директор института) недолюбливает пещерную тематику (если сказать мягко). Его можно понять, он не искал этих неприятностей, да и обещанные под экспедиции деньги так и не были выделены президиумом, а все затраты оплачивались из антарктических денег.

Осенью 1979 года была новая экспедиция, которая длилась почти 4 месяца. Мы выехали в середине ноября, так что мне пришлось, в прямом смысле этого слова, зимовать на Раздельном хребте. Итак, вертолет приземлился на поляне Сувенир. Лежал тонкий слой снега, который вскоре стаял и установилась сухая погода. Снег лег очень быстро после 12-13 декабря. Запомнилась очень однообразная еда: гречка с сушеным мясом. Но при тяжелой работе годилась любая еда. Народу было много, но почти все ушли на заброску — каждому хотелось попасть поглубже в уже знаменитой Снежной (даже в роле шерпа).

Планируя экспедицию на зиму, мы решили построить нечто вроде хижины, в которой можно было бы жить, не боясь снега. Поэтому на поляне лежала груда досок, брусьев и листов фанеры. Решили поставить большую 6-местную геологическую палатку на каркас и обшить фанерой. Почему сели на поляне — не помню, наверное пилот отказался садиться ближе к Снежной. Палатку решили ставить в Логове, как потом выяснилось, самым неудачном месте. Зимой там образуется надув плотного снега высотой около пяти метров. Легкую каркасную 10-местную палатку занесли быстро и стали носить мешки. Доски никто носить не хотел: Морозову домик был не нужен, другим спелеологам — тоже. В результате почти все доски и фанеру пришлось носить самому. Помню, как лист фанеры норовило унести со

склона под напором ветра и приходилось все время идти на четырех точках. До снега удалось поставить каркасную палатку (4х6 метров, высота по коньку 2.5 метра) и сделать с двух сторон нары и стол. Поставили и жестяную печку. Дрова также завезли на вертолете и опять до поляны Сувенир. До снега занесли лишь немного. Палатку, как выяснилось, поставили не безукоризненно: настил пола немного выступал из-под стен и вода, которая образовывалась при таянии снега над палаткой, частично стекала в палатку по полу. Поэтому пол был всегда сырой, не помогал и брезент.

Снегопады начались дружные и сразу выпало около полуметра снега. Снег тут же раздавил палатку с алюминиевым каркасом, а у нашей палатки прогнулись скаты. Началась борьба со снегом, которая бесславно закончилась, потому что палатка оказалась в яме. Когда я ушел под землю, все шерпы уже уехали, на связи осталось два человека, а в пещеру ушли пятеро: Саша Морозов, Сева Ещенко, Георг Людковский, Роман Хубихожин и я. Коля Мишин был в Дурипше и временами прилетал на вертолете узнать, что нужно. Мы с Романом помогали штурмовой тройке нести вещи до Глиняного зала (глубина 950 метров). Телефон был до зала Победы.

Интересные вещи стали твориться на одном из уступов подземной реки. Все спустились с уступа, а мне нужно было подавать мешки по троллею. Во время спуска последнего сломалось ушко шлямбурного крюка и веревки повисли на одном крюке из такого же материала. Срочно пришлось искать выступ, чтобы запараллелить этот единственный крюк. Удалось найти лишь небольшое углубление там, где в паводок идет вода. Использовал его. Представил что было бы, если крюки сломались подо мной: связи нет, спасотряда тоже. В лучшем случае ребята подъехали бы из Москвы через пару месяцев... Стал спускать мешки по веревке, прицепляя их парами. После первой пары веревка провисла и легла на выступ. В результате мешки на выступе летели поверх веревки, а потом повисали на троллее. И вот в тот момент, когда мешки должны были повиснуть на веревке и покатиться дальше, карабин выщелкнулся и мешки грохнулись вниз. То же повторилось и со следующей парой. Потом веревку оттянули и все пошло гладко.

Был конец декабря. Продолжительность выходов составляла 40-60 часов: мы снимали лагерь, «гнали стадо» мешков и вновь ставили лагерь, ограничиваясь в промежутке одним горячим перекусом. К концу такого «дня» при вынужденном простое все кемарили. Мешки «гнали» и на себе и сплавляли по реке, плыли на них через озера, передавали из рук в руки на завалах, но самое сложное было найти место, где можно сложить все перегоняемое «стадо». Такое путешествие Саша Ефремов назвал пещерным туризмом.

Мы часто обсуждали такой вопрос: как привлечь внимание сильных мира сего (а значит и их кошельки) к штурму пещеры. Был даже проект послать из пещеры телеграмму на имя Брежнева, поздравив его с рекордной глубины с днем рождения. Почему-то мы этого не сделали.

Новый год встретили в Глиняном зале. Устроили дневку, погрели воду, помылись. В одном из модулей, который, к счастью, не стал летающим, была бутылка шампанского, колбаса и сладости. После ходки вперед мы с Романом пошли наверх. По дороге занимались научной работой: я мерил температуру воды во всех притоках и в реке, брал воду на химанализ, измерял скорость ветра, проводил геологические наблюдения, отбирал образцы пород. Опубликована только малая толика результатов, а остальное осталось в полевых дневниках, которые хранились у Саши Морозова. Их дальнейшая судьба после его гибели мне не известна. Тогда же мы провели топосъемку Анфилады. Самое большое впечатление на меня произвел Цветочный ход, где обычные в пещере желтоватые и серые краски сменяются на ослепительно белые с перламутровым отливом. Анализы показали, что это гидромагнетит, но почему именно здесь его так много, неизвестно.

Из зала Надежды выходили без работы. Роман почувствовал себя плохо (мы жили почти месяц в пещере) и мы по телефону передали, чтобы по возможности вызвали вертолет. Случилось так, что Роман поднимался первым и улетел на вертолете, когда я еще выходил из последнего колодца. Когда я добрал до домика, он уже был в Дурипше.

Выйдя на поверхность, я увидел, что все замечено снегом, от логова не осталось и следа. Из снега торчал кусочек трубы, который уже не раз наращивали и неподалеку темнела

нора под снег — вход в палатку. В палатку холод не проникал и даже без печки в ней сохранялась положительная температура. Снег лежал только на коньке палатки и не прикасался к ее скатам. Хорошо, что стойки были из толстых брусьев - над палаткой было 2.5 метра снега. На следующий год палатку поставили на поляне Сувенир, и к концу зимы ее занесло только до конька.

Когда я вышел из пещеры, дрова у нас были уже на исходе, а на поляне Сувенир их лежало еще несколько кубометров. Но как туда добраться по такому снегу и крутому склону? Пришлось делать снегоступы из подручных средств: деревянную рамку обтянул брезентом от продуктового мешка, а из веревок сделал лямки. Оказалось, что и вниз по склону можно идти выбивая в снегу ступени. Когда их прихватило морозом, то можно было ходить и без снегоступов, как по тропе. Дрова были буковые, в основном бракованные ножки для кухонных табуреток. Я сразу же часть из них примостил для вешек, которые потом установил в снег в Большом зале, чтобы смотреть за таянием снега. Сначала только положил сверху номер и залил эпоксидной смолой. Их, наверное, и до сих пор можно найти в Большом зале.

Целую поэму можно написать о том, как мы разжигали печку по утрам. Труба за ночь становилась холодной (она ведь в снегу) и дым в нее никак не хотел идти, ему было проще выходить в палатку. Придумали такой способ: на дрова плескали бензин и кидали в топку спичку. Струя огня выбивала из топки и из трубы, после чего печка начинала работать. Я боялся, что спалим палатку и опробовал другой способ. В консервную банку с золой налил бензин. Получилась отличная горелка, на которой при необходимости можно было разогреть еду. Ее ставили под дрова и печка постепенно расходилась.

В конце января я остался один, но прибыли: Миша Ноздрачев, Саша Михалин, Юра Шакир и Дима Панюшев. Они приехали штурмовать шахту Меженного. Ребята жили в палатке, а работали в пещере. Я, пользуясь тем, что на поверхности есть люди, которые помогут, если что случится, отправился работать в Большой зал: хотел сделать карту конуса в горизонталях. Я пошел на 5 дней, но была телефонная связь и возможность все скорректировать. Проблемы со съемкой, конечно, были — топосъемка в одиночку требует много времени. Но я ходил в кошках по конусу и не имел проблем.

Вечером первого дня, поболтав по связи и узнав свежие новости, я попросил включить мне какую-нибудь радиопередачу. Ребята на нашем институтском “Океане” нашли «Голос Америки», который здесь не глушили, и я стал его слушать. Где-то через полчаса прозвучала фраза: «Новый год ворвался, как советский танк в Афганистан...», и связь прекратилась. До этого я слышал, что зимой Морозов с Усиковым откапывались из Снежной после схода лавины, но не верилось. Через какое-то время послышался шорох со стороны навески в Большой зал. Я побежал на вершину конуса и увидел у стены горку нового конуса из грязного снега высотой около метра. Значит, лавина порвала военно-полевой провод. Что она сделала с навеской и есть ли теперь выход из пещеры, я не знал. Наверху были друзья и меня не покидала уверенность, что не пропаду. Поэтому я продолжил работы. Тем более, что в зале мне ничего не угрожало.

Сделал выход в Галерею (-320 метров), где отобрал образцы на спорово-пыльцевой анализ из 15-метровой толщи рыхлых отложений, некогда заполнявших Галерею. Возможно они были занесены туда во время последнего оледенения. О том, что отложения древние, говорил тот факт, что кремень в нижних горизонтах крошился руками. Контрольные исследования показали, что даже в нижних горизонтах прекрасно сохранилась пыльца. Но вот беда: я не смог найти аналитиков. В институте не было специалистов по этому району, а грузины наотрез отказались. К сожалению, после долгого лежания образцы погибли. Может быть, кто-нибудь прочитает эти заметки и повторит работу.

Некоторые спрашивают: не было ли тяжело жить одному в Большом зале 5 дней? Этот вопрос возникает обычно после чтения книг Мишеля Сифра. Я был примерно в его ситуации и не мог его понять: ведь просто нет времени для страхов и переживаний, если ты занят делом (а хочется многое сделать). Я фотографировал конус и его детали, слои льда в 23-метровом колодце с противоположной его стороны, повесив масштабную ленту. Для фотографии конуса использовал подсветку со стороны фотоаппарата вспышкой и сжигал пакеты

из-под сухого молока, дающие белый свет. За конусом стояли свечи, а выдержка была несколько часов.

Итак, связи не было, но ко мне никто так и не спустился. Когда вышел срок, я взял психрометр, ледоруб и пошел наверх. На реперных точках включал свою жужжалку и считывал показания по сухому и смоченному термометрам. Все было пока как обычно, но колодцы в Ледовом зале были засыпаны снегом. Вот выхожу из колодца над Ледовым залом и передо мной конец веревки, торчащий из снега, который полностью забил проход вверх. Даже не копая снег, понимаю, что делать здесь больше нечего. Хорошо, что в этой части пещеры лед проеден каналами. Надо попытаться найти выход наверх в этом ледяном лабиринте. Вот подъем на следующий уровень, но и отсюда нет выхода. Значит надо пробираться дальше. Ура! Впереди виден свет, значит есть выход. Наконец я вблизи от верха того колодца, от основания которого недавно начал свое путешествие. Веревка идет сверху и уходит в плотный снег, вот и обрыв телефонного провода. Он оказался только из медных жил. 3 метра подъема во вертикальной снежной стене и виден весь обратный путь наверх. Дальше уже можно идти пешком. Страховочная веревка под снегом, но подняться можно и без нее. Когда я ввалился в палатку, вся четверка оказалась на месте, они только что вышли из шахты.

Ребята ушли и я остался один. Стало веселее, когда появилась связь с группой Морозова. Из Большого зала я уже помогал «гнать» мешки с выемкой снаряжения. Наконец все собрались в крутой снежной воронке, в которую зимой превращается входной колодец. За мешком с фотоаппаратами и отснятыми пленками Георг Людковский присматривал лично. Он вдавил этот мешок в снег рядом с собой, а сам подцеплял к веревке другие. В это время шла довольно густая крупа и по склону воронки текли мелкие ручейки крупы, заполняющие все углубления (в том числе и следы). Когда была вынута последняя веревка и отправлены наверх все мешки, настал черед фотомешка. И тут на краю воронки прорвало снежную плотинку и вниз хлынула небольшая лавинка из крупы, которая прошла рядом с Георгом и подхватила с собой мешок. В мгновение ока он скрылся из глаз, а Георг отчаянно заголосил. Пропали все фотоматериалы экспедиции. Люди были до предела вымотаны, но мы с Сашей Морозовым снова навесили веревки и добросовестно осмотрели углубления по пути до Кривого колодца. Сил спускаться в Большой зал уже не было.

Потом всплывает следующая картина: мы во дворике в Дурипше, раскладываем для просушки снаряжение, которое только что спустили на вертолете. Кругом тепло и зеленая травка, а в складках палатки еще примерзший лед...

Потом были еще экспедиции лета и зимы 1981 года, лета 1984 и 1986 годов. В них было много интересного, много работы, но глубже Галереи мне в Снежной больше спускаться не пришлось.

ноябрь 1996 г.

ПАРЯЩАЯ ПОД ЗЕМЛЕЙ ПТИЦА

Юрий Шакир

Над Западным Кавказом занималось утро. Мы сворачивали лагерь после ночлега, когда на поляну вышел парень с рюкзаком за спиной и многодневной щетиной на лице. Его лицо показалось нам до боли знакомым - кто-то быстро узнал и закричал: «Димка!» Китаева окружила радостная толпа: каждый хотел пожать ему руку или хлопнуть по спине, кто же ожидал, что он догонит нас, пройдя один вдоль реки Шахе 20 километров! Кроме радости встречи с Димой тут же по-дружески поделились такими жизненно важными предметами, как продукты и снаряжение. Он почесал затылок и принялся запихивать их себе в рюкзак. А вскоре мы вместе продолжили подъем на Черкесский перевал высотой 1850 метров. О его близости говорил просвет между вершинами буков.

За перевалом открылось холмистое плато, над которым внушительно возвышался массив Фишт с пиком на 2867 метров. Мы собирались подняться до уровня 2350 метров и найти там вход вертикальной пещеры Парящая Птица. В 1973 году ее первопроходцам В.Блинову и Н.Ермакову удалось достигнуть глубины 220 метров, а на следующий год они предложили продолжить штурм сложной шахты спелеологам МГУ. Поэтому в августе университетская спелеосекция отправила наш отряд в Дагомыс, возглавил экспедицию Михаил Зверев.

Тогда мы не знали, что перед нами на Фиште уже побывали спелеологи МГСС. Они тоже пытались найти вход Парящей Птицы, но ушли несолоно хлебавши. К нам судьба отнеслась более благосклонно - не сразу, но все-таки удалось обнаружить пещеру и, не откладывая, начать в нее спуск. В первом выходе Володя Глебов, Миша Ноздрачев и Боря Андрианов навесили снаряжение только до глубины 100 метров - очень много времени ушло на чистку уступов от «живых» камней. Они назвали пещеру очень интересной и очень холодной - одного свитера под гидрокостюмом было явно маловато. Наблюдения в последующих экспедициях показали, что температура воздуха и воды в шахте не превышает 2 градуса выше нуля... Видимо, сказывались близость снежно-ледового окружения и талая вода в ручье.

На другой день первая тройка поставила цель довести навеску снаряжения до 220 метров. Следом собирались идти Миша Зверев, Валя Горбаренко и я. За нами готовились к топосъемке нижней части пещеры Муся Григорян и Дима Китаев. Чтобы не терять времени, Муся уговорила нас вечером подняться из базового лагеря в штурмовой (около Парящей Птицы) и приготовиться к спуску уже ночью. Но в верхнем лагере мы узнали, что группа Глебова ушла под землю совсем недавно и вернется, видимо, не раньше утра. Зверев просто обрадовался: «Вот чудесно! Значит, поспим по-человечески.» Муся наоборот огорчилась и начала стыдить Мишу - оказывается, начальник должен не радоваться, как все рядовые участники, а скорбеть о сорванном выходе! Миша смущенно улыбнулся и развел руками.

Утром Глебов и Ноздрачев вылезли наружу совершенно бледные, будущий врач Андрианов, вздыхая, констатировал: «Пищевое отравление». Конечно, им пришлось прервать навешивание снаряжения и заняться «самоэвакуацией»...

Наши сборы несколько затянулись и когда, нагрузившись снаряжением, мы начали спуск в пещеру, солнце стояло уже высоко. Входную часть под глыбами заполняла снежная пробка, поэтому двигаться приходилось протискиваясь по щели между стеной и снегом. Первым, оседлав рогатку, вниз поехал Валя, за ним - Миша, а потом уже - я. Сразу за снежником начинался извилистый карниз с неизвестным расстоянием до дна, поэтому вдоль хода, на всякий случай, висели перила из двойного реп-шнура. Перила кончались около очередной навески, там уже «колдовал» с рогаткой Миша, мурлыкая что-то под нос. Следующий колодец оказался очень просторным, глубиной 31 метров. Слышно было, как оживленно гудит вода, и уже показались первые лужи. Когда я спустился еще на пару метров, впереди открылся гигантский разлом - фонарь освещал лишь малую его часть. Далеко внизу ожесточенно хлестала вода. Огибая провал, я двинулся вдоль перил, но меня дернул страховочный

пруссик, наткнувшийся на узел. Миша объяснил, что узел пришлось завязать сразу после Валентина. Неужели камень перебил веревку?

Для прохождения разлома навеску разбили на две части: 25 и 42 метра. При этом водопад огибался частично: в самом низу, к сожалению, «омовения» избежать не удалось. Сей бодрящий душ оказался для меня совсем не лишним из-за ледящего эпизода: только начав спускаться, я судорожно застопорил рогатку - прямо перед носом чуть подрагивал натянутый моим весом, перебитый участок веревки. В этом месте отсутствовала внешняя оплетка и зловеще блестели уцелевшие центральные волокна. Оглядевшись, я закачнулся на ближайший уступ и завязал на перебитом месте узел. Спускаясь дальше, я уже не отвлекался ни на что, а только пристально следил за бегущей через рогатку веревкой - уж очень хороша была высота отвеса. Больше перебитых мест, слава богу, не встретилось. «Ну, и дела! - удивился Миша, - А мы ничего не заметили.» В дальнейшем мы поняли, что виноват не «живой» камень, а перегиб веревки через отнюдь не полированный уступ: при подъеме на самохватах периодические натяжения опоры успешно перепиливали капрон...

За пятым колодцем посыпались каскады высотой 6-8 метров. Под ногами бежал уже приличный ручей, поэтому водопады мы старательно огибали. Когда мы наткнулись на оставленные первой тройкой мешки, Зверев вышел вперед и занялся навешиванием, а мы с Валей взялись подтаскивать ему снаряжение. Теперь его стало пять мешков, поэтому работать приходилось в режиме «челнока»: вниз - вверх. Постепенно мы наловчились ползать по извилистым щелям сразу с двумя мешками и дело пошло веселее.

На глубине 220 метров ручей загремел в просторную «воронку» с глубоким горлом, сбоку туда же красиво обрушивался другой бурный поток, еще сильнее нашего. Работа ожидалась большая и мы с Валей разожгли примус. Пока Зверев лазил, исследуя неизвестный колодец, сварился ароматный бульон. С сухарями и колбасой горячее блюдо пришлось очень кстати. Мы слегка оттаяли и приступили к созданию навески. Как же происходил этот сложный процесс? Очень творчески!

Миша душевно пел что-то, шлепая ногами по воде у колодца. Временами он кричал: «Юра! Знаешь, что? Сделай...» и после задумчивой паузы опять запевал. Мы с Валей пощелкивали зубами совсем не в такт его песне, потому что шахта хорошо проветривалась и хотелось завести: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня!» Наконец, Миша решил перейти от сольного пения к дуэту. Он вызвал Валентина вниз на «спевку», а мне поручил размотать 80-метровую веревку. Теперь уже Зверев кричал: «Валька! Знаешь что?...» Валя честно признавался, что не знает, и Миша заводил следующую песню. Может быть, как и положено в Парящей Птице: «Дивлюсь я на небо та й думку гадаю...»

Я же сидел на уступе, ведя зубами партию ударных инструментов, и вращал плечами, чтобы совсем не замерзнуть. Подо мной петь прекратили, слышалась только проза, поскольку вязали узлы. Наконец, вспомнили обо мне и спросили: «Как ты там, не замерз еще?» Ответил честно: «Почти!». Затребовали размотанную «восьмидесятку» и подключили меня к навешиванию. Протягивая веревку, я спустился на 10 метров ниже края «воронки». На противоположном краю, где от «воронки» осталась одна перемычка, устроились Валя с Мишей. К ним протянулась целая паутина веревок, оттуда же свисала лестница, отведенная подальше от водопада. Словом, навеска представляла собой впечатляющее сооружение.

Миша полез первым. Зубы четко отсчитывали секунды, время тянулось невыносимо медленно... Наконец, снизу послышался победный вопль: «Ур-ра-а!!!» Дошел! «Большой» колодец, как мы его называли, оказался, вопреки ожиданиям, глубиной «всего» 40 метров. Поскольку мы - люди не гордые, то пережили сей факт.

Забравшись на перемычку, я перелез через Валю и встал на лестницу. Сделав десяток шагов, я повис в пустоте: где-то посередине огромного разлома, как на нитке, маленький замерзавший человек. При спуске удалось согреться, но ощущение холода резко усилилось на последних 15-20 метрах, когда меня стал доставать водопад. С лестницы я сошел тщательно умытый. Зверев признался, что его гидрокостюм оказался не совсем герметичным и для разогрева он бегал дальше на разведку. Пока мы грелись Мишиным способом, Валя спустил мешки со снаряжением и потом спустился сам.

Все вместе отправились по разведанной, слабо наклонной галерее, меандрирующей примерно в одном направлении. Идти приходилось прямо по ручью: где по щиколотку, а где и по колено. Потом ручей опустился ниже, оставив нам для передвижения удобные карнизы, а в одном месте даже встретился уютный грот. В нем было очень сухо, ни сквозняка тебе, ни капли - отличное место для подземного лагеря! Как потом определили наши «топографы», галерея тянулась к югу на 200 метров. В конце ее спокойно текущий поток превратился во внушительный ревущий водопад! Высота первого каскада достигала три метра. Нам со Зверевым удалось преодолеть их, привязав за глыбу Валькину обвязку и старательно обойдя водопад сбоку. Второй каскад оказался намного больше: фонарь не просвечивал дна. Бросание камня не позволило определиться с глубиной, поскольку рев водопада надежно заглушал все прочие звуки. Полюбовавшись на суровый колодец, мы вылезли и побежали назад, стараясь согреться.

У сорокаметрового колодца Зверев спросил: «Есть доброволец, желающий лезть первым с самостраховкой?» Я не на шутку замерзал и поэтому тут же «сделал шаг вперед». Подниматься было гораздо холоднее: с самого начала под ледяным душем заостенели руки, а пустота в животе совсем не способствовала легкости движений. С передышками я выбрался наверх и организовал страховку Звереву. Поднявшись, он послал меня к примусу и тут я обнаружил, что упрятанные в полиэтилен спички напрочь отсырели и сера отлетела... Мишины спички оказались тоже в плачевном состоянии, но ему удалось зажечь их, чиркнув сразу несколькими. И даже - еще и еще раз, пока не загорелся примус! Мы набросились на бульон сразу после его закипания, настолько чувствовали себя замерзшими... Наш рабочий день насчитывал уже 10 «ледяных» часов, а до «печки» над головой оставалось еще более 200 метров... «Чому я не сокіл, чому не літаю...?»

При подъеме опять не обошлось без казусов. По бумажным пикетам мы поняли, что по пещере прошлась топогруппа. Именно поэтому под колодцем «42 метра» не оказалось страховочной веревки. Валя поднялся на самохватах без страховки и обнаружил ее в пяти метрах от края колодца - не добросили! Высказавшись от всей души, мы двинулись выше и что же увидели: те же яйца, только сбоку... Миша полез по лестнице, страхуясь карабинами за ступеньки. Страховка примерно так же лежала наверху... Мы даже не стали ругаться - берегли силы... Нам очень хотелось наверх: скинуть, наконец, надоевший гидрокостюм и отогреться на солнышке после этого «холодильника». «Чому мені, боже, ти крилець не дав?» Когда мы выскочили наружу, вокруг царил густой, как молоко, туман... Зверев вышел последним и посмотрел на часы: натикало 15 часов подземной работы.

Ах, какое блаженство наступило, когда мы с Валею заползли в спальники и начали с наслаждением отогреваться. Апофеозом кайфа стала большая миска пшенной каши, поставленная перед нами. Сверху так красиво лежали радующие душу ломти ветчины! Жизнь казалась прекрасной и удивительной... Похожие слова говорил Миша Ноздрачев после очередного выхода, во время которого он спускался в «наш» суровый колодец, оказавшийся глубиной 44 метра. Обвешивать водопад эти «орлы» не стали. А по оценкам Миши на голову выливалось 2-3 ведра в секунду ледяной водички. Так что из колодца он вылез кристально чистый и до предела «свежий!» Вот когда без дрожи было трудно вспоминать и рассказывать слушателям о незабываемых впечатлениях первопрохождения! На последний колодец ушли остатки снаряжения. Дальше ручей убежал в поперечную трещину, представлявшую, по словам Миши, каньон шириной несколько метров. До дна каньона просветить не удалось - было слышно только, что внизу ревел могучий поток... При подъеме группа Глебова вынесла снаряжение, использованное ниже 220 метров, до колодца «42 метра». Они сознались, что им не хватило терпения разобрать нашу паутину над «воронкой» до конца...

После подведения итогов топосъемки, а ею занимались кроме Муси с Димой еще Тамара Мамонтовская и Галя Ивутина, народу сообщили, что Ноздрачев побывал на глубине целых 320 метров, а сама Парящая Птица - глубиной, строго на глаз, 400 + X метров! На радостях мы с Валею вышли на выемку снаряжения в 21.30. За два часа добежали до «большого» колодца и «погнались» толстеющее на ходу «стадо» мешков кверху. Через 4 часа поднялись к колодцу «42 метра». Над ним сидели Зверев и Галя Ивутина, занятые процессом варки бульона. Подняв наверх наши мешки вместе с оставленными группой Глебова, к 11 часам

утра мы вчетвером постепенно переместили все «стадо» ко дну первого колодца. На извлечение внушительной горы мешков выступила самая свежая сила отряда: новички. Наконец-то, после окрестных гротов и разных колодцев им выпало достаточно серьезное задание! К вечеру они дружно завершили трудоемкую операцию и разложили мокрое снаряжение на окрестных камнях.

Наверное, после выемки снаряжения спелеологи крепко устали: на следующий день никто не отозвался на призывы Муси пойти на поиск пещер. Правда, наиболее упорные пытались доказать ей, что стоявший вокруг густой туман требовал параллельной работы большого спасотряда... Когда же туман рассеялся, Зверев дал команду на свертывание лагерей.

Пока мы собирались, ленинградские спелеологи, работавшие на соседнем массиве, успели совершить восхождение на Малый Фишт. При спуске с горы они проявили галантность и взяли рюкзаки у наших девушек. Одному достался Мусин рюкзак: очень большой и с центром тяжести там, где не надо. Ведь Муся переставала его укладывать только, тогда когда внутрь уже ничего не лезло. Нести его безропотно могла только она сама. Поэтому мы с понятным уважением посматривали на питерца, который до самого Белореченского перевала не проронил ни слова! Только на стоянке, сняв с плеча ношу и вытерев взмокшее лицо, он высказался кратко, но достаточно емко. Мы не стали вводить потрясенного спелеолога в заблуждение относительно нагрузки на прекрасную половину нашего отряда и признались, что такой трудный рюкзак позволяли нести только Мусе... Нести оставалось теперь недолго, впереди нас ждало море, мысленно мы уже давно плавали по волнам.

Последующие экспедиции в Парящую Птицу проводили совместно спелеологи Москвы, Свердловска и Челябинска в 1975 и 1978 годах. Им удалось спуститься до сифона на глубине 515 метров. Попытки пронырнуть сифон, предпринятые позднее красноярскими подводниками, окончательного успеха не имели, но увеличили глубину шахты до 535 метров.

ноябрь 1996 г.

КАК МЫ ОТКРЫВАЛИ НОВЫЙ КАРСТОВЫЙ РАЙОН

Юрий Шакир

Посвящается памяти Саши Михалина

Обследовав в Ростове вокзал в поисках пива, я наткнулся на две до боли знакомые небритые физиономии в почти чистом и целом брезентовом обрамлении. Их обладатели, стоя у столика, жадно поглощали что-то ядовито-зеленого цвета, наверное, суп. Обгорелые щеки и носы свидетельствовали о недавнем пребывании в горах. Рядом валялись рюкзаки. Видимо, мое лицо им тоже показалось знакомым - челюсти перестали жевать и глаза изумленно раскрылись.

- Что это вы здесь делаете? - первым спросил я.

- А ты что? - невоспитанно ответила личность по имени Дима Китаев.

- Мы едем, - как можно небрежней бросил я.

- Кто это мы? - буравил меня взглядом второй оборванец, в котором угадывался Костя Фирсов.

- Мы с Кудрявцевым, - стараясь посolidнее, заявил я, поскольку осетинским «разведчикам» было обещано могучее подкрепление из Москвы.

Из разговора выяснилось, что продолжительный поиск пещер в окрестностях Скалистого хребта совершенно ничего не дал, поэтому личный состав их группы морально разложился и подался к морю. В Орджоникидзе нас должен был встречать последний из «могикан» с картами и сведениями о новом поисковом районе. «Могиканина» звали Саша Михалин.

Дальше мы с Женей Кудрявцевым ехали в несколько подавленном настроении - наша роль, как подкрепление основной группе спелеологов МГУ, явно потерпела фиаско. В Осетии участники первого заезда решили, что обещанная “могучая группа” справится и без них. Нам приходилось думать о новом репертуаре.

В Орджоникидзе нас встречал Саша Михалин с обгорелым носом, сиплым голосом и перевязанной рукой. Нос облупился в горах, голос осип из-за того, что Саша промочил ноги, а руку он порезал о кафель в местной бане. Поражала необычная задумчивость и серьезность Саши, он даже не удивился тому, что нас только двое - перед нами стояла сама сиплая рассудительность.

В его устах рассказ о том, как до жути сурово пришлось группе на Скалистом хребте из-за непогоды и сложного пересеченного рельефа, звучал очень эффектно. Стало понятно, почему народ постепенно разочаровался в поиске и дружно послал всю Северную Осетию очень далеко, а сам подался в Абрау-Дюрсо восстанавливать душевное равновесие. Драматическая история в хриплом живом исполнении нас где-то даже взволновала - мы с сочувствием поглядывали на красный нос рассказчика и размышляли: повезло нам или нет? Некий просвет все-таки наблюдался: один местный геолог сообщил, что видел карстовые поля в районе Тамиска и рекомендовал посмотреть их на месте.

Первым делом мы посетили почтаamt, где Саше вручили письмо от ... меня. Он был тронут моим вниманием и обещал при удобном случае прочитать и ответить на него. Потом мы подошли к окошку телеграфа - нужно было сообщить в Московский турклуб, что «группа 48/1 вышла на маршрут». Подпись поставили «Китаев».

Приемщице что-то показалось подозрительным в тексте телеграммы - она окинула нас внимательным взглядом:

- А кто будет Китаев?

- Я! - твердым голосом отвечал Кудрявцев.

Оглядев Женю, женщина опять углубилась в телеграмму. Мы ждали. Приемщица продолжала бросать взгляды то на бланк, то на наши лица, мучительно решая какую-то задачу. Перебрав все возможные варианты, она обратилась конспиративно на ухо к соседке, протянув ей нашу телеграмму. Более опытная сотрудница окинула нас изучающим взглядом и успокаивающе произнесла: «Ну, почему же? Можно...» И наше сообщение приняли!

На автобусе мы добрались до Тамиска и там же поблизости заночевали. Утром, перед восхождением на карстовый массив, Кудрявцева послали в «цивилизацию». Нужно было отправить телеграмму Марченко, купить хлеба, спичек и газет. Про последние Саша сказал: «Побольше и желательно свежих».

Время близилось к полудню, а Кудрявцев все не возвращался. Для разнообразия сделали с рюкзаками одну ходку наверх. Вот тогда-то Женя и появился. Наше внимание сразу приковал стеклянный пузырек с прозрачным содержимым, который он нес как-то особенно бережно. Оправдывался, что из-за пузырька, дескать, и вышла вся задержка. Дознание показало, что в местном санатории Кудрявцев познакомился с очень милой девушкой. То-то его так долго не было!

В непринужденной беседе Женя поведал ей о суровой жизни геологов, непрерывно преодолевающих невообразимые трудности и опасности. «В этих ужасно жестоких условиях у некоторых здоровье не выдерживает. Вот и сейчас там наверху, в глухом каньоне мечется в беспомощном бреду наш товарищ, выдающийся специалист, можно сказать, сын советской спелеологии. Наша аптечка совсем истощилась, поэтому пришлось спуститься за помощью вниз.» Выразительно поглядев в прекрасные глаза, подернувшиеся влагой, Кудрявцев доверительно сообщил, что пол-литра спирта могут спасти сына советской спелеологии. Немного растерявшись, девушка робко спросила: «А 50 грамм не спасут сына советской «спилонии»?...» Как мы и предположили, Евгений не спасовал и в мягкой форме объяснил, что торг здесь вообще-то не уместен, разве что, входя в деликатное положение, можно все-таки согласиться на ... триста грамм. Благодаря грамотному и обаятельному подходу к делу, Кудрявцев унес с собой спирт и кучу разных лекарств для лечения мужественных геологов. Действительно, очень милая девушка!

Поднявшись на массив, мы тщательно обошли его в поисках пещер. В этом нам помогал подъехавший вскоре председатель спелеосекции Коля Марченко. Одну находку, как символ подземной Осетии, назвали Единственной пещерой. Во время поиска нашу палатку кто-то проинспектировал и взял на память Сашину и мою штормовки, а также оставленную веревку и реп-шнур.

Мы нанесли визит в Алагир. По дороге шлифовали сценарий визита в отделение милиции. Главные исполнители Марченко и Кудрявцев должны были вести себя как можно солидней и убедительней. Вошли - первым делом, представиться:

- Николай Андреевич - начальник экспедиции Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени государственного университета имени Михаила Васильевича Ломоносова, а это - мой первый заместитель - Евгений Михайлович. Да, вы сидите-сидите! Женя, покажи-ка гражданину начальнику наши документы.

На стол эффектно кладется наше заявление.

- Сразу должен предупредить, - тут, главное, не терять инициативы, - если наш ректор Хохлов...

- Как вы не знаете Рема Викторовича?...

- Ну, а президента АН СССР Александрова?...

- Тоже не доводилось, какая жалость... И Елютина, тем более ...

- Я так и думал. Надеюсь, Леонида Ильича-то вы знаете?...

- Это похвально, так вот, обратите внимание, наш ректор Хохлов - второй человек в ЦК после Леонида Ильича. Да, что же я хотел сказать? ... Ах, да! Если Рем Викторович узнает, что наши веревки и штормовки не найдены, то он будет очень ... очень не доволен ...

- Что вы говорите? Все будет в порядке? Спасибо большое, я очень рад, что не ошибся в вас! Будете в Москве - заходите в университет. В манеже спросите Марченко - вам любой покажет. Всего доброго!

К сожалению, как потом сознались наши ходатаи, сценарий был скомкан в самом начале и тон общения задавал гражданин начальник. Никакой справки парням не дали, гарантии, что нашим делом займутся - тоже ...

Мы уже решили, что в Осетии нам больше делать нечего и поехали в поселок Зарамаг, расположившийся на пересечении нескольких ущелий. Там наняли самосвал МАЗ, чтобы поближе добраться к Мамисонскому перевалу. Дорога за поселком пошла вдоль обрыва высотой около трехсот метров. Но полюбоваться на красоту не удалось: навстречу из-за поворота выехал КраЗ. Ситуация сложилась щекотливая: дорога - в одну колею, а тут такие грузовички встретились.

Тем не менее, события развивались, как по этикету: водители шутливо развели руками и галантно предложили друг другу проезжать мимо себя. После обмена любезностями наш водитель тронулся и на полкорпуса въехал между КраЗом и горой, наклонившись при этом градусов на сорок. КраЗ медленно пополз мимо нас. Он шел впритирку к МАЗу - кузова скреблись довольно сильно. Чтобы уменьшить трение, наш водитель поднял кузов. Нам казалось, что соседний грузовик едет боковыми колесами по воздуху, поскольку было совершенно не понятно, как он может поместиться на такой узкой полосе дороги. Обстановка напряглась до предела. Коля даже открыл дверцу и пригласил нас придвинуться поближе к выходу. Каждое передвижение КраЗа громко сотрясало нашу машину, мы физически ощущали, как по сантиметру грузовики постепенно раздвигались. Водители только покрикивали перед каждым рывком: «Давай! Давай!». Высунувшись наружу и обернувшись, Саша заметил, что половина заднего колеса соседа крутится в воздухе. «Все-таки просочились!!! Дышите глубже, мужики ...»

Следующим утром мы въехали на грузовике на Мамисонский перевал в компании плановых туристов. Когда подъехала вторая машина с туристами, мы тронулись дальше. Наш грузовик поехал вторым и это, похоже, задевало самолюбие шофера, потому что при удобном случае он вдруг срезал серпантин прямо по крутому склону. Мы получили достаточно острые ощущения, поскольку первое впечатление было таким, как будто грузовик потерял управление и сам поехал в пропасть. Весь народ дружно заголосил, особенно, дамы.

Потом уже выяснилось, что это была небольшая месья водителя туристам, которые маловато заплатили. Правда, мы тут попали, как кур во щи ...

За перевалом взору открылся заснеженный скальный цирк размерами не меньше, чем в Осетии. Любовались суровой красотой грузинского Кавказа. В пути была сделана остановка, чтобы все смогли напиться из родника. В который раз нас поразило бесплатно (!!!) вытекающей на землю минеральной воды. Наверное, от этого она показалась нам особенно вкусной. Пили, конечно, все - про запас.

Добравшись до Шови, пересели в автобус и двинулись в Твиши. Непрерывная езда стимулировала зверский аппетит. Заглушить его сухарями с глюкозой не удалось, поэтому в Абролаури Коля сделал вылазку в столовую и принес на пробу хлеба - убрали в мгновение ока. У Хванчары в автобус вошли двое небритых, как и мы, мужчин и бережно внесли третьего. Положив его на сиденье, начали петь. Пение оказало очень благотворное влияние на лежащего: сначала он только слегка подпевал, но уже через пятнадцать минут пел во всю! Слушать их песню было одно удовольствие и оставалось только пожалеть, когда через полчаса, увидев в окно любимый духан, они, все трое, пулей вылетели из автобуса. Да, хорошая песня - великая сила!

Под вечер нашему взору открылось селение, одно название которого волновало и заставляло переводить дыхание - Твиши. Оглядевшись, попробовали установить контакт с местными жителями - но не тут-то было! По-русски в селе никто не говорил. Тогда вооружившись для солидности планшетами, "геологи" Коля и Женя пошли искать председателя поселкового совета. К сожалению, несмотря на преклонный возраст, он тоже не владел русским языком. Выручила соседка-студентка, с ее помощью удалось узнать много интересного. Нам рассказали, как подняться на плато Хвамли, и показали карту колхозных земель. Мы тут же срисовали горную часть на кальку и прикинули, сколько продуктов и снаряжения нам понадобится для работы на плато. Лишние вещи решили оставить у председателя.

Тем временем в соседней комнате накрыли стол. Хозяин извинялся за скудность угощения, объясняя это отсутствием хозяйки. Мы же с восхищением смотрели на помидоры и сыр, как на роскошное угощение. На середину стола поставили графинчик с прозрачной влагой. Мы энергично отказывались, но нас не слушали. Пришлось выпить по три стопки виноградной чачи.

На другой день наш путь лежал в село Лахепи. Погода благоприятствовала: над нами висело пасмурное небо с туманом. Однако нарушение спортивного режима сказывалось сильно, шли тяжело и медленно.

На пути подъема попадались воронки диаметром больше ста метров. Постепенно перестали залезать в каждую, поскольку там нас встречало только задернованное дно. Приятным подарком стал великолепный вид на ущелье реки Риони с одного обрыва. Полюбовавшись, пошли дальше. Вдруг встретилась воронка с горизонтальным ходом. Я даже заорал: «Пошла!» Принесли фонарь, который осветил кораллиты на стенах и потолке. Ход обрывался уступом высотой несколько метров. Евгений надел каску, обвязался и полез вниз. Лазил недолго - метров через сорок ход «заткнулся». Женя вылез весь белый и предложил назвать пещеру Белоснежкой. Оглядев первопроходца, мы охотно согласились.

Вскоре мы поднялись на плато Хвамли. Его склоны были утыканы множеством воронок и щелей и каждая казалась входом пещеры. К сожалению, только казалась ... Наше нетерпение возрастало с каждой неудачей: когда же, черт возьми, совпадут все те многочисленные факторы, которые превращают воронку в пещеру?

Особенно манили воронки, уводившие под скалы. Перед одной стояли в нерешительности: она густо поросла крапивой по грудь. Наконец, Коля решительно запахнул штормовку и ринулся в заросли. Я обошел воронку и спустился пониже скалолазанием. Колю не обнаружил, слышно было только, как он швырял вниз камни. Они летели, обещая продолжение. Спустились пониже, но ничего не нашли, кроме крапивы. Рядом нас привлекла огромная воронка с крутыми бортами. Полезли в нее сквозь густые заросли рододендронов, при этом пришлось прорубаться, как в джунглях. Воронка оказалась хорошей и полноценной, но не более того.

После очередной «глухой» воронки отправились с горя питья. У родника встретили троих пастухов. Двое говорили по-русски и засыпали нас вопросами о нашей «работе». С ответами уже не было проблем - натренировались. Спросили их про пещеры. Сначала ответили «не знаем», потом вспомнили, что примерно в трехстах метрах от родника должен быть большой грот со снегом, где «чувствуется мороз». А еще ниже по склону, в лесу, они видели провал под деревом, в который «камень падает минут десять, пока не плюхнет в воду».

Мы сразу устремились к «морозной» пещере. Большая воронка была доверху заполнена снегом. В отвесной стене чернел грот. В нашей одежде мороз, действительно, чувствовался неплохо. Привязали веревку и спустились в грот. Впечатление получили сильное: с одной стороны вниз уходил колодец метров на тридцать с висевшим ледопадом внушительных размеров. Стенки колодца, как и дно грота были покрыты толстым льдом. С другой стороны спускался пологий ход, по сути ледяная горка. Из-за того, что она заворачивала, проследить ход до конца не удавалось. Но зато камень летел несколько секунд! Вот это был подарок! В наших рядах эмоции забили ключом. Размеры грота и снежника вселяли надежду, что эта дыра не заткнется быстро.

Но сначала мы спустились с пастухами до «бездонного» колодца и приступили к навешиванию снаряжения. Чувствовалось, что народ стосковался по пещерам. В навеску были вложены все знания, опыт и частица души. Попробую описать ее своими слабыми средствами. За дерево, под которым находился колодец, привязали основную веревку. В трех метрах нашли еще одного великана, его придирчиво осмотрели и решили, что сойдет. Как и положено по технике безопасности, страховочная веревка была закреплена за самостоятельную опору - за это дерево. Чтобы страховочная веревка не терлась о камень, вокруг первого дерева было пущено веревочное кольцо с блоком. Для облегчения работы страховавшего была применена система «автомат» на кулачковом зажиме с оттяжкой.

Напротив входного отверстия встали наизготовку с фотоаппаратами Женя и Саша, чтобы не пропали для истории наиболее волнующие неповторимые моменты первопрохождения уникальной пропасти. Я страховал, а Коля после красивого позирования, поехал вниз.

Пробыл он под землей не очень долго и вылез мокрый по то самое место. «Пропать» представляла собой 20-метровый колодец с озером на дне. Вода, видимо, собиралась из двух органических труб, выходящих в ближайшие воронки. Дырка грязноватая, но занятая, по определению Коли. Обозвали ее «Минуткой». Нарисовав на ближайших деревьях «МГУ», мы с Сашей надели рюкзаки и пошли на Хвамли. Женя с Колей налегке взялись за топольскую тропу и поэтому поднялись к роднику несколько позднее. Попутно они нашли еще один провал поблизости от «Морозко». Так мы окрестили холодную пещеру с входным гротом.

На другой день с утра объявили день борьбы за чистоту речи и сначала в лагере стойко держалось холодное молчание, как среди незнакомых людей. Только постепенно, понемногу разговорились, даже нашлись темы: о музыке, науке, за жизнь... Что значит, интеллигентные люди! Если же какой-нибудь интеллигент случайно забывался и по рассеянности ронял непотребное слово, все укоризненно качали головой и по-отечески говорили « У-у-у! Ну и падал же ты!»

Собравшись, мы отправились к «Морозко» на культурный штурм ее глубин. Спустившись в воронку, одели на себя все, что было, но все равно чувствовалось - не жарко. Сначала спустили веревки в левый ход. Женя залез туда с топором и нам было слышно, как он временами крушил ледовые заслоны. Вернулся местами мокрый. Пояснил, что внизу лед - подтаявший, а потому - влажный. Обрадовал нас тем, что ход не думал сразу же кончатся. Но оказалось, что навеска снаряжения для дальнейшего продвижения возможна только за шлямбурные крючья, которых у нас не было. Нарисовав план и разрез хода, Женя отдохнул, отогрелся и полез в правый колодец. Слышно было, как он пробивал пробку. Колодец выходил в небольшой грот, дальше вниз вела ледяная горка. Но тут кончилась веревка и наш первопроходец вынужден был повернуть назад. Нам он заявил, что ход продолжится ...

Пещера вызывала у нас большие надежды на глубину, благодаря рассказам пастухов о том, как весной при таянии снега под землю с ревом уходил могучий поток воды. Выбив в стене грота «МГУ», перешли к дыре, найденной парнями вчера. Она представляла собой широкий провал в склоне горы. Спустившись вдоль отвесной стены, я вылез на снежник и про-

тиснулся в щель. Оглядел просторный грот с залитыми кальцитом стенами. Снежный склон по мере спуска превращался в ледяной. Ступени ботинком не выбивались, а вниз, похоже, уводил колодец. Перебравшись на карниз и выбрав побольше страховки, подполз поближе к колодцу и начал швырять в него камни. До дна фонарем не просвечивалось, строго на глаз, до него было около 20 метров.

Выбравшись из грота, спустился к нижнему краю снежника и увидел ледяную горку, уходящую через щель вниз. Тут же обнаружился целый зал с ледяной скульптурой. В одном конце зала тоже нашелся колодец метров 20 глубиной. Закончив осматривать воронку, я прицепил самохваты и поднялся на поверхность.

Парни заслушали мой рассказ и предложили назвать пещеру «Черный ворон». Последнее время мы частенько пытались петь эту песню, но, к сожалению, больше одного куплета никто не знал. Когда вечером обработали результаты топосъемки, то обнаружили, что входы пещер разнесены по горизонтали на 60, а по вертикали - на 30 метров. Значит, они могли еще и соединиться!

На обратном пути продолжалась борьба за чистоту речи. В интеллигентной беседе мы установили критерий культурности. Им оказалась реакция человека на упавший на ногу кирпич. Все единодушно решили, что настоящий интеллигент может вскрикнуть только «Ай!» или «Ой!». После жарких споров согласились на возможность выражений типа «Черт побери!» Но не более!

В Твиши хозяева с уважением слушали рассказы о наших похождениях. «Бывает же работа!». Я вспомнил, как поразился один грузин, когда узнал о нашем намерении спуститься в «Минутку». Он стал уговаривать нас: «Не надо, ребята, да вы что, с ума сошли? Мне вот хоть миллион дай - не полезу!» А здесь на нас смотрели как на очень смелых людей, выполнявших страшно опасную, но зачем-то и кому-то очень нужную работу. Что не говори, а любой труд почетен у нас в стране!

Однако нас уже приглашали к столу. На нем дымилась аппетитная курица в окружении помидоров и сыра. В центре высился кувшин с вином, а рядом стоял до боли знакомый графинчик с прозрачной влагой. Первый тост - за наше здоровье, второй, как принято, - за хозяйку, потом - за нашу работу, за дружбу, за женщин и детей, за мир ... потом уже не помню, за что пили. Смутно припоминаю, что кувшин меняли не меньше трех раз. Но вот слово взял хозяин и сказал, что для него это последний тост, а мы можем еще, сколько угодно. Нам давно было угодно закруглиться, мы ведь старались только не уронить марку, как говорится. Поэтому мы выразили солидарность с хозяином: выпито было вполне достаточно для оживленной беседы. Марченко при каждом удобном случае вспоминал, что у него дома остался замечательный четырехлетний сынишка, и в конце концов торжественно изрек, что дети в жизни - самое главное. Это заявление, правда, не помешало ему попутно проповедовать мысль, в которой самым главным в жизни объявлялись отношения людей: чтобы они понимали друг друга. Все одобрительно кивали головами.

Мы узнали, что хозяин очень беспокоился за нас, поскольку ждал нашего возвращения еще вчера, и на другой день собирался выходить на поиски пропавших геологов. Я не удержался и предложил тост за счастье в этом гостеприимном доме - тут никто не отказался. Помню ласковый вечер на крыльце, мы вышли подышать. Коля, держа хозяина под руку, продолжал развивать свою устаканившуюся мысль: «Я считаю, что самое главное в жизни - это отношения людей. Чтобы человек понимал человека и относился к нему хорошо». Хозяин счастливо улыбался и одобрительно жал ему руку. «Мне нравятся такие люди, - перевела девушка, - это все правильно». Развитие поднятой темы я уже не мог отслеживать и удалился в комнату, где в позе подстреленного уже лежал Михалин, и упал на соседнюю кровать. «Да, нелегко осваивать новый район», - мелькнуло в голове перед тем, как забыться.

Встали рано, хотя чувствовали себя устало. Особенно страдал Коля. С лицом защитного цвета он сидел у крана с полотенцем на шее и напряженно смотрел в землю, стараясь вспомнить, зачем пришел сюда. Кто-то выручил его, предположив, что умываться. Однако вода не вернула ему бодрости и мы встревожились: «Коля, ты чего это, а?». Коля попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло и он только махнул рукой.

За завтраком мы пили только чай и дружным хором отвергли попытку хозяина налить нам чачи. Собравшись, попрощались с гостеприимным семейством и почти твердой походкой двинулись к автобусной остановке. К чести бывалых «геологов» над селом раздавались только культурные стоны «ай» и «ой».

Вместо эпилога.

В конце августа нам с Колей удалось договориться по телефону, что неплохо бы собраться всем вместе. Евгений сидел дома, да еще без телефона, поэтому решено было сделать ему сюрприз, неожиданно «свалившись на голову». Надо было только узнать домашний адрес. Коля взял это на себя.

Когда мы с Сашей вышли из метро, нам сразу же бросилась в глаза одинокая фигура у забора. Удрученный вид Марченко был ясен без слов. «Эх, Коля, - укоризненно сказал я, ты же, как председатель, должен иметь полное досье на каждого члена спелеосекции ...» Звонкий удар по лбу: «У меня же дома списки лежат! Ах, я - осел!» Мы понимающе кивнули головой: «Это совершенно точно. Давай, быстро звони домой».

Коля заскочил в автомат и начал объяснять теще, где у него лежит большая зеленая папка и что там надо найти. После томительного ожидания выяснилось, что Женя Кудрявцев в списках секции не значился. Встретив мой свирепый взгляд, Коля успокаивающе махнул рукой и попросил заглянуть в маршрутную книжку. Но там был указан только рабочий телефон. «Ах, ты - сачок, - зарычал я, - еще и маршрутные документы ленишься заполнять по всем правилам!».

Марченко опять попытался успокоить меня: «Сейчас узнаем у Цыбы или Фирсова». Оба оказались на даче ... Тогда Коля позвонил Лебедеву. Тот еще не вернулся из Батуми... Коля тут же связался с Васей Федоровым, который когда-то был в гостях у Жени. Действительно, было дело. Но туда его привезли, а как он возвращался оттуда, Вася, хоть убей, не помнил ввиду большой усталости. «Спокойно, - сказал Марченко и позвонил Марине Пятецкой, жившей по соседству с Женей. - Она должна знать». Возможно так и было, но всего за пять минут до нашего звонка Марина ушла к кому-то на свадьбу. Мы с Колей некоторое время с интересом изучали друг друга. Мое лицо, похоже, настолько вдохновило Николая - что его, наконец-то, осенила гениальная мысль: «Надо позвонить Женькиной теще».

Через десять минут мы ехали в Мытищи с «Узбекистоном» наперевес. На станции имела место попытка уехать не на том автобусе, но ее удалось пресечь, правда, уже после взятия билетов. Удачное начало так нас воодушевило, что пришлось увеличить боевой запас за счет шипучего огнетушителя. Но самое главное, что Женя оказался дома и наше путешествие было отмечено, как и было задумано, и принято в культурном обществе среди интеллигентов.

1976 -1996 гг.

ГЛАЗАМИ ДРУЗЕЙ

Даниэль Усиков

Друзья !

*Мы выражаем Вам прежде всего
глубокую благодарность
за долгие годы Дружбы,
которая помогает нам
в лучших Начинаниях.*

*Если, разбирая Вас,
мы порою, где-то, в чем-то
преувеличили или даже ошиблись,
верьте: это произошло не от Злого умысла
а волею Божией.*

*Все путем!
Разберите нас! Пусть здоровый смех
и шутка
по-прежнему помогают нам
в минуты крайнего напряжения.*

Да здоровствует Спелеология!

СНЕЖНАЯ. МАЙ 1978

С 30 апреля по 14 мая состоялась заброска снаряжения в пещеру Снежная.

Цель: выигрыш времени для летнего штурма.

Способ: завуалированное присоединение праздничных дней к отпуску.

Итоги: 38 транспортных мешков доставлено в Галерею.

Участники: Александр Морозов, Геннадий Кирюшин, Даниил Усиков, Всеволод Ещенко, Виктор Кондратьев, Алексей Плясунов.

СПЕЛЕОЛОГИ МГУ. В августе 1977 года в лагерь вблизи Снежной неожиданно пришли Михаил Ноздрачев и Владимир Глебов, спелеологи МГУ. Оказывается, они занимались разведочными штурмами небольшой группой (по масштабам МГУ). Как раз в это время они вели работы в колодце, расположенном на выполаживании хребта в 300 метров ниже Снежной. И уже успели дать название объекту: “Сувенир”. Они опустились в Сувенире до глубины 150 метров, но дальше слишком узкая для человека щель. Дует ветер...

Итак, Миша и Володя в окружении любопытных детей: Алеши (6 лет), Игоря (8 лет), Бори (9 лет), Димы (10 лет), Севы (11 лет) и женщин: Луизы, Люды, Инны, выслушивали наши планы. Нам кажется, что с точки зрения гостей ситуация выглядела достаточно комично. Посудите сами. “Группа”, состоящая из двух спелеологов (Володя тогда еще не приехал), пятерых детей, женщин (жен) и небольшого числа знакомых этих спелеологов поставила перед собой “скромную” задачу пройти Снежную дальше. То есть сделать то, чего не смогли шесть предыдущих экспедиций, включая одну всесоюзную, за четыре предыдущих года. Наверно, единственное, что удерживало их от желания показывать на нас пальцем и кататься от хохота, это дошедший через Зверева слух о нашем успешном спуске в Снежную вдвоем в 1975 году.

Как бы то ни было, но в горах, а это лучшее место, вновь возобновились контакты частных русских спелеологов со спелеологами МГУ, установленные впервые еще при Алексинском и Алексеевой, затем поддерживаемые эпизодически через Шепелеву, Благодатских, Зверева. Мир тесен, Ноздрачев, оказывается, также работает в ИКИ, где и Данила. После открытий 1977 года мы передали новые планы Снежной Ноздрачеву. Спелеологи МГУ дали слово без нашего одобрения не разглашать эту информацию, и слово сдержали. Произошел забавный случай. В Москву приехал спелеолог из Красноярска. Войдя в клуб, он первым делом обратился к Фурману с вопросом: “Ну, не томи, рассказывай быстрее, как вам удалось пройти Пятый завал в Снежной?”. В зале наступила заинтересованная тишина. Спелеологи МГУ тоже обратились во внимание. У Фурмана глаза полезли на лоб: “Там не было москвичей. Там вообще никого не было в 1977 году!”. Ему да и не знать, кто где был! Красноярец оторопел и стал потом горячиться. Даже чертить схему, поясняющую, где, собственно, удалось пройти завал. Но Фурман смотрел на него, как на тяжело больного. Спелеологи МГУ тоже подошли поближе и стали восклицать: “Надо же, а мы и не знали!”. В общем, красноярец решил, что их секцию здорово разыграл какой-то шутник-спелеолог из Москвы, который в Адлере битый час заливал про Снежную. А они еще рассказали о своих успехах и о своей трагедии на Шипшире. Кому же тогда верить?!

Итак, первооткрыватели и первопроходцы Снежной — спелеологи МГУ — в 1978 году имели случай вновь проявить себя. Различного рода обстоятельства, которые проясняются до сих пор, заставили спелеологов МГУ свой штурм наметить на майские праздники. Поэтому случилось так, что в вагоне поезда № 52 ехало одновременно три группы: городская секция на Охачкуэ, мы и МГУ — в Снежную.

В Гудаутах нас уже ждала машина из близлежащей в/ч. Эта помощь пришла стараниями Севино папы. Спелеологи МГУ смотрели шире, брали выше. В Сухуми вращались лопасти нанятого Марченко вертолета. Наземный транспорт против авиации... Как нередко бывает на Кавказе, шел дождь, горы были скрыты в облаках (“Представьте себе, вчера еще стояла солнечная погода!”). Вертолет ради разминки летал в горы, мерил высоту снежного покрова - 1.5 метра. Знакомая из Гидрометцентра сказала, что сильные дожди, а в горах снегопады прошли за неделю до нашего отъезда и вызвали наводнение Риони, снежные заносы на дорогах и обвалы. Истерзанные видениями пещеры, засыпанной доверху снегом, в ночь перед отъездом мы звонили Мавлюдову и Ноздрачеву и просили их захватить лопаты. Выяснилось, что в предстартовую ночь спелеологи МГУ... спят. Это нас озадачило: безавральные сборы, про себя такого не припомним.

Свой стартовый груз мы оценили в 650 килограммов, МГУ - 750 килограммов. Их - тринадцать, нас - шестеро. Понятно, кто больше нуждался в вертолете. Как сказала потом Аня Ноздрачева, она не сомневалась, какое решение примет Миша. Заметим мимоходом, что за вертолет просили 350 рублей (250 — государству, 100 — летчикам). Частная спелеология согласна была войти в долю, но не более 100 рублей. Задним числом можно теперь сказать, что неудача с вертолетом обусловила крах всей экспедиции МГУ. (Вспомним, однако, поговорку: “Если бы я был такой умный вчера, как моя Сара сегодня!”). Имея вертолет, мы бы выиграли 6 дней и своей железной поступью увлекли спелеологов МГУ в Университетский зал и даже в зал Победы.

Машину загрузили вещами двух экспедиций, и еще кое-как сумели забиться в пустоты среди мешков шестеро наших и двое из МГУ. Когда мы проехали Дурипш, Саша встал на подножку и погнал машину дальше. Только он, да еще Данила и Гена знали, что может ждать шофера на этой дороге. Не раз они видели, как мощные лесовозные машины садились тут на вечный прикол. И сейчас было видно, как из-под колес начинались два каньона грязи, в глубине которых, как зубы дракона, торчали карры. Армия еще не имела дела с интеллектом спелеологов такого масштаба, как Александр Морозов. Сопровождающий майор онемел, а шофер, как загипнотизированный, давил и давил на газ. И так продолжалось долго, пока дождь не пригвоздил машину на очередном подъеме. Если бы не этот проклятый дождь — быть нам у “Белых стрел”! И все же машина преодолела рекордное расстояние, доплыв до поворота к лужам.

В этот день мы в три ходки перенесли свои вещи к рододендронам и сделали ходку к яворам. А МГУшевцы сделали ходку почти к балагану. Они справлялись со своим грузом в две ходки.

Ноздрачев установил новое декретное время: на три часа вперед московского. МГУшевцы свернули лагерь и ушли, пока мы еще спали, и больше мы их не видели до самой Снежной.

Четвертого мая, вечером, Данила приволок ходку к Сувениру. Поглядев в сторону Снежной, он заметил на горе в районе Логова человека. — “Как дела? — крикнул Данила. — Есть ли вход?” Казалось, человека крайне напугал этот простой вопрос. На некоторое время он застыл, потом вдруг заметался. Побежал в одну сторону, потом побежал в другую. Все происходило в полной тишине. Молчал метавшийся человек, молчал озадаченный Данила. Человек вдруг прокричал: ”Есть!” — и исчез.

Вход есть! — это известие придало нам сил. Уже в сумерках мы по следам добрались до воронки, в которой МГУшевцы разбили лагерь: четыре палатки, тент для снаряжения, каменный очаг, трос с кастрюлями закреплен за двухметровые штурмовые шесты, полностью, на всю длину забитые в снег. Палатки защищены стенками из снега. Внешне — обычный лагерь зимой в горах. Но где люди? Никто нас не приветствует, не слышно, как в лагере у рододендронов, серебристого женского смеха. Никак все уже ушли в пещеру?

Вдруг качнулась одна из палаток и оттуда выполз человек. Мы застыли, объятые ужасом. Что с ним?! Красное мясо на руках, раздувшееся лицо, утонувшие в отеках глаза, волдыри на носу, губах и ушах. — “Не надо!” — закричал кто-то из наших и поперхнулся, пораженный новым видением. Из женской палатки появилось второе существо, лица не видно за повязкой, вместо глаз — две черные страшные дыры. У Данилы перехватило дыхание. “Где Ноздрачев?” - только и смог он прошептать. — “Миша шел впереди, он топтал тропу, он не может выйти из палатки” - чуть слышно говорит существо. И уходит в сторону Логова. Вон оно что: эта часть Бзыбского хребта, оказывается, отведена под женский туалет. Стало понятней загадочное поведение человека, которого Данила расспрашивал о входе в Снежную...

Подивились мы редкой силы загару. А Саша, у которого есть один такой недостаток, заметил: “Это бог их покарал за переведенные часы!”. Были лишь двое, которых можно было назвать живыми: Миша Бурлешин (официально он сейчас находился в Москве, в командировке в другую организацию, потому тщательно прятал лицо от солнца), да Муся Григорян, самая опытная и самая молчаливая спелеологиня МГУ. Они фактически занимались всеми текущими делами в лагере, а также штурмом пещеры.

Но и среди живых не было полного равенства. Живее всех живых был, безусловно, Бурлешин. — “Товарищ не понимает...” — то и дело произносил он с чувством любимую фразу, за которой следовала громкая, но всегда необходимая шутка. Миша был прав. Опухший в массе своей товарищ, действительно, ровным счетом ничего не понимал, завернувшись в спальный мешок, товарищ страдал. — “Почему все шутят, а есть не зовут?” — недоумевал солнечный больной. Снаряжение было навешено лишь до Ледяного зала.

АНТОНОВЦЫ. Пятого мая мы опустились к Хапкулче за оставшимися вещами. На нашей тропе в снегу стояли трое юношей. Судя по белым лицам — не спелеологи МГУ. Как выражаются в детективах, “кто же это сел нам на хвост?” — “Нас зовут “Кристалл” — представились преследователи. Так мы лицом к лицу столкнулись с еще одной неофициальной группой (как-то у нас закрепилось называть ее “Бандой Антонова”). К мягкому месту наших новых знакомых почему-то были привязаны подушечки (чтобы не больно падать?). Они поставили палатку у Хапкулче и в последней ходке помогли отнести рюкзак и два транспортных мешка. За чашкой чая и кашей мы поговорили за спелеологию.

Юноши подтвердили то, что рассказывал Ноздрачев. Они собираются установить в Снежной рекорд: спуститься до Пятого завала за один день. А сейчас они пришли посмотреть, где же вход в эту самую Снежную, где осенью всему миру будет продемонстрировано преимущество тросового снаряжения. Пока что Антонов решительно покончил с веревками, устроив в ноябре 1977 года аукцион по распродаже устаревшего снаряжения. В связи с этим инцидентом любопытно заметить, что спелеологи МГУ, нуждающиеся в веревках, вынужде-

ны были на аукционе уступить перед ценой, предложенной одной дикой группой — что-то около рубля за метр. Вот так инфляция!

Саша так понял, что у антоновцев практикуются телесные наказания. Антоновцы ему не понравились. Автор пока тоже не в восторге. Ему уже приходилось встречать на Караби представителей этой группы. Свой лагерь у колодца Дублянского они оформили в стиле “аля-Махно”. За водой в приличную даль, вдобавок в тумане, посылался все один и тот же новичок, который явно был “на побегушках”. Он каким-то чудом находил дорогу к колодцу, наверно, ведомый нестерпимой жаждой, но обратно его приходилось отводить. Своим нарочито подчеркнутым анархизмом антоновцы произвели тогда на автора какое-то несерьезное впечатление. В то же время они очень доброжелательно показали и дали сфотографировать новинки своего тросового снаряжения.

Про Антонова ходят разные слухи. Например, когда в ТЕПе погиб Сережа Курков, Антонов “преспокойно” снимал на кино спасработы. Титр: “тросовое снаряжение незаменимо на спасработах”.

От некоторых уважаемых спелеологов автор также слышал лестные отзывы о самом Антонове. Не будем спешить с выводами, имея дело с молодой динамичной группой. Дитя МГУ, хотя и сбежавшее от родителей, не может быть совсем уродом.

ОПЯТЬ МГУ. Ночью из пещеры вышел Бурлешин. Риска вызвать лавины, он стал кричать своим обгоревшим друзьям в палатках: “В пещере все изменилось! В Большой зал навесили 50 метров лестниц, а дна все нет! На голову льется вода! Конус растаял!” - неистовствовал Бурлешин.

Чуткий сон Данилы был прерван. Внутренне протестуя против бесцеремонного поведения друзей-спелеологов, он придавил уши капюшоном спальника. Но трубный глас Бурлешина был неотвязен, как зубная боль. “Товарищи спят, им хоть Эльбрус растай, а у меня сон, как у девушки” — мучился Данила. “Только один выход — палатку ставить подальше!” — укреплялся в своем мнении он.

— Что будем делать? — сокрушался Бурлешин, обращаясь к ночным звездам. Утром спелеологи МГУ собрали группу исправления во главе с Трифоновым Володей. Впереди шел Данила, давая указания, как и где желательно исправить навеску. Конечно, конус еще доживет до светлого будущего. Просто, спустившись на 18 метров по Кривому колодцу, следует дальше закачнуться на ледовый гребень и выйти на обычный спуск в Большой зал. В 1973 году была очевидная дорога, но, как известно, ледники в Обвальном зале тают, и теперь Кривой колодец открывается прямо в Большой зал, выходя под водопадом к подножию конуса. Вчера именно туда и занесло группу Бурлешина.

На исходе дня лагерь МГУ пришел в волнение. К пещере побежали все свободные спелеологи. На тропе появилась мрачная процессия, в центре, поддерживаемая с двух сторон, вяло переступая ногами, двигалась девушка. На лице ее, вдобавок к ожогам, были видны ссадины и синяки. Процессия двигалась среди зловещей тишины. Девушку внесли в палатку.

Так впервые мы стали свидетелями несчастного случая в пещере. Потом мы все осмотрели место происшествия. Лене Волькенау надо считать этот день днем второго рождения. Упасть с высоты пятого этажа на натечный лед, снести большой ледяной сталагмит, чудом зацепиться за другой, повиснув над новым колодцем, и отделаться всего лишь синяками и легким сотрясением!

АВТОРСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Наступил самый подходящий момент, чтобы высказать наши замечания о снаряжении МГУ и приемах работы с ним.

Во-первых, лестницы низкого качества, как правило, без коушей. Практикуется завязывать концы троса проводником и вешать именно за этот залом троса. Употребляются одновременно веревки трех диаметров: 8, 10, 12 миллиметров. И каждая из них требует своего особого приема, когда для спуска используется рогатка. Когда спелеолог устал, эти вариации не всегда даются легко.

Снаряжение навешивается нерационально и небрежно. Местами параллельно идут две веревки и две лестницы, местами остается лишь одна веревка. Падение девушки произошло в месте вопиюще неграмотной навески. Здесь на одном шлямбурном крюке сошлись:

лестница и веревка снизу и туго натянутая веревка сверху. Перестегиваться приходится на весу и дальше очень трудно начать подъем по верхней веревке, так как в этом месте надо подтянуться около полутора метров по веревке, чтобы преодолеть ледяную трубу. При креплении снаряжения к крючьям последние не связываются друг с другом, если один из крючьев вылетит, это приведет к гораздо большему рывку на второй крюк.

Спуск вниз осуществляется по двум веревкам. По рапельной на рогатке, со страховкой самохватом на второй веревке. Две параллельно идущие веревки склонны свиваться, что ведет нередко к продолжительным зависаниям одного и простоям остальных участников. По какой-то особой иронии почти во всех колодцах одна из веревок на несколько метров не достает до дна. Так как сверху не видно, какая короче, то таковой, по закону Паркинсона, оказывается рапельная, и тогда подвешенный спелеолог начинает лихорадочно искать лестницу, которая наверху мешала и поэтому при спуске была отведена подальше. Спелеологи МГУ утверждают, что использование двух веревок официально утверждено в Московской секции. Мы, как известно, используем систему навески лестница-веревка либо веревка-веревка. Вешать две веревки, да еще лестницу, нам бы вообще никогда не пришло в голову. О какой экономии времени на спуске можно говорить, если учесть, что эти веревки надо дотащить, навесить, а потом еще проделать то же в обратном порядке и, кроме того, их развивать, потому что они вечно сплетаются.

Телефон МГУ несет на себе все признаки деградации. В 1964 году Алексинский и Алексеева первыми применили однопроводные телефоны, теперь же спелеологи МГУ вернулись к двухпроводному с капсулой, без усилителя. Прокладкой тяжелого кабеля занимались Панюшев Дима и Немченко Татьяна. С девушки спрос невелик, а Дима имеет представление о принципах телефонии на уровне Шинского Льва. В ТЕПе Шинский навсегда установил для нас эталон телефониста, когда срастил разрыв телефонного провода следующим образом: зачистил все четыре конца, после чего соединил их в один узел, который и обмотал тщательно изоляцией.

Связь удалось наладить только до Ледяного зала. Кабель путался в зарослях веревок. Наш Виктор в шкуродерном колодце умудрился разорвать его дважды. Осмотрев крепление кабеля к ледяным сталагмитам, Саша заметил: “Все равно, что привязать провод к ногам стоящей коровы и думать, что она никуда не уйдет”.

Будем надеяться, что этот упадок техники спелеологов МГУ когда-нибудь закончится. Нам ясно также, что секция МГУ должна модифицировать свою политику по отношению к превентивным акциям центрального руководства. Пока что проявляемая руководством секции осторожность приводит к уменьшению числа экспедиций. Не повлечет ли это за собой отпадение наиболее активных спелеологов и целых групп, как в примере с выходом Антонова?

СПУСК. В тот же день перед входом в пещеру лежала гора из 38 мешков — запас жизнеобеспечения на 170 человеко-дней работы в пещере. Первый отрезок спуска — от входа до ледового колодца в конце привходового снежника. Мешки катились вдоль троса без верхней страховки. На участках, где они застревали или набирали излишнюю скорость, стояли люди.

Площадка, на которой Данила складывал мешки, была небольшой и к тому же располагалась на ледяной арке, не казавшейся слишком прочной. Работать было неудобно, а тратить время на благоустройство — жалко. Не исключено, что Данила от недельного контакта с бесшабашной молодежью потерял часть своей бдительности. Или Бурлешин не дал ему выспаться. Одним словом, очередной мешок врезался в уже отцепленный, выбил его из гнезда, и тот прыгнул в колодец. Это был буферный мешок. Потом мы узнали, что он спланировал на глубину ни много ни мало — 250 метров! И упал прямо под конус Большого зала. По дороге мешок опасно просвистел мимо Володи Трифонова, который в это время перевешивал лестницу и из-под Кривого колодца. Видимо, мешок упал дном. От удара взорвались две пачки молока и одна — картошки.

Мешки летали, как никогда. В спуске по второму этапу (привходовой снежник — Ледовый зал) их цепляли Данила и Гена. Через двадцать метров спуска один из мешков вдруг оторвался (развязалась вздежка; после этого случая мы твердо решили не экономить

на веревочках-вздежках и завязывать их только проводником). Сиганул мешок с чемоданом медикаментов и хирургических инструментов Сева. Мешок-чемодан, к счастью, никого не задел. А летел он мимо Виктора, Сева и Саши. Быть убитому лекарствами — в наше время уже не смешно. Этому мешку не удалось прыгнуть сразу в Большой зал, и он застрял в нелепой позе на откосе под Кривым колодецем. Из тысячи мелочей, которые Сева пожелал иметь в подземном лазарете, разбились только ампулы с кетгутом в спирте и почему-то пузырек с марганцовкой. И опять, благодаря счастливому случаю, эти вещества не соединились. Вспыхнувший пожар был бы красивым финалом операционной в чемодане.

— Вира! Вира! Вира! - неслось вверх по этапам. Не меньше ста раз раздавался этот крик, пока все мешки не улеглись на площадке перед спуском в Большой зал. Бруствер из мешков полностью перегородил подступы к колодецу. Забираясь с последними на вершину искусственно воздвигнутой горы, Данила всерьез опасался за надежность ледяного карниза.

Первый спелеодень подходил к концу. Последние метры возвращения на поверхность казались бесконечными. Да еще каждый что-нибудь нес из того, что было второпях затасано в пещеру по ошибке. Например, две длинные лестницы для спуска в Большой колодец. Так как вертолет не состоялся, не состоится и спуск в Большой колодец. Виктору досталось вынести связку репшнуров. Он нес их, не сгибаясь, сорок метров, но, как говорится, “иногда и соломинка может переломить Геракла”.

Вышли в 6 утра. Нас ожидал сюрприз. В честь дня рождения своей жены Сева припас бутылку хорошего коньяка. Да здравствуют наши верные жены! С большим удовольствием мы пили за здоровье женщины, которая ждет Севу там, в далекой Москве. Конечно, хорошо поели и потом уже завалились спать. Но не все. Гене и Саше еще предстояло успеть на поезд. По жесткому после звездной ночи насту они резвой, но нетвердой походкой взяли курс в долину. Вдруг Саша остановился и прокричал бодрым голосом: “Теперь успех нашего дела в ваших руках. Если не дотащите вещи до тайника, Илюхин летом все конфискует!”

Оставшиеся подавленно замолчали под свалившимся на них грузом ответственности. “Постараемся!” — мрачно пообещал Данила.

В лагере было тихо. Ноздрачев Миша, Трифонов Володя и Миша Коротаяев загрузились в Галерею. Немченко и Панюшев ушли налаживать связь. Муся, Лена и другие девушки спали. Мы проснулись в три часа дня. Поели. Потом возникла проблема скоротать время до ужина. Холодная ветреная погода не располагала к прогулке. Каждый развлекался как мог.

У Алеши не было проблем. С очень деловым видом он уселся на бревно, достал ручку и блокнот. Сейчас он будет заново переживать самые яркие события минувшего дня. Еще в поезде он поручил себе вести дневник. Все были рады, что у нас есть летописец. Если, например, Данила считал, что Саша в чем-то не прав, он всегда мог обратиться к Алеше с просьбой: “Запиши, что он был не прав!”

Но в этот раз что-то не ладилось. Только через десять минут оформилась первая мысль: “О питании. Я не люблю геркулесовую кашу. Но сегодня была сладкая геркулесовая каша на молоке. Она всем понравилась. Я съел три порции.”

Когда нет вдохновения, лучше не тратить чернила, решил наконец Алеша, залез в мешок и стал чинить фару.

Так стихийно он поступил согласно мудрой поговорке: “Нечего делать - чини фару!”

Данила и Бурлешин не видели друг друга целых тринадцать лет. Они погрязли в воспоминаниях. Подробно обсудили Илюхина. Когда эта неисчерпаемая тема была, наконец, исчерпана, они перешли на специальные темы. Девушка Валя до этого с интересом прислушивалась к беседе. Но когда разговор углубился в тонкости инфракрасной оптики, она заскучала. Ведь у нее сегодня было особое настроение. Она жаждала общения. “Кончай, Бурлешин!” — решительно вмешалась она в беседу ветеранов. — “Собрались дохляки и старики” — охарактеризовала она своих друзей-спелеологов мужского пола. И закончила мысль неожиданно: “Хочу петь!”

Однако пение почему-то не состоялось. Вместо этого, по-видимому опасаясь кризиса, Сева угостил Валю лошадиной дозой снотворного. Но молодой организм не так-то легко сломить. Почувствовав непреодолимое желание спать, она вернулась к костру и только тогда уснула у Бурлешина на коленях: когда спишь — со стариками спокойнее.

Мы вчетвером продолжали работы. Начали со спуска мешков в Большой зал. Трос натянули от начала колодца до подножия конуса. Перед шкуродером к нам присоединились Валя и Леша Носков. Несмотря на свои обожженные руки, он тоже решил помочь. Шкуродер — это один из тех этапов, где каждый человек сильно увеличивает эффективность работы.

Сегодня Валю было не узнать. В пещере она стала серьезной и даже строгой. Новичок — и этим сказано все. Но видеть новичка в пещере — достойного новичка в достойной пещере — это и эликсир для “старичков”. О, где ты, наш Первый Колодец?...

Своим неприличным поведением буферный мешок сорвал подземный перекус в первый спелеодень. Теперь мы блаженствовали. Разогрели чай с молоком (в дело пошли куски полиэтилена, валявшиеся вокруг — и нам польза, и окружающей среде). Непритязательный перекус хлебцами, которые запивали горячим напитком, вызвал прилив новых сил. Шкуродер был пройден на одном дыхании. Мы отпустили Лешу и Валю и начали спуск в 23-метровый колодец (пора уже дать ему название!). Трос позволял перемещать мешки сразу на уступ над 12-метровым колодцем (этому уже дали имя: “колодец, где последний раз купался Франц”).

В это время снизу подошли Дима и Таня. Телефон МГУшевцев так и не заработал, и они были назначены связными. Впрочем, как выяснилось, передавать было нечего. Наверное им не везло, но штурмовую группу в Галерее они все время заставляли спать. Понимаем: под звон мелодичный струй..?”

Шкуродер был «заткнут» нашими мешками и людьми. И связные, чтобы зря не мерзнуть, включились в работу. Татьяна принимала и отстегивала мешки, а Дима опускал их в колодец памяти Франца, к Даниле. Не все было благополучно на этом этапе. Трос иногда перетирает веревку на узле. Когда это стало заметно, Виктор и Сева стали кричать Даниле, чтобы тот перевязал узел. И очень рассердились за то, что он отмалчивался. Им было еще невдомек, что человек, стоящий рядом с водопадом, не слышит ничего, в то время как находящиеся вдали прекрасно его понимают. Вместо того, чтобы самим перевязать узел, они дождались, пока он совсем перетерся и очередная связка мешков понеслась по тросу. Только благодаря очередному счастливому случаю ни в чем не повинные работники связи отделались легким испугом. О том, что сделалось с содержимым упавших мешков, нам пока не известно.

В этот день переместили мешки по Лабиринту и сложили их перед дырой, ведущей к Кораллитовому колодцу.

Вышли утром. Лагерь МГУ пребывал в состоянии необычайной активности. Лазарет эвакуировался. “Кто через пять минут не соберется, того бросаем!” — объявил Бурлешин. Суматоха достигла крайнего предела. Татьяна Немченко бросилась в палатку и замешкалась, что-то там собирая. Когда она вылезла, было уже поздно. Возглавляемая неутомимым Бурлешиним, группа выздоравливающих бежала в сторону моря. — “Товарищ не понимает...” — принесло горное эхо последнюю фразу Бурлешина.

— “Снежная пустыня, ни звука, совсем как в пещере. Эх, поспим!” - улыбался Данила, укладывая голову на мешке с проделом — лучшей подушке, за право обладать которой опытные спелеологи плетут интриги или даже ведут открытый бой. И вдруг деловым голосом кто-то произносит совсем рядом: “Штурм колодца при такой большой воде с нашим составом считаю опасным!” — “Господи! Спаси и помилуй!” — стонет Данила. Из пещеры дружно вышел весь состав штурмового отряда МГУ.

Ноздрачев отменил даже спуск в Предколодец. В качестве альтернативы он придумал разведку Галереи. Зато разведку провели с особой тщательностью. Спеша сюда психолог — специалист по смещенному поведению! Оказалось, например, что, двигаясь вверх по идиллическому ручейку, который так убаюкивает спелеологов, можно вскоре выйти на дно неизвестного доселе колодца. Данила высунулся из палатки и спросил: “Наш тайник со снаряжением видели? Не видели?! Значит, не все исследовали в Галерее,” — подытожил Данила и спрятал голову под мешок геркулеса.

Тайник этот постепенно превратился в легенду. Рассказывают, Володя Глебов четыре часа шаг за шагом осматривал Галерею специально с целью найти этот тайник. Но опыт-

нейший спелеолог так и не нашел полтонны мешков в узкой и в общем-то небольшой Галерее. Есть еще места на Земле надежней, чем иные сейфы!

Утром 12 мая Данила уговорил Мусю проверить, куда идет колодец, начинающийся узкой щелью на дне 23-метрового колодца за шкуродером. Раньше Данила уже пытался заинтересовать спелеологов МГУ (в частности, Бурлешина) исследовать ход, который был промыт между скалами и льдом во время чудовищного наводнения 1977 года. Разыскивая смытые вещи, Данила тогда проник довольно глубоко и остановился перед колодцем. Но Бурлешина заели домашние хлопоты. Муся оказалась куда более легкой на подъем. Она согласилась не раздумывая. Таким образом, в этот завершающий день мы должны были достичь тайника в Галерее, а спелеологи МГУ сделать попытку еще что-нибудь открыть в известной части Снежной.

Наш последний выход под землю сопровождался вереницей происшествий. Плохая навеска работала как вибростенд. После волнений с перестегиванием у Севы перегорела лампочка посередине колодца, печально знаменитого недавним падением девушки из МГУ. Сева закрепился и в полной темноте стал починять свет. При этом ногу он поставил так, что струйка воды на леднике изменила русло и направилась прямо в сапог. Дергаться Сева стал тогда, когда было уже все равно: ледяная вода проникла через швы комбинезона. А впереди большой рабочий день.

Когда вслед за Севой в этом месте оказался Алеша, то у него налобный фонарь вообще развалился. Рефлектор и стекло с веселым звоном укатились в колодец. Расположившись в Ледовом зале, Виктор и Данила с интересом смотрели, как среди сказочных декораций — высоких, причудливых ледяных столбов — на одной ноге стоял Сева, а Леша ползал у него вокруг ноги (не скажешь же — “в ногах”) и искал части своего фонаря.

Героем следующего эпизода опять был Сева. По примеру Данилы он решил не делать беседки, а прикрепить рогатку к грудной обвязке. Спускаясь по коварному колодцу, он пропустил момент, когда надо встать на лестницу, и оказался в подвешенном состоянии в пустоте над немереной глубины колодцем. Раздался сдавленный крик: “Помогите!”. Каждый, кто хоть раз в своей жизни задыхался в грудной обвязке, легко поймет, почему кричал наш товарищ. Леша, который уже начал спускаться в Большой зал, бросился спасать врача экспедиции. Но к тому после потрясения вернулось профессиональное хладнокровие. Сева заметил, что нижний конец веревки, на которой он висит, прикреплен к скале. Можно подтянуться и вылезти на твердую землю, вернее - на лед.

Через десять минут происходит следующий эпизод. Первым в Большой зал в хорошем темпе, демонстрируя высокий класс, съезжает на пожарнике Виктор. Быстро отстегивается от веревки и бросает ее, не дав ей раскрутиться. Традиционная пара МГУшевских веревок немедленно свивается. Но Виктор не обращает на это никакого внимания и резво слезает с конуса. Следующим спускается в Большой зал Алексей. Здесь, впервые в своей короткой спелеологической жизни, он знакомится с тем, что бывает, когда скручиваются веревки. Леша зависает, как говорится, “мертво”. Конечно, он зовет Виктора, чтобы тот вернулся и помог. Но Виктору, который уже спустился с конуса, лень возвращаться. Он как бы не слышит призывы Алексея и скрывается в шкуродере. Счастье нашего новичка, что он не последовал примеру Севы и беседки не снял. Целый час он болтается в пустоте, пока виток за витком не распутывает веревки. Когда же он, наконец, спускается, в нем еще кипит злость и полыхает ярким пламенем справедливый гнев, который он собирается обрушить на своего мучителя. Но обидные слова застревают у него в горле, когда он видит закочевшего Виктора, который в полной темноте стоит, боясь пошевелиться, на одной ноге на узкой полочке под самым потолком Малого зала. Именно здесь его настигла Божья кара: в самом неудобном месте, в щели, у него перегорела лампочка, а запасную он взять не удосужился. Весь этот час Виктор страдал от холода, пронизываемый ледяным ветром шкуродера, а еще больше от ужасной мысли, что наверху что-то случилось, все вернулись в лагерь, а его тут бросили, забыли. После Виктора внимание наше опять переключается на Алексея. Ему поручено было нести телефон. И вот перед окном в Лабиринт Данила собирается выйти на связь и просит Алексея дать телефон. — “Знаешь, я его где-то потерял» — спокойно объявляет Алеша. Как будто это такой пустяк, вроде крюка. Данила, Виктор и Сева, как по команде, делают суконные лица.

Быстро оценив обстановку, Алеша сразу осознается, что уронил прибор в 23-метровый колодец. Тогда ему рекомендуют идти и не возвращаться без телефона. И он удаляется с оскорбленным видом.

Телефон находится и, несмотря ни на что, даже работает, демонстрируя преимущества нашей транзисторной схемы, которая не боится, что телефонист Дима где-то скрутит вместе две жилы кабеля.

Вы, наверное, подумали, что уж Данилу-то опыт застраховал от происшествий. Но не следует забывать второй закон Паркинсона: “Что может случиться — то случается, что не может — то случается тоже.” Дело было так. Как известно, прежде чем уподобиться крабу и начать ползти боком к Кораллитовому колодцу, спелеолог протискивается сначала через очень нехорошую щель: узкую, кривую, утыканную корявыми выростами, где кругом капает, а под животом переливается ручеек, который только и ждет, чтобы спелеолог не так повернулся... Это - ход для людей, мешки же преспокойно спускаются через узкую трубу, в обход живодерни. Узкую, но не безнадежно! Еще в 1975 году Данила обнаружил, что если сбить один особо выступающий карр, то и человек может последовать за мешками. Но все как-то не везло этому плану спасения человечества. Или не было времени, или не было под рукой инструмента. Вот и теперь старая идея всплыла лишь тогда, когда Данила увидел эту самую трубу и вспомнил о гнусной щели. “Сейчас или никогда!” — решил Данила. Инструмента опять никакого. А если взять один камень и стукнуть им по другому? Так Данила и поступил. Он нашел глыбу, взял ее в левую руку — так удобнее, засунул голову в трубу и со всей силы стукнул по карру. Во всяком случае, он хотел стукнуть по карру, но стукнул почему-то по пальцам правой руки. Удар был настолько хорош, что карр все равно отвалился. Остальные посыпались сами собой от последовавших затем воплей и проклятий.

Когда все вещи благополучно были спрятаны в тайнике в Галерее, мы весьма кстати вспомнили о предложении спелеологов МГУ пообедать в их лагере, которое они нам сделали еще перед спуском.

Гвоздь лагеря - яркая кумачовая палатка. Цвет этот производит особое впечатление на мозги после многих часов созерцания серо-желтых красок пещеры. В углу горкой свалены банки. Все они изуродованы так, будто ими, заряжая в пушку вместо ядер, обстреливали неприятеля. Нипочем нельзя узнать, что это: тушенка, сгущенка или килька в томатном соусе. Конечно, надписи тоже стерлись. Мы вскрываем одну банку наугад, оказалась тушенка. Позже мы выяснили, на полях каких сражений банки заработали свои шрамы. Не только у нас падали мешки в Большой зал...

Из трех примусов “шмель” работал только один. Мы сварили суп из концентратов и выпили его, закусывая хлебцами и тушенкой. Пообедав и чувствуя прилив сил, отправляемся в обратный путь. Но пещерные казусы еще не исчерпаны.

Каждые десять шагов гаснет фара у Севы. Тогда он усаживается на камни и, как истинный Будда, с выражением бесконечного терпения на лице начинает ковырять в желудке фонаря. Данила бредет замыкающим и, в очередной раз натыкаясь где-либо в темной нише на Севу, со стенаниями укладывается дремать. Бормоча что-то успокаивающее. Сева копается в фаре. Наверное, в эти минуты ему кажется, что он в привычной операционной: “Взрежем-ка ланцетиком, а теперь наложим повязочку. Спокойно! Даем электрошок!” Тут больной вспыхивает, но ненадолго... Данила не выдерживает. Он просит отдать больного и отвернуться деликатному хирургу. Остановив на фонаре нехороший, тяжелый взгляд, ремонт он начинает со словесной терапии: “Я тебе посимулирую! Сейчас за тебя возьмется физик, а не хирург!”

Опять мы вышли утром. Спелеологи МГУ еще спали. Данила отвел душу за все бессонные дни. “Товарищи, поздравляю вас с успешным выполнением намеченной программы!” — закричал он с пригорка.

— “Смотри, уже светло, мы проспали!” — раздались вдруг испуганные восклицания из палаток. Входы затрещали, оттуда покатались мешки, а за ними выпрыгнули одетые люди и что есть силы побежали вниз по тропе.

В лагере МГУ восход солнца встречали лишь два человека: Ноздрачев Миша и Муся Григорян. “Что новенького?” - поинтересовался Данила, еще не вполне оправившийся от

изумления невероятными последствиями своей краткой речи. “Географического открытия не произошло,” — сказала Муся, — “Колодец выпадает в Лабиринт”.

После обеда Сева, Виктор и Алексей ушли вниз. Подозревая, что внизу ему не дадут выспаться, Данила решает остаться в лагере до утра. Вечером начали прибывать спелеологи МГУ из второй партии. Первыми пришли Миша Зверев, Булат Мавлюдов и Александр Керимов. Они еще были полны сил и потому все дружно решили устроить большую прогулку по хребту на восток — осмотреть сверху места, под которыми предположительно идет пещера Снежная в своей, еще не пройденной спелеологами, части.

Прогулка удалась, несмотря на срывающийся временами дождь. В это время года очень хорошо видны отверстия над большими пещерами. Достаточно взять полевой бинокль, влезть на выдающуюся вершинку — и летом можно пригонять хоть все секции Союза. Всем достанется по колодцу. Входы, которые мы наблюдали, ведут в еще не исследованные глубины. К сожалению, из-за отсутствия аэрофотосъемки нет возможности нанести все эти пещеры на план. Этот район Бзыбского хребта останется одним из перспективнейших еще на многие годы вперед.

Пожелав второй группе МГУ удачи, Данила рано утром начал спуск в Дурипш. На душе у него было светло, хотя он по пояс проваливался в тающий снег, хотя был туман и шел дождь.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА. Цибанов Валера, кандидат в мастера спорта по альпинизму и не брезгующий пещерами, — заметьте, удивительный сплав характера: вам известен хотя бы еще один такой пример? — так вот Валера любил повторять: “Какой идиот придумал гидрокостюму такие тугие манжеты?” Но в этот раз ему, наконец, повезло. Он нашел гидрокостюм вообще без манжет. “Есть-таки хоть один умный спелеолог, который оторвал эту гадость!” — радовался Валера, надевая костюм перед спуском в первый пролет Большого колодца.

На середине колодца Валера пересмотрел свою концепцию о дураках. Все это время спуска под душем в каждый рукав текла струйка. Такая маленькая ледяная струйка. Она начиналась у запястья, ловко огибала локоть, ненадолго задерживалась под мышками, потом почему-то выходила сразу на живот, спускалась еще ниже и замирала кроткой лужицей под пяткой.

“Это не жизнь!” — отчетливо понял Валера. — “Выхожу!” — закричал он наверх.

Так или примерно так рассказывал Михалин Саша этот эпизод автору настоящих записок. Но «соль» эпизода вовсе не в гидрокостюме. Дело в том, что на этом закончился штурм пещеры Снежная экспедицией МГУ в мае 1978 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Новинка сезона — упаковка транспортных мешков. В один транспортный мешок, называемый “модулем”, упаковано полное жизнеобеспечение на 6 человеко-дней. При этом предполагается, что жизнеобеспечение на шесть календарных дней группа из двух человек потратит в течение двух спелеодней, то есть горючего уложено на четыре варки.

Остатки содержимого модулей, которые образуются по мере их расходования, и недостачи, которые возникнут (или обнаружатся как эффект ночной укладки перед выездом), демпфируются при помощи постоянно транспортируемого “буферного” мешка. Было замечено, что после транспортировки до Галереи в животе некоторых мешков стало что-то пересыпаться. Спектральный состав сопровождающего это явление звука дает основание предполагать, что виноваты крупы. Но остроумный спелеолог заранее обдумает способы сепарации смесей соль-мясо, мясо-продел и других парных, тройных и более высокого порядка комбинаций смесей. Если вспомнить, что при штурме ТЕПа удалось успешно разделить гомогенную смесь чернослив-паштет-халва, то не следует сразу пасовать перед новой увлекательной задачей. Тем более, что в результате дальнейшей транспортировки и, вследствие этого, неизбежного промокания мешков, задача о сепарации обезвоженных продуктов сведется к уже решенной. Ожидаемую витаминизированную питательную смесь для спелеологов по аналогии с известной смесью “Малыш” решено назвать “Голыш”.

Не делайте из еды кукла!

1978 г.

ШАХТА МЕЖЕННОГО: ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ

Александр Дехтяренко

Историю каждой пещеры ведут с того момента, как ее нашли. История пещеры Меженного началась в августе 1979 года. Именно тогда ребята из поисковой экспедиции секции спелеологии МГУ впервые бросили камень в узкую щель на склоне одного из отрогов Раздельного хребта, прислушались, посмотрели друг на друга и сказали довольно: “Летит!”. К тому времени в секции спелеологии МГУ назрела необходимость и создалась возможность возобновить обстоятельные исследования карстовых районов. Такие исследования не проводились уже более восьми лет. В 1971 году наши спелеологи нашли Снежную, и все силы были брошены на нее, потом — на Сувенир, и систематический поиск новых пещер почти “заглох”, за исключением отдельных экспедиций, когда пещеры искали без тщательного прочесывания всего района.

Наконец, было решено восполнить этот пробел. Район для поиска подсказал Булат Мавлюдов, признанный специалист по карстоведению. Он предложил осмотреть южный склон Раздельного хребта в окрестностях горы Хипста. Несмотря на то, что этот район находится в непосредственной близости от Снежной и Сувенира — места активной деятельности спелеологов из разных уголков Советского Союза — он был практически не изучен. Все спелеологи спешили в сторону Снежной, а до прочесывания окрестных склонов руки не доходили.

Специальную поисковую экспедицию секции спелеологии МГУ возглавил Юра Шакир. Большинство участников составляла “молодежь” — новые члены секции. Многие в этой экспедиции было впервые. Впервые новички испытали на себе особенности легендарного подъема к Снежной. Впервые А. Дехтяренко был завхозом, а А. Бизюкин — начальником снаряжения.

Лагерь поставили на границе леса. Первым делом на соседние холмы были посланы гонцы, которые взяли азимуты на лагерь и на вершины “Вулкан” и Хипста. После этого можно было сориентироваться по карте и разработать план работы. Район поиска состоял из трех неглубоких долинок, сбегаящих по склону Хипсты на юг. Экспедиция тоже была разделена на три группы, каждой досталась для прочесывания своя долина.

Днем, под палящими лучами солнца, ребята заглядывали и бросали камни во все щели, которые видели, и ворочали камни над теми, которых не видели, а вечером у костра рассказывали о результатах поиска за день. И вот, в один из таких дней, один участник экспедиции¹, пробираясь по склону, обратил внимание на небольшую щель, из которой немного дуло. Щель раскопали. Она стала от этого не на много больше, но все-таки человек в нее уже пролезал, хотя и со “скрипом”. В этот день прошли входной колодец, пробрались между глыбами к наклонному крутому ходу, усыпанному многочисленными камнями, прошли его и остановились на огромной глыбе, висевшей над небольшим залом. Дальше не хватало лестницы.

Вечером в лагере Шакир сообщил о найденной пещере и, начиная со следующего дня, в нее стало уходить все больше снаряжения.

На второй день пещеру чуть не “заткнули”. Перевесили лестницу в более удобное место, спустились с глыбы в зал, который имел явный наклон. Ребята, конечно, направились вниз и вскоре уперлись в плоское глухое дно. Дальше хода не было. К счастью, человек имеет способность смотреть не только себе под ноги. Вспоминает один из участников первопроезда: “Довольно скоро в полутора метрах выше конца навески мы обнаружили вход в широкую галерею. Дно ее было завалено глыбами, а на стенках прилепились многочисленные кораллиты. В конце галереи в полу виднелась заманчивая черная щель, узкая и длинная.

¹ А. Дехтяренко (прим. ред.)

Мы подобрались к щели, окружили ее, бросили камешек и замерли. Секунды две было тихо. Потом послышался звук удара, посыпались другие камни, которые явно бились о новые и новые уступы, шум уходил вниз, пока не затих где-то в глубине пещеры. Мы обалдело посмотрели друг на друга и внезапно в один голос издали радостный вопль. Теперь можно было надеяться, что неопределенная часть пещеры кончилась, и она уверенно пошла вниз.”

В самом деле, колодцы следовали один за другим. Пройдя три колодца, в четвертый вывесили все оставшееся в экспедиции снаряжение. Костя Фирсов поболтался-поболтался на последней ступеньке лестницы, посветил вниз, вроде различил дно, да и полез наверх. Это было все, что смогла сделать первая экспедиция. Она остановилась, как хороший детектив, на самом интересном месте.

Пещеру решили назвать в честь погибшего члена нашей секции Сергея Меженного, одного из первых исследователей Бзыбского хребта.

Теперь, по прошествии двух лет и по достижении глубины почти 600 метров уже трудно представить, что все было именно так, как это было на самом деле. Там, где были вначале лестницы, теперь висят веревки; где веревки висели неудобно, теперь висят удобно. Если раньше из колодца со щелью вылезали не иначе, как со скрежетом и крепкими словами, то сейчас он проходится без особых усилий. По верхней части пещеры ходят теперь так же привычно, как ездят каждый день в метро — а тогда делали шаг за шагом, напряженно всматриваясь вниз. Таков закон исследований: первые шаги в неизвестное — всегда осторожные.

октябрь 1981 г.

ПЕЩЕРА “ПОШЛА”!

Михаил Ноздрачев

Еще пять лет назад, когда речь заходила о работе на Бзыбском хребте зимой, даже самые опытные, древние “старики” только качали головами. Считалось, что выжить в тамошних условиях зимой нельзя: “морозы до тридцати градусов”, “ветер ураганной силы”, “снегу 7-9 метров” и т.д. и т.п. Говорили, что по такому глубокому снегу можно ходить только в снегоступах, но что это такое и как в них ходить — никто толком не знал.

Проверить все эти сведения и рассеять пессимизм скептиков и было задачей небольшой, но весьма боевой группы в составе А. Михалина, Ю. Шакира, Д. Панюшева и автора этих строк. Второй целью было установить, имеет ли продолжение найденная летом 1979 года шахта Сергея Меженного (если, конечно, под глубоким снегом можно будет найти вход в пещеру).

Обстоятельства благоприятствовали нам: в это время в Снежной работала оформленная от Института географии АН СССР группа А. Морозова, а на поверхности у входа жил “надзирающий” за ней штатный работник этого института Булат Мавлюдов, к которому изредка прилетал вертолет.

Перед самым отъездом выяснилось, что мне надо задержаться на день в Москве. Ребята уехали без меня, а я должен был догнать их на самолете. Прилетев в Сухуми и быстро добравшись оттуда до Дурипша, я встретил Михалина, который сообщил, что вертолет с Димой и Юрой и со всеми нашими вещами улетел наверх около двух часов назад. Поэтому нам с Сашей предстояло совершить восхождение налегке, на упомянутых выше снегоступах, которые никто из нас еще ни разу не привязывал к своим ногам.

К вечеру нас уже оплакивали местные жители (“вы еще молоды, надо ли идти на верную гибель?”). Но мы были настроены решительно и рано легли спать, чтобы еще затем-

но начать подъем. Нам это удалось (не проспять), и в начале шестого я и Саша уже шагали хорошо знакомой дорогой к Буковой поляне. Еще на подходах к ней стали попадаться первые клочки снега. Было морозно. Все предвещало нелегкий путь.

Взошло солнце, но по-прежнему было холодно и неудобно. С самого начала подъема мы шли уже по сплошному снегу. В полдень возле “лужи” первый раз привязали снегоступы - снега стало уже по пояс. Снегоступы оказались неплохими, у Саши была конструкция из ажурного алюминиевого проката, а у меня - две доски из толстой фанеры. Мы почти не проваливались и все-таки шли небыстро, оставляя за собой колею, больше похожую на тракторную.

Погода явно портилась, небо затянуло тучами, пошел снег. А мы все шли и шли, и было неясно, где мы окажемся к ночи. Только когда стало смеркаться, мы вышли из леса. Метель разыгралась не на шутку, видимость, как говорят синоптики, 300-400 метров. Сашины снегоступы сломались, и он катился с очередного склона на пятой точке, стараясь удерживаться в колее, проложенной моими досками. Наконец, мы у пещеры Сувенир. Становится ясно, что дойдем до Булатовского дома. Так мы называли меж собой палатку около пещеры Снежная, в которой жил сотрудник спелеогляциологического отряда ИГАН СССР и член секции спелеологии МГУ Булат Мавлюдов. Но силы уже на исходе, мы поднимаемся в таком режиме: десять шагов вверх, 2-3 минуты отдыха и так далее. Последние метры пути - и радостный крик увидевшего нас Димы возвещает окончание нашей эпопеи. Пожалуй, это был самый тяжелый переход в моей жизни.

Дальше начались обычные трудовые будни. Булат сразу же ушел на несколько дней в Большой зал Снежной. Мы жили в его большом теплом снежном доме с печкой и радиоприемником.

В первый день попытка перенести снаряжение ко входу в пещеру Сергея Меженного успеха не имела. При 22-градусном морозе и ураганном ветре с поземкой мы с очень большим трудом за три часа сумели продвинуться лишь метров на триста и еще около двух часов добирались до своего жилища. Погода явно не благоприятствовала. От Булата мы узнали, что попали в самые холодные и непогожие дни зимы. Это чувствовалось. Даже при наличии такого прочного тыла, как “Булатов дом”, нам приходилось нелегко.

На следующий день ветер немного утих, и хотя стало еще холоднее, мы без большого напряжения перенесли снаряжение ко входу в пещеру и выкопали грот в снегу над входным колодцем. Навеску и прохождение пещеры мы оставили на завтра.

Встали, когда было еще темно. Но оказалось, что вход в дом был перекрыт мощной снежной пробкой толщиной метра полтора. Пока ее прокопали, пока собирались, наступил полдень. Решили сделать ночной выход. Подошли к пещере, оделись в снежном гроте, сделали навеску во входном колодце, туда спустился Саша и... мы услышали его несколько озадаченный голос: «Я не вижу хода вниз».

Все сечение колодца было перекрыто пробкой рыхлого морозного снега уже в 5-6 метрах от поверхности. Прикинули, что в худшем случае копать метров 15. Первым начал работать Саша. Хоть он и барахтался в снегу, но ему было тепло; зато остальные «давали дуба». Поэтому стали работать парами; сменялись по мере замерзания «поверхностной пары». Часа через два наш энтузиазм стал угасать, хотя к этому времени был хорошо освоен способ работы ногами, применяемый, вероятно, и кротами.

Прошли вглубь метров 6-7. В один из моментов мы с Димой как-то резво взялись за работу, опустились на 3-4 метра, но затем движение снова застопорилось. После короткого совещания решили: еще 10 минут работаем, и если ничего не получится, вылезаем, уносим снаряжение и ноги. Но уже через 5 минут пробка была, наконец, пробита. Бурная радость охватила всех нас и особенно Диму, зависшего на веревке метрах в двух от дна колодца: не зря, значит, мы все эти часы терпеливо соблюдали правила страховки! В этот момент всем показалось, что где-то рядом заработал хороший реактивный двигатель: с гулом и свистом в пещеру стал нестись холодный замороженный воздух. Мы быстро спустились вниз, таща за собой мешки со снаряжением, так как даже на дне колодца было существенно теплее, чем на поверхности.

Затем Юра, который исполнял для нас роль проводника по пещере, растерянно сказал: “А в той ли мы пещере?” Он явно не узнавал окружающей обстановки. Пришлось заняться первопрохождением. После получасового ползания по всем щелям в каменном завале мы поняли, что пещера “та”, только путь через завал зимой будет другим (надо сказать, что с того момента этот путь стал общепринятым).

Дальнейшая работа была обычной и традиционной. Быстро добрались до того уступа (весьма камнепадного), с которого летом спускали Костю Фирсова, хорошенько его почистили и навесили за каменную перемышку 120-метровую страховку и 100-метровую рапель. Вниз ушел Саша. Сначала мы его хорошо слышали, затем с большим трудом поняли, что дно у колодца все-таки есть метрах в восьмидесяти по вертикали от нас, потом всякая слышимость прекратилась. Страховка все уходила вниз, пока не были выбраны последние метры. Наступила тишина. Она продолжалась минут тридцать или сорок, пока по слабым движениям веревок не стало ясно, что Саша пошел вверх, и вскоре мы услышали его голос. Вышел к нам он довольно быстро и с энтузиазмом стал рассказывать, что Костя летом не дошел до дна всего метров шестнадцать, что на дне заклиненные большие глыбы, под которые можно пролезть и попасть на ручеек, который небольшими каскадами идет вниз, и что он дошел до очередного колодца, и что пещера явно “пошла”. Мы все легко вылетели на поверхность, где тут же покрылись коркой льда и побежали в теплый дом. Юра предложил назвать колодец “Добрый”, так как он принес нам хорошие вести, а Саша назвал то место где нужно проходить под заклиненными многотонными глыбами, “Райскими воротами”.

На другой день мы доделали техническую работу: Юра и Саша отсняли пройденную часть пещеры, пока я, сидя над Добрым колодцем, готовил им перекус, а Дима лечил ангину в “Булатовом доме”. Потом вытащили снаряжение и лунной ночью вернулись по тропе в дом. Как раз в это время из Снежной вылез Булат.

На следующий день мы с Димой ушли вниз; Саша и Юра решили попытать счастья днем позже. По солнечной погоде мы даже без снегоступов в темноте спустились к Буковой поляне, где перекусили, и в середине ночи завалились спать не базе ИГАН. Утром встреча с Мишиным в доме Рудольфа Герзшавы, затем быстрый переезд в Адлер и самолет до Москвы.

Через несколько дней поездом приехали Юра с Сашей.

Экспедиция закончилась. Мы все были необычайно воодушевлены: впереди замаячила крупная пещера. Но мы хорошо понимали, что главное - заразить нашим энтузиазмом остальных, чтобы снялись с места и пошли вперед и вглубь основные силы секции. Была еще свежа в памяти ошибка с Сувениром, когда своими сомнениями мы оттолкнули “массы” от пещеры, и она досталась не нам.

Как показали дальнейшие события, с этим заданием мы успешно справились: университетская компания всерьез взялась за пещеру Меженного, а пещера эта, действительно, оказалась большой. Тем приятней каждому из нашей боевой четверки вспоминать те жутко морозные, но счастливые дни нашей спелеожизни.

осень 1981 г.

В КОЛОДЦЕ СЕРЕНАД И ОКРЕСТНОСТЯХ

Валентин Горбаренко

Экспедиция в пещеру Меженного, которая состоялась в августе 1980 года, была не совсем обычной. Дело в том, что впервые в истории университетской секции в состав серьезной и слегка высокогорной экспедиции входили дети - Фирсова Злата (8 лет), Горбаренко Лена (7 лет) и Юмашева Таня (6 лет). Первым эту необычность ощутил я. Чтобы не задерживать основную группу своим медленным темпом, наше семейство с Галей Джурихиной и Таней выехало из Москвы на 3 дня раньше основной группы, и поскольку в этой компании единственным мужиком был я, основные тягловые нагрузки легли на мои плечи. Такого тяжелого рюкзака, как в тот раз, я не носил никогда. Достаточно сказать, что я с ним мог идти не более 20 минут, после этого ноги у меня подгибались, и я почти падал. После десятиминутного отдыха все остальные участники нашей группы с трудом меня поднимали, и мы шли дальше. Хорошо еще, что немного помог Булат, я ему отдал несколько килограммов груза. Булата мы встретили на Буковой поляне. В тот день они с Аней Ноздрачевой и еще одной девочкой пошли погулять в горы, немного заблудились, вымокли под дождем и очень кстати наткнулись на нашу палатку, где их ждал горячий примус и чай. Надо сказать, в ту экспедицию Аня проявила удивительную склонность к различным блужданиям, но об этом я расскажу еще далее.

В общем, мы поднялись с детьми до грота на третий день. Рано утром я побежал вниз встречать основную группу. Подъем в тот раз тяжело дался всем. То ли действительно было много груза, то ли он был неравномерно распределен, но вымотались все. Лишь мне да Мише Ноздрачеву было полегче, так как к тому времени мы успели пройти отличную акклиматизацию. Как это ни удивительно, легче всего поднялись дети - вопреки всяческим опасениям и предсказаниям бабушек в Москве. В конце концов, на пятый день после отъезда из Москвы весь груз и почти все участники экспедиции были наверху. Как это всегда у нас бывает, личное снаряжение, конечно же, в Москве подготовить не успели; поэтому на следующий день наш лагерь являл собой интересное зрелище: везде кучи снаряжения и барахла, все что-то шьют, обсуждают покрой и оптимальный размер каких-то лифчиков. Саша Дехтяренко (наш завхоз) скрылся за горой продуктов и весь день что-то сосредоточенно взвешивал, перебирал и раскладывал по мешочкам. Илья Костенчук делал то же самое со снаряжением. И среди всего этого хаоса бегали и визжали обалдевшие от предоставленной им свободы дети. В пещеру смогли выйти только к вечеру следующего дня.

У меня и у Ани Ноздрачевой первый выход был акклиматизационным - топосъемка входной части. Мы вышли несколько позже основной группы, и все же, когда спустились во входной колодец, оказалось, что ребята еще делали навеску в зал Интеллигентов. На дне входного колодца мы просидели больше часа, у ребят что-то не клеилось, а тем временем наверху уже стемнело. Стало ясно, что с топосъемкой сегодня ничего не получится. Мы с Аней вышли наверх и отправились в лагерь. Естественно, мы заблудились: был туман и дорогу я запомнил плохо, к тому же над Аней в то лето витал злой рок: каждый раз, когда она шла куда-нибудь и, главное, с кем-нибудь, то обязательно более или менее основательно "блудила". Мы заблудились скорее более, чем менее. В темноте все бугры и горы казались абсолютно одинаковыми, и мы шли, придерживаясь примерно правильного (как нам казалось) направления, пока не уперлись в крутой и высокий склон. Я почему-то был уверен, что наш лагерь находится за этой горой, поэтому Аню я оставил внизу, а сам полез в лоб по склону. После первых же метров я понял, что сделал большую ошибку, решившись на такой подъем, но отступать не хотелось, и я упорно лез "вперед и вверх, а там..." "Там" я увидел наш костер и даже поговорил с ребятами, как лучше к ним выйти. Как я спустился к Ане, не помню. Но почему-то я никуда не свалился, не скатился и ничего себе не поломал. Самое удивительное, что когда мы стали обходить этот проклятый склон, то опять потеряли верное направление. В конце концов, мы решили плюнуть на все и немного понюхать романтики -

встретить рассвет в горах вдвоем. (Вот только не очень-то способствовали этому мокрые комбинезоны.) Но даже из этой затеи ничего не получилось. В самый разгар кайфа явился грозный муж - Миша, который, вернувшись в лагерь из пещеры и не застав Аню на месте, почему-то не стал дожидаться спокойно солнышка и Ани, а отправился на поиски, очень быстро увенчавшись успехом.

Это небольшое приключение слегка задержало выход следующей группы навески, которая состояла из Шакира, Дехтяренко и меня. Мы должны были навешивать колодец Добрый и дальше (если сможем) и транспортировать мешки. Очень яркие воспоминания у меня остались от “Колодца с пером”. В нем лестницу повесили на противоположной стене и надо было делать широкий (1.2 метра) шаг над колодцем. Я долго топтался перед этим колодцем, ощущая неприятную дрожь в коленях (все-таки сказался большой перерыв в занятиях спелеологией), наконец, как-то перебрался на другую сторону и спустился. В Добром колодце навеску делал я. К этому времени я освоился в пещере, и когда, спустившись на уступ, увидел, что самое удобное место для шлямбурного крюка на противоположной стене, без особых колебаний встал в чрезвычайно неудобный распор над колодцем и начал вбивать крюк. На следующем уступе ситуация в точности повторилась, только там еще была расклиненная глыба, и одной ногой я стоял на ней (впоследствии эту глыбу столкнули вниз, и сейчас уже свежему человеку абсолютно непонятно, как можно было вбить крючья в стене, к которой невозможно подступиться). Естественно, что с такой оригинальной навеской мы провозились довольно долго, поэтому ничего больше сделать не успели и начали подъем.

Наверху тем временем жизнь шла своим чередом. Благодаря присутствию множества женщин и детей в лагере были уют и семейная идиллия. Регулярно совершались экскурсии по близлежащим достопримечательностям, периодически из Москвы подъезжали новые люди со свежими новостями и продуктами, настроение было самое благодушное - в пещеру лезть не хотелось. А работа в ней все еще продолжалась. После того как Дима Китаев с Илюшей Костенчуком провесили часть каскадов, вниз пошла наша двойка (Миша Коротаев и я). Мы окончили навеску известной части и начали первопрохождение. Впрочем, фактически первопрохождение шло уже давно, так как на каскадах предыдущая экспедиция под руководством Чеботарева топосъемки не делала, а ту схему, которые они нарисовали по памяти, Юра Шакир благополучно оставил в Москве, поэтому много времени уходило на подбор длин лестниц и веревок. Мы с Мишей остановились у глубокого колодца (нам он показался порядка 80 м), куда довольно сильно шла вода. Здесь мы сняли майскую записку Чеботарева и пошли наверх.

Конечно, событиями с моим непосредственным участием, о которых я в основном повествую, жизнь экспедиции не исчерпывалась. Одновременно с ними шла большая работа: Костя Фирсов с маленькой группой доканчивал пещеру Неоконченная, Саша Вульф, Саша Филин, Саша Дехтяренко, Леша Мамаевский делали топосъемку навешенной части и тянули телефон, Михалины и Косоруков все еще добирались из Москвы. В общем, все были чем-нибудь заняты, хотя все-таки выдавались небольшие промежутки времени, когда в пещере никого не было.

Кстати, о телефоне. В этой экспедиции мы впервые решили использовать армейские телефоны ТА-57. Как известно, вызов в этих телефонах производится вращением специальной ручки; при этом вырабатывается довольно высокое напряжение. Когда наверху кто-либо “делал вызов”, то тянущие связь телефонисты, висая в колодце на веревке, энергично мотались от стенки к стенке, пытаясь освободиться от привязанной к ним катушки с проводом - их било током даже несмотря на резиновые перчатки. Особенно интересно было покрутить ручку вызова, когда из пещеры разговаривали по круглому “усиковскому” телефону, в котором человек является заземлением. В таком случае разговор резко прерывался, и через некоторое время голос в трубке озадаченно произносил: “Ты знаешь, меня что-то током бьет”.

Конечно, это были всего лишь милые шуточки, а в основном телефон работал по своему прямому назначению, передавая сообщения о погоде, планах и действиях на земле и под землей и обеспечивая тем самым безопасность работы. Кроме того, благодаря ему живущие в подземном лагере не чувствовали себя одиночными и оторванными от всего мира, а их жены и дети на поверхности - покинутыми и брошенными. Однажды ребята внизу так ув-

леклись общением со своими семьями, что по окончании связи забыли переключить свой аппарат с передачи на прием, и присутствующие в дежурной палатке получили редкую возможность послушать разговор настоящих мужчин между собой в тот момент, когда они находятся одни.

Но вернемся к нашему рассказу. Итак, мы с Мишей остановились на глубине около 340 метров. К этому моменту стало совершенно ясно, что без подземного лагеря штурм будет продолжать тяжело. Пещера оказалась довольно суровой: много навесок, частью весьма нетривиальных; после 150 метров начинается вода (работа только в гидрокостюмах) и чем глубже, тем воды больше; пещера холодная - температура +4°C и ощутимый сквозняк. До глубины 340 метров уступы шли один за другим, везде вода, никаких сухих галерей и площадок - словом, места для лагеря не было.

После того как мы с Мишей поднялись наверх, вниз пошли Илья Костенчук с Димой Китаевым. Они навесили только тот большой колодец, перед которым остановились мы, но когда Дима начал спускаться в него, оказалось, что до дна лестницы не хватает, поэтому, поднявшись наверх, он выбрал лестницу, подцепил к ее концу еще одну и просто скинул все это вниз.

На смену Диме с Илей подошли я и Миша Коротаяев. Основной нашей задачей на этот раз было найти место для лагеря, мы несли с собой 7-8 мешков со снаряжением и лагерьным имуществом и должны были идти до упора, то есть до лагеря. К этому времени у меня и у Миши сложилось резко отрицательное отношение к пещере. Сейчас мне даже трудно найти этому объяснение. То ли это было внутреннее недовольство недостаточно четкой организацией штурма, то ли в пещере не попадалось пока ничего приятного для глаза. Все время спуска мы с Мишей поливали пещеру очень нехорошими словами, самым мягким из которых было “мерзопакостная”. Внизу же мы дали друг другу клятвенное обещание, что это - наш последний выход (в силу некоторых обстоятельств я должен был спускаться к морю, а у Миши была голубая мечта: побродить по поверхности). Что касается меня, то я свое обещание (по крайней мере, в ту экспедицию), выполнил, а Миша точно такие же клятвы давал еще два раза, на разной глубине и в разных компаниях.

Однако мы снова отклонились от основной темы нашего повествования. Первым в неизвестный колодец начал спускаться я. Достигнув дна, я увидел, что если преодолеть небольшой гребешок (около 3 метров высотой), то можно совсем уйти от дождя. После этого попадаешь на наклонную плиту, которая на другом конце обрывается вниз. Я попытался передать хотя бы часть этих сведений Мише наверх, но на все мои крики слышал только “Пав-та-ри-и-и!!!”. Это “павтари” звучало так оглушительно, что у меня звенело в ушах. Как оказалось, акустика этого колодца такова, что, находясь на одном его конце, абсолютно не понимаешь, что кричат с другого, хотя очевидно, что кричат громко. И потому колодцу дали название “Серенад”.

Итак, я сидел внизу, Миша наверху, и он меня не понимал. Я взобрался на гребешок, и тут у меня погас свет. Как и положено, он погас в самый неподходящий момент, когда я стоял одной ногой на верхушке гребня, а вторая нога там не помещалась. Все попытки объяснить ситуацию Мише, как легко догадаться, кончались одинаково: в ответ оглушительно гремело “Пав-та-ри-и-и!!!”. Я понял, что дальнейшие испытания голосовых связок могут отрицательно сказаться на моем неустойчивом равновесии. Поэтому я сел на гребень и стал пытаться наощупь починить свет (запасной источник света, естественно, остался у Миши в транспортном мешке). Миша попытался выяснить, что со мной случилось, но я упорно молчал. Тогда он стал действовать сам (на что я и надеялся).

Сначала он начал спускать мешки. Но еще во время своего спуска я видел в середине колодца небольшой уступ, и мешки ложились на этом самом уступе. Мне это было ясно, а Мише нет. Он с надеждой в голосе кричал: “Дошли?”, — на что я, стараясь не шелохнуться, неизменно отвечал: “Нет!” — и продолжал ремонт фары (она лежала в это время у меня на коленях в разобранном виде). Миша снова принимался дергать веревку, и все повторялось сначала. Я попробовал объяснить ему, чтобы он спускался вниз на уступ и скинул оттуда мешки, но в ответ, естественно, услышал только: “Повтори!”. Наконец, Миша понял бес-

плодность своих попыток сдернуть мешки с уступа с помощью веревки и спустился на него сам.

Дальше все пошло как по маслу. К моменту его спуска на дно колодца я уже починил свой свет. Мы двинулись вниз по наклонной плите, прошли еще один неглубокий колодец и попали в узкий зальчик. Палатка могла втиснуться сюда лишь с трудом, зато зальчик был сухой, в нем почти не капало - вся вода шла другим путем. Это обстоятельство нас очень обрадовало, так как основная задача нашего выхода (да и всей экспедиции, пожалуй) - найти место для подземного лагеря - была выполнена. Однако нам хотелось знать, что же дальше. Мешки и личное снаряжение мы оставили в зале, а сами пошли вперед.

С этого уровня (глубина порядка 400 метров) характер пещеры резко изменился. Ход сузился до полуметра (а кое-где еще меньше) и стал горизонтальным. Мы протискивались по этому ходу до тех пор, пока не стало совсем узко, после чего наш энтузиазм начал иссякать. Выход длился уже довольно долго, мы порядком устали и к тому же свою основную задачу выполнили. Поэтому дальнейшее первопрохождение мы оставили следующей группе, а сами начали подъем.

Итогом экспедиции в целом стало прохождение пещеры до глубины 470 метров. После отметки 400 метров было еще три отвеса по 10-15 метров и примерно 150 метров узких горизонтальных ходов. Подъем наверх оказался довольно тяжелым, выемка снаряжения и оборудования подземного лагеря с 400 метров длилась около трех суток (для сравнения, в летнюю экспедицию 1981 года выемка с 520 метров заняла 21 час). Правда, здорово помешал паводок, который застиг в пещере две группы. Вот как рассказывают об этом событии очевидцы:

—“Поднимаясь на поверхность, мы остановились у “Райских ворот» (глубина 180 метров) отдохнуть и поесть. Еще внизу мы обратили внимание на периодические изменения в журчании ручья, заподозрили неладное и поэтому очень спешили добраться до “Райских ворот”, где ручей течет в стороне. Здорово устав, залезли под полиэтилен, достали перекус. Сидим, жуем, пьем и слушаем ласковое журчание ручья. Вдруг как будто наверху стали быстро отвинчивать кран. (Юра Шакир сказал, пожалуй, точнее: как будто ручку дернули.) Шум воды резко усилился. В один и тот же момент наши челюсти прекратили жевать, мы обалдело посмотрели друг на друга и через мгновение выскочили из-под полиэтилена к ручью. Теперь он представлял собой ревущий водопад. Мы искренне пожалели Юру Косорукова и Диму Китаева, которые десять минут как ушли вниз. Как позже выяснилось, в этот момент Юра начал спускаться в Трехгранный зал. Услышав наверху шум, он выскочил обратно в таком темпе, что если бы он был нормативным, в секции МГУ давно уже не осталось бы ни одного члена. На “Райские ворота” тоже обрушился сильный дождь. Продолжать отдых было тоскливо, и мы поспешили на поверхность.”

В заключение несколько слов об общем впечатлении от экспедиции. Если говорить откровенно, впечатление это не очень-то хорошее. Делали мы все медленно и не придерживались графика, не было организовано четкой сменности, как следствие — низкая производительность. В общем, лично мне в этот раз пещера весьма не понравилась. Надо сказать, и не только мне. Ребята, вынимавшие снаряжение на последних 100 метров, так обрадовались, когда все оказались на поверхности, что громогласно и с большим чувством исполнили на все ущелье известную песню “Как по нашей речке плыли две дощечки...” (благо в ущелье никого не было). Последняя выемка была произведена так стремительно, что когда появились ребята, пришедшие из лагеря на помощь, все снаряжение уже было уложено в рюкзаки.

Резко противоположное впечатление произвела на меня экспедиция следующего лета: после августа 1981 года пещера С. Меженного предстала передо мной совершенно в другом свете. Сейчас я могу сказать, что такой великолепной — суровой, но прекрасной — пещеры я еще не видел. И я бы много дал, чтобы еще раз иметь возможность совершить в ней первопрохождение.

осень 1981 г.

ТРОПА К ПЕЩЕРЕ МЕЖЕННОГО

Александр Михалин

Решающей предпосылкой экспедиции в пещеру Меженного зимой 1981 года явился выезд в ту же пещеру зимой 1980 года четырех человек, которые по возвращении поведали всем, что зимой на Хипсту идти можно и в чем-то даже лучше, чем летом, но... Дальше следовало леденящее кровь описание суровости зимней жизни на высоте 2000 метров. “У-у-у! Вью-ю-ю!” Словом - ужас!

Это оказалось как раз тем, что нужно. Наконец-то после долгого застоя и всяких там увеселительно-развлекательных поездок в Крым и Амткел у секции появилась настоящая суровая пещера, причем, как выяснилось, лучше ехать туда зимой - и для пользы дела, и для пушного суровизма.

В подготовке к экспедиции столкнулись два начала, что, по-видимому, вполне в духе секции. С одной стороны, хотелось все сделать на самом высоком уровне. Так, например, в отношении жизнеобеспечения под землей за основу была взята прогрессивная система модулей Усикова-Морозова, улучшенная за счет более рациональной и разнообразной раскладки. Веревки были смакированы наиболее компактным способом так, что вся навеска пещеры, включая лестницы и веревки на первопрохождение, уместилась в шести мешках. Сами мешки были сделаны из прорезиненного капрона — легкие, ненамокающие, прочные. Горючее и батарейки были самыми модными — ”гекс” и 145у, и так далее. С другой стороны...

Итак, сдав госэкзамены, геологи — основная сила нашей экспедиции, ощутили настолько сильный зуд в плечах, что, не дожидаясь пятницы (намеченный срок выезда), вчетвером: Мартынов, Лосев, Лазарев, Железнова - прихватили весь груз и уехали в Гудауту, назначив встречу у Лужи с головастиками. Как ни странно, так оно и произошло. Когда шестерка остальных (Михалин, Ноздрачева, Железнов, Крот, Тимин, Панюшев) почти налегке (по 30 килограммов) подошла к Луже, сверху, широко расставив ноги и издавая подбадривающие клики, на них взирала передовая группа. За двое с половиной суток она донесла весь груз до Лужи, а Лосев даже зашел еще дальше — отправился топтать в снегу тропу к Ущелью, прихватив, не бегать же пустым, три мешка килограмм так по десять. Пока вновь прибывшие ели и слушали устный отчет А.Галанцева, недавно вернувшегося из Амткельского лагеря, спустился Лосев, который после долгих поисков нашел-таки Ущелье и проложил туда путь. Народ начал суетиться и разбирать вещи, отделяя совершенно необходимые, которые следовало оставить в лагере, от просто необходимых, которые можно было оттащить наверх. Тем временем пошел снег. Картина трудового энтузиазма радовала глаз: снег валит, а люди все копошатся, чего-то там пихают, привязывают, словом — работа кипит.

Несмотря на снег, к Ущелью подошли довольно быстро и тут только оценили работу Володи Лосева. Дело в том, что без тропы по свежевыпавшему снегу с грузом идти совсем невозможно, а налегке — всего лишь очень плохо. Тогда, оставив часть мешков, мы выстроились в длинную очередь за первопроходцем, идущим без груза, который должен был через некоторое время уступать место другому и уходить в конец. Нельзя сказать, что такая тактика себя оправдала. Скорость первого настолько мало отличалась от нуля, что очередникам, чтобы не стоять со станком, приходилось после каждых тридцати секунд “гонки за лидером” снимать его и минут пять “отдыхать”. Короче, к концу дня кое-как прошли треть пути до грота и быстро побежали вниз к палаткам.

На другой день картина передвижения повторилась, но уже с участием двух женщин и с вдвое большим количеством груза. Последнее, впрочем, позволяло “очереди” не замерзать, поскольку пока там “эти” топчут тропу, можно сделать вверх-вниз по три ходки. Так и шли до вечера.

Чтобы поставить палатки, пришлось выкопать ямы метровой глубины и затем ногами утоптать их до полутора метров. Только тогда снег стал достаточно твердым. Все промокли. А снег все шел. Шел он, наверное, и всю ночь, поскольку утром “потолок” одной из

палаток опустился настолько низко, что в точности повторял очертания лежащих в палатке тел. С великим трудом выбравшись, Михалин прошелся лопатой по телам, прикрытым тонким (правда, двойным) слоем ткани, и палатку кое-как снова поставили.

Утром снег все еще падал. Вещи, намоченные вчера и затем замерзшие, превратились в броню. Моральных сил идти не было. Ну что ж, пусть будет дневка — награда за хорошую работу. Как назло, к полудню снег тоже решил устроить дневку и пропал. Даже выглянуло солнце (кстати, в последний раз). Лагерь выглядел живописно — из ям глубиной уже до двух метров торчали коньки палаток. Куда-либо отойти было совершенно невозможно, за исключением вчерашней тропы, которую удалось восстановить на протяжении двадцати метров. Так вот и жили в этот день. А на следующий день “чуть свет”, часов эдак в 10, ударная группа вышла “тропить” и к тому времени, когда все встали, отошла уже на 30 метров, а к завтраку - на все 100; поэтому, хотя всем в ударной группе был выдан сухой перекус, каждый из них успел сбегать в лагерь и позавтракать горячим.

День выдался неплохим. Без особого труда мы перенесли весь груз к гроту, выкопали ямы, поставили палатки и даже протоптали тропу до перевала. В этот день впервые были опробованы снегоступы. Без груза в них вполне можно ходить, проваливаясь не более, чем Андрюша Лазарев, когда идет налегке, то есть довольно незначительно.

Энтузиасты вроде Тимина прихватили из Ущелья дрова, так что вечером мы баловались живым огнем, а не бледными язычками гекса. Как и во все предыдущие дни благие пожелания о том, что хорошо бы лечь спать пораньше, чтобы пораньше завтра выйти, сами собой ушли на второй план, уступив место вечернему циклу песен, благо гитаристов вполне хватало. Более того, на гитару был даже, можно сказать, конкурс. Бог с ней, с дисциплиной, если еще полчаса назад мокрые и замерзшие люди копали снег и таскали мешки, а сейчас, забыв все, сидят в теплой палатке, варят кашу и поют.

Наутро снегопада не было. Мартынов и Лосев, один в снегоступах, другой в сапогах, ушли тропить дальше. Остальные свернули лагерь и потащили вещи по тропе. К вечеру группа сильно растянулась, впереди неизвестно где шли троподелы, затем - девочки с рюкзаками. Они были призваны доводить тропу до кондиции. За ними следовали Михалин, Панюшев и Крот. Остальные шли еще дальше.

Из воспоминаний Димы Панюшева: “Вижу тропу. По ней идет Аня и проваливается — удивляюсь. За ней идет Таня и проваливается еще глубже. Ну и ну! Дальше идет Михалин и ... черт возьми! — проваливается! Ну хоть теперь-то тропа есть? Иду по следам и тоже проваливаюсь.”

На перегибе большой балки дул сильный ветер. Помимо обычных неприятных ощущений он нес поземку, которая за считанные секунды полностью заметала тропу. Тот, кому удавалось угадать место, где она была, проваливался по колено. Все прочие проваливались по пояс и ползли далее на коленях. Особенно тяжело пришлось девочкам. Слышимость отсутствовала, и чтобы их остановить, Михалину пришлось гнаться за ними, что оказалось нелегким делом. Когда же беглянки были настигнуты, Аня отказалась остановиться: дескать, лучше упасть от усталости, чем дрожать от холода. Лишь после того, как им была выкопана яма для защиты от ветра, девочки угомонились. Скоро вернулись и Мартынов с Лосевым. Было решено остановиться в ста метрах от пещеры, поскольку уже начинало темнеть. Девочки, Панюшев и Железнов стали заниматься ямами для палаток, а остальные пошли во вторую ходку (Лазарев, Тимин, Галанцев вышли при этом уже затемно). Палатки ставили с большим трудом - пальцы ворочались плохо, колья в рыхлом снегу не держали. Вообще, это был, пожалуй, самый трудный день, и тем приятней было потом забиться всем в одну палатку, разжечь гексовое подобие костра и поорать: “... еще не вечер...”

Утром Панюшев отправился заниматься “своим делом” — пробивать входную пробку в пещере, а все пошли за оставленными мешками и стали перетаскивать вещи к пещере. За час работы Дима сделал проход, и во второй половине дня мы начали спускать мешки вниз. В зале Интеллигентов и на проходе к колодцу со щелью были выровнены две площадки под палатки. В проходе место сухое и безопасное, в зале — камнепадное (а также каплепадное и сосулькопадное). Для защиты от камней, летящих из-под ног по осыпи на палатку, пришлось соорудить дамбу из станка и транспортных мешков. После установки лагеря все

собрались в “командирской” палатке и выработали тактический план, расписанный по часам на трое с половиной суток вперед. Он был выполнен довольно точно. Например, Ане сказали, что группа вернется через двое суток в 9 часов вечера, и она приготовила к этому времени ужин, который не успел даже остыть: группа действительно вернулась в 9 часов.

Коротко говоря, за трое с половиной суток была навешена вся пещера, сделано первопрохождение до глубины 530 метров и вынута все снаряжение. Обошлось без непредвиденных задержек и неприятностей. Новички (Тимин и Галанцев) работали, во всяком случае, не хуже “стариков”. Следует сказать, что после недельной заброски по снегу и под снегом прохождение пещеры не произвело особенно сильного впечатления.

Житье в зале Интеллигентов тоже можно считать вполне сносным. Особенно славно было слушать, как из палаток разносился по пещере звук гитары и рев: “... На бордаж!!!”

Там же, под землей, мы освоили питание с вдвое меньшим количеством ложек, чем число кушателей. Кастрюля с кашей ставится в центр круга. В нее втыкаются ложки. Каждый, зачерпнув каши, быстро отправляет ее в рот и на время разжевывания ставит ложку обратно, занимая ее, таким образом, приблизительно на одну четверть времени еды. И все остается довольными и сытыми.

Свертывание лагеря и выход на поверхность заняли 12 часов. Особенно тяжело пришлось при выемке из входного колодца. На “улице” -20°C, снег, в колодце ледяной ветер.

Наверху стояли Мартынов, Лосев и Железнов. Поскольку колодец не прокрикивался, они убедительно просили Панюшева, стоящего посередине колодца, передать вниз Михалину, что он... и пусть... цепляет эти... мешки. Панюшев полностью присоединился к мнению товарищей наверху и, присовокупив ..., передавал их слова вниз Кроту. Однако Саша из природной деликатности передавал вниз лишь просьбу прицеплять мешки поскорее.

Самое веселое началось, когда вверх начали поднимать мешки от станков, которые, как выяснилось, проходят во входную щель лишь вниз, да и то после удара ноги. Вверх большинство из них проходить отказывалось, что вызывало дополнительные затраты усилий и ... у Мартынова и К°. К четырем часам утра вылезли все. Тем временем передовая группа уже ушла вниз. Оказалось, что вниз вполне возможно идти и без тропы. При этом у каждого был свой способ спуска: кто делал длинные шаги, кто ехал сидя, а кто катился кувырком. В конце концов все собрались в Ущелье. Был съеден последний перекус, и народ повалил вниз. У Лужи голод догнал нас и заставил поедать смесь из сухарной крошки, зеленого сыра и топленого масла, да еще мычать от удовольствия.

По мере спуска погода становилась все лучше. Снегопад постепенно вытеснялся голубым небом, и когда мы подходили к кошу, светило солнце. Дальнейшая схема всем знакома: мытье в речке (роднике) — еда — вечер песни — сон — еда — дорога в Сухуми — три часа на откуп — дорога в Москву.

осень 1981 г.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ СНЕЖНАЯ

Татьяна Немченко

КРАТКАЯ СПРАВКА. Пещера Снежная открыта в августе 1971 года. Имеет глубину 1370 метров, суммарная длина ходов около 20 километров. Расположена на Западном Кавказе в одном из отрогов Бзыбского хребта в толще рифогенных юрских известняков. Два ее входа находятся на высоте около 2000 метров над уровнем моря. С плато открывается прекрасный вид на Черноморское побережье Кавказа от Нового Афона до мыса Пицунда. К пещере можно пройти по 15-ти километровой скотоводческой тропе от абхазского села Дурипш. Большая часть тропы идет по вековому буковому лесу.

ПРЕДЫСТОРИЯ. Спортивная спелеология возникла в СССР в начале шестидесятых годов практически одновременно в Крыму, на Урале и в Красноярске. В начале семидесятых годов только в Москве активно функционировало около десятка официальных спелеологических коллективов: около 50 человек при клубе туристов (так называемая «городская секция»), примерно столько же при Московском государственном университете (МГУ), более малочисленные группы были при других крупных институтах, существовало несколько секций при крупных предприятиях. Еще около десятка групп, обычно небольшой численности - до 10 человек - представляли собой частный сектор, не получая субсидий ни от каких организаций.

Спортивное освоение Кавказа началось с очень перспективного в спелеологическом отношении Гагринского хребта. Но вскоре его исследования замерли почти на 15 лет, так как в 1964-68 годах было открыто около 10 крупных пещер (до 500 метров глубиной), компактно расположенных на невысоком, но легко доступном хребте Алек вблизи курортного города Сочи, и сильнейшие спелеоклубы СССР, следуя свойственному человеку чувству стадности и моды, по четыре раза в год ездили на этот малый клочок огромного пространства Кавказских гор. Однако к концу шестидесятых интеллектуальные умы стали проявлять интерес к рассказам туристов-горников и обнаружили, что, по-видимому, известняковые хребты (и очень высокие!) существуют почти по всему периметру главного Кавказского хребта. Фольклор был главным источником информации: топографические и географические карты в те времена были секретными.

ЭПОХА МГУ В ИССЛЕДОВАНИИ ПЕЩЕРЫ СНЕЖНОЙ. В спелеосекции МГУ всегда мечтали найти пещеру «до центра Земли». В 1968-69 годах, после небольшого перерыва (вызванного гибелью руководителей секции Алексинского и Алексеевой), снова началась подготовка к первопрохождениям. Обучением новичков и выбором района поиска руководил Михаил Зверев. К выбору района решили подойти научно: сначала узнать о местах залегания известняка и перспективности карста с точки зрения образования пещер, а затем изучить отчеты туристов-горников о путешествиях по наиболее подходящим районам. Научным руководителем секции пригласили Н.А. Гвоздецкого - преподавателя на кафедре физической географии МГУ, известного ученого-карстоведа. В предложенном им списке был и Бзыбский хребет. Мусе Григорян поручили просмотреть отчеты в библиотеке туристского клуба Москвы. В одном из отчетов о путешествии по Бзыбскому хребту она прочитала: «На Дурипшском перевале маршрут затрудняли многочисленные воронки». Это определило выбор, и в августе 1971 года группа студентов МГУ во главе с Михаилом Зверевым выехала в Абхазию.

Поначалу экспедиции пришлось задержаться в самом селе Дурипш. Дело в том, что в селе было много воронок, каждый житель гордился пещерой, находящейся на его чайном поле, и требовал должного внимания. После изучения Дурипшского плато стали подниматься по каньону бурной реки Хипсты в горы. На высоте 1800 метров появились альпийские лу-

га и карровые поля. Склоны были усыпаны воронками и провалами. Это был настоящий пещерный Клондайк! В течение недели были открыты десятки глубоких пещер от 100 до 250 метров.

Из группы выделился поисковый отряд (Коля Чеботарев, Таня Гужва, Володя Глебов и Таня Рябухина), который занялся изучением западного склона хребта, называемого Хипстинским урочищем. Вход в будущую пещеру Снежная увидели еще с перевала. Это была гигантская воронка, казалось, наглухо забитая снегом. К счастью, пошел дождь, Таня Гужва нырнула под козырек стены и увидела небольшую ямку в снегу. Володя Глебов начал раскапывать ямку и прорыл ход до противоположной стены воронки, а затем назад и так до тех пор, пока не докопался до отвеса, в который по неосторожности и упал. Выбравшись под восторженные крики товарищей, он сразу же побежал к Мише Звереву на Дурипшский перевал за гидрокостюмом.

На следующий день Володя Глебов и Коля Чеботарев, вырубая огромные ступени в снегу, спустились почти на 200 метров вниз и остановились перед обрывом в никуда: внизу как будто шумела капель, но камень падал в беззвучную пустоту. Теперь уже Коля побежал к Мише Звереву за веревкой.

Что там, в темноте: на дне колодца, за поворотом, в дальнем конце зала? Этот вопрос возвращает спелеолога, ступающего там, где до него не ступала нога человека, на пол тысячелетия назад в век Великих географических открытий и заставляет забыть если не обо всем, то о многом... Была непогода, кончались продукты, (подходил конец экспедиции), но МГУ-шевцы уменьшили рацион и начали исследование Снежной.

Приняли решение — немедленно перенести весь лагерь экспедиции к пещере. На следующий день теперь уже все спелеологи МГУ толпились у входа. Открытия продолжались. Оказалось, что на дне колодца, который еще вчера казался бездонным, находится снежно-ледовый конус. Эта крутая ледяная гора под землей была так велика, что свет фонаря терялся в темноте, не освещая ее подножия. Чтобы спуститься вниз, пришлось рубить ступени ледорубом. Ледник, высотой с восьмизэтажный дом, занимал почти весь пол казалось необозримого Большого зала. Только годы спустя, когда в Снежную стали ходить и зимой, выяснили тайну образования этого феномена. Тогда, во время спуска группы спелеологов в Большой зал, на поверхности разыгралась снежная буря. Входная воронка как бункер накапливала снег и по пещере помчались лавины. Все 200 метров вертикальных ходов заполнялись белым туманом снега. Пролетев 200 метров, он с грохотом падал на вершину конуса.

Работа продолжалась днем и ночью, в две смены. Поиски выхода из Большого зала оказались безуспешными. Решено было начать выемку снаряжения. Неудачу Володя Глебов переживал больше других. Он до последнего момента копал в южной, самой дальней от снежного Конуса, части зала, под стеной, куда склонялось пламя свечи. Володя наблюдал удивительную сцену, как глубоко под землей, во мраке вечной ночи, по снежной горе двигалась цепочка огней. Потом один фонарик начал медленно, очень медленно, подниматься; еще несколько звездочек мелькали на вершине горы. Володю стали торопить, он был последним и задерживал экспедицию. Но тут произошло чудо: перед Володей открылся узкий монолитный лаз, плотно забитый камнями и тотчас подул ветер - верный признак того, что впереди лежат большие подземные пространства! Выемка снаряжения была остановлена.

Ликование было всеобщим: за открывшимся горизонтальным узким лазом, тут же названном «Шкуродером», начинался новый колодец.

Уже неделю группа МГУ жила на сильно урезанном пайке. Теперь кончились последние крохи съестного. И только тогда на дне Каролитового колодца на глубине 300 метров Михаил Зверев дал команду об окончании работы экспедиции. Впереди по широкому ходу, названному «Галереей», текли ручьи, вверх и вниз уходили многочисленные колодцы. Здесь на стене галереи Миша укрепил записку, которая потом много лет воодушевляла спелеологов: «Впереди всего навалом!»

Энтузиазм открывателей был необычайным. Уже через два месяца в ноябре этого же 1971 года спелеологи МГУ вновь отправились в пещеру. Склоны хребта уже покрылись свежим снегом. Было холодно. Ко входу с трудом пробивались только через несколько дней. Для

дальнейшего прохождения пещеры несли с собой большой груз снаряжения. Но все вновь изготовленные тросовые лестницы ушли на навеску всего лишь одного колодца. Но какого - глубиной 160 метров!

По этому колодцу лилась вода, работали в гидрокостюмах. Они были тяжелые, из толстой резины и подъем отнимал много сил. Для прохождения Большого колодца в те времена требовалась незаурядная сила и ловкость. К спуску были допущены только мужчины. Чтобы обеспечить связь, на одном из уступов остался Володя Глебов, на другом - Миша Зверев. На дно колодца спустился только один человек - Коля Чеботарев. Здесь стоял грохот падающей воды, который заглушал голоса друзей. Только видны были вверху звездочки фонарей - совсем как звезды родного университета на Воробьевых горах. Так появился на карте Снежной Университетский зал.

У дна колодец расширился в огромный воронкообразный зал. За высокой перемышкой в этом же зале находилось дно какого-то другого колодца, образуя такую же воронку и еще один глыбовый завал. Даже вдали от падающих струй воздух был насыщен мельчайшей водяной пылью. Очевидного прохода дальше видно не было. Встал вопрос, что объявить: идет пещера или нет? От этого зависело годовое напряжение всех сил секции для подготовки следующих экспедиций. Взяв грех на душу, сказали, что пещера идет «ого-го!».

Новая экспедиция МГУ летом 1972 года состояла из 11 женщин и 17 мужчин вновь во главе с Михаилом Зверевым. Еще в Москве была запланирована установка двух подземных лагерей, одного на глубине 200 метров в глухом зале за Шкуродером, второго - на глубине 450 метров, в Университетском зале. Они должны были стать плацдармами штурма глубин.

Разведка в завалах на дне Университетского зала оказалась сложной и часто опасной. В первой воронке под колодцем прохода найти не удалось. Зато во второй воронке Коля Чеботарев пробрался по лабиринтам среди гигантских глыб к ручью, который тек по узкому каньону. Только здесь, впервые в Снежной, встретились в заметных количествах сталактиты. Порожистое русло ручья во многих местах перекрывалось глыбовыми навалами.

Первую группу исследователей, базировавшихся в Университетском зале, сменила вторая группа. Ее возглавлял Галактионов Валера. На долю ребят выпали замечательные открытия. После Второго завала ручей стал падать круче, его каньон стал шире, потолок, казалось, вовсе исчез. Каскады следовали один за другим. Маленькие водопады вызывали восторг у первооткрывателей. Но настоящий триумф наступил, когда Водопадный ручей вдруг впал в большую реку. Ни на одной карте не была отмечена эта река, но она существовала здесь, на глубине 600 метров, в толще гор.

Река вытекала из непроходимого глыбового завала в 100 метрах выше места впадения ручья, и текла по впечатляющему каньону, то спокойно растекаясь по широкому ходу, то обрываясь мощными и живописными водопадами, то пенясь на перекатах и, наконец, разогнавшись по наклонному желобу, исчезала под очередным завалом. Везде в каньоне слышен был шум воды, мощно дул ветер, летели брызги. Кое-кто признался потом, что ему было не по себе от страха, другие уверяли, что у них захватывало дух от восторга.

Все попытки пройти этот пятый по счету завал оказались неудачными и экспедиция на этом закончила свою работу. Главный ее итог - Снежная стала глубочайшей пещерой СССР, а какой спелеолог не мечтает о таком успехе! Всего спелеологами - студентами Московского университета - по итогам этих трех экспедиций было открыто около двух километров ходов. Блестящее достижение!

В последующие четыре года сильнейшие клубы страны один за другим штурмовали Пятый завал. И - безуспешно. Завал этот теперь привычно стали называть дном пещеры. Стало очевидным, чтобы сделать в Снежной решающий шаг, нужен был новый поход, может быть, новая стратегия.

ЭПОХА ЧАСТНОЙ РУССКОЙ СПЕЛЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ СНЕЖНОЙ. Спелеолог из клуба МГУ Миша Ноздрачев, вместе с друзьями разыскивающий летом 1977 года новые пещеры вблизи Снежной, увидел у входа толпу женщин и детей. Удивленный, он подошел поближе. Ага, вот и двое мужчин: москвичи Саша Морозов и Да-

ниэль Усиков. Разговорились. Александр - инженер-химик, Даниэль - физик и математик. Собираются пройти Снежную дальше. Еще должен приехать Владимир Федотов, так что будут работать в пещере втроем. Кто останется наверху? Только жена Даниэля с ребенком. Она будет по телефону сообщать о погоде.

Втроем? В такую сложную пещеру? Это было смело и абсолютно не похоже на традиционно многолюдные экспедиции спелеоклубов. Но и снаряжение у ребят было другое, надежное, легкое. Лестницы, штурмовой шест, дюралевые крючья, капроновая палатка, защитные и гидрокостюмы, - все тщательно изготовлено ими по своим же чертежам. Нетрадиционным был и сам подход к работе под землей: уйти в пещеру на целый месяц, двигаться вниз вместе с лагерем; чувствовать себя в Снежной как дома. Все необходимое для того, чтобы долго жить и работать под землей, было уложено в двадцать пять транспортных мешков.

Это была группа друзей и единомышленников, опытных спелеологов. Спелеологический стаж Даниэля начинался с 1961 года, он участвовал в открытии и штурмах сотен новых пещер Крыма и Кавказа, дважды устанавливая рекорд глубины в СССР. Александр занимался спелеологией с 1965 года, был одержим первопрохождением. Именно в его маленькой квартире изготавливали всю эту гору прекрасного снаряжения. Одних лестниц 450 метров! Он был душой группы. Владимир отличался уравновешенным характером, большой выносливостью и мужским немногословием.

Через неделю спуска достигли Пятого завала и поставили здесь, на самом дне пещеры, лагерь. Лагерь уютный и теплый. Разговоры за чаем, планы, мечты. И уже на второй день исследований внутри Пятого завала Саша, Даниэль и Володя сумели подняться вверх на 60 метров и выйти в просторный зал Надежды. Ощущение было такое, будто ночью вышли на поверхность земли: после тесноты завала - огромный зал.

Где-то очень далеко в глубине зала гремел водопад, и причудливое эхо блуждало под сводами. Но гремела не река: по почти вертикальному каньону с ревом мчался Новый ручей. Из зала вверх уходила анфилада огромных залов, темных, совершенно безмолвных. По ним в конце концов удалось выйти на реку, но как показала топографическая съемка, гораздо выше по течению того места, где впадал Водопадный ручей.

Но где же спуск с Пятого завала? Интуиция! Что же еще может провести спелеолога через лабиринты шкуродеров и хаос глыб? Интуиция и трезвый расчет. Взяв компас и запас батарей, Даниэль один, чтобы максимально обострить восприятие, отправился в казальсье бы уже безнадежные поиски, и вышел-таки в зал Победы. Это был почти двойник зала Надежды. Такой же высокий свод, и пол - круто уходящая вниз осыпь. Сухо, легкий ветерок, ласковый лепет ручья. Это был Эдем для подземных лагерей, стартовая точка для глубинных исследований. Кончилась затянувшаяся спячка Снежной - путь вниз был свободен!

За Пятым завалом река продолжалась: глубиной то по колено, то по пояс, не слишком бурная. Метров через триста, после того как она приняла два крупных притока, ручей Заблуждения и ручей Заячий, русло стало еще более пологим, и следующие триста метров спелеологам пришлось преодолевать высокую воду, иногда - вплавь. Голубая река, заполнявшая все дно широких галерей, делала их необычайно красивыми. Пещера была величественна и спокойна. Спелеологи же, поскольку вода была очень холодная, должны были все время двигаться, а после долгих проплывов согреваться физическими упражнениями. Саша порвал гидрокостюм, но даже угроза переохлаждения не могла заставить его отказаться от открытий.

Но вот рельеф изменился: пятнадцатиметровый водопад и, увы, новый, очень крупный завал. К этому моменту глубина Снежной уже вплотную приблизилась к 800 метрам, а на карту было нанесено около двух километров новых ходов.

Сюрпризы Снежной на этом не кончились. Вернувшись через несколько часов в лагерь, ребята с ужасом наблюдали, как под водой исчезает лагерная площадка и вообще все то, что уже два дня называли «старым дном» пещеры. Вода на Пятом завале поднялась на 15 метров! А ведь прошел далеко не самый сильный дождь.

Через год Даниэль и Александр организовали новую экспедицию. К ним присоединились Виктор Кондратьев из группы «Троглодитов» и Татьяна Немченко из МГУ, так что

получилось две штурмовые двойки: Усиков-Немченко и Морозов-Кондратьев. Разведочный лагерь разбили в зале Победы и приступили к осаде Шестого завала. Каждый шел своим путем. Но удача снова сопутствовала Даниэлю. Через два часа акробатических лазаний в недрах завала перед ним, как всегда под землей, внезапно распахнулись просторы неведомого зала. Это был очень тихий зал. Только редкие удары одинокой капли отмеряли ход времени. Огромные камни образовывали как бы гигантские ступени уходящей вниз лестницы. В глубине зала высилось природное строение: посредине площадки на двух колоссальных глыбах лежала столь же массивная перемычка, напоминая мегалитическое культовое сооружение. Зал так и назвали - «Дольмен».

Следующие за завалом 400 метров река протекала по широкому тоннелю и потому измельчала. Частые глыбовые навалы преодолевались без задержки на поиски. Но вот Снежная пещера одумалась и воздвигла Седьмой завал. Но на этот раз каменный кроссворд был предложен уже опытным игрокам, и, выйдя лазанием метров десять вверх по вертикальной стене, спелеологи оказались в небольшом зале, где со стен падал ручей, а на дне отыскалась сравнительно ровная площадка. Было все, что надо под землей для установки удобного, защищенного от паводков лагеря.

Нижний выход из зала был открыт, надо было лишь спуститься по лестнице на 10 метров на дно широкого каньона. По правому его борту вливались притоки и, как потом оказалось, когда на поверхности идут сильные дожди, эти притоки образуют эффектные водяные завесы.

Река, скрытая завалом, бурлила внизу, а дорога дальше шла слегка вверх по осыпи. Только метров через двести удалось спуститься к реке, к красивому пятиметровому водопаду, низвергающемуся в тесный каменный котел. Здесь каньон реки резко сужался, а расклиненные на разных высотах глыбы образовывали как бы несколько эфемерных ярусов. Река была глубокой. Движения воды почти не ощущалось.

Снежная поднималась в кадастре глубочайших пещер мира выше и выше. Но очень медленно. Все время дорога шла вверх-вниз по завалам как по зубьям гигантской пилы. Только после нескольких часов пути первооткрыватели услышали вновь гвалт и грохот воды, узкий «Каньон» превратился в «Гремящий» зал. Вырвавшись на волю, река неистово билась о камни, отчаянно падала с уступов и неуклонно устремлялась вниз. Куда?

Хорошо промытые камни высоко над водой свидетельствовали о том, что путешествовать по реке в плохую погоду не безопасно. Но о погоде ничего не было известно. У телефониста на поверхности дети абхазских пастухов украли телефоны. Некоторое время положение спасал электронный наблюдатель за погодой. Каждые десять минут в двоичном коде он сообщал сколько стаканов воды дождя проходит через его водосборную воронку. Но несколько дней назад во время очень сильного ливня он «захлебнулся», и что-то испортилось в электрической схеме. Поэтому приходилось постоянно следить за рекой: если вода начнет подниматься, нужно срочно искать пути к спасению.

Наверху была пора осенних гроз, поэтому Александр и Виктор решили свернуть работы и выходить наверх, Татьяна же и Даниэль продолжили первопрохождение.

После Гремящего зала пошли перекаты и быстрины. Река бешено неслась по уступам - шум, пена, брызги. И все время - вниз, вниз! По плану пещера делает здесь крутой поворот. Этот участок реки был назван «Зигзаг Удачи» (во-первых потому, что пещера набирала глубину, и это была удача, а во-вторых потому, что только удача может спасти застигнутого здесь в недобрый час паводка спелеолога). Финальный аккорд участка был просто великолепен. Разогнавшись по наклонному ходу, река мощно обрушивалась двадцатипятиметровым водопадом. Его тут же назвали «Рекордным». Вбить крюк не удалось: молоток сломался и улетел в черноту колодца. Буквально в сантиметрах от пульсирующих струй водопада удалось спуститься вниз на 15 метров. Здесь кончилась последняя лестница, так что полюбоваться снизу всем мощным сливом водопада не удалось.

После столь стремительных открытий казалось, что пещере не будет конца. Решили разбиться на две группы. Летом 1979 года пойдут Даниэль и Татьяна, а Александр Морозов подготовит и проведет длительную зимнюю экспедицию, когда вероятность паводка будет исключена и можно будет работать на предельных глубинах.

Летняя экспедиция началась в июне. Снежники на склонах гор стояли еще только наполовину, поэтому воды в подземной реке оказалось неожиданно много. Там, где раньше можно было идти свободно, теперь приходилось натягивать веревочные перила, иначе невозможно было преодолеть течение.

Наконец, водопад Рекордный. И вот, после года ожиданий, можно полюбоваться им снизу, из небольшого зала. В этом месте река вошла в зону известняковых конгломератов. Цементирующая камни глина была синеватого цвета, поэтому зал казался темным. Вокруг свистел шквальный ветер, насыщенный влагой до предела. Стоял невообразимый грохот. Все вместе производило самое мрачное впечатление. Но вот несколько поворотов и картина, как это часто бывало в Снежной, резко изменилась. Впереди простиралась гладь величественных водных галерей. Ноги приятно слегка утопали в мелкой гальке. Блики от фонарей серебрились, как лунные дорожки на море. Вдаль бежало и замирало гулкое эхо от шагов. Здесь жила первозданная тишина. Отшлифованные водой гладкие стены уходили и терялись далеко вверх. Казалось, все дышало спокойствием. И это было не угрюмое спокойствие подвала. Река и свежий воздух делали это место удивительно живым.

Место очередного лагеря выбрали на глинистой осыпи в 20 метрах над рекой - месте, которое теперь известно как «Глиняный завал».

Спелеолог одинок в своих открытиях и мир, который он открывает, по-настоящему его мир. Мелодия пещеры может быть угрюмой, грозной, радостной, но несомненно одно, для тех кто идет первым, она всегда волнующая. Татьяне и Даниэлю посчастливилось в экспедиции 1979 года открыть около трех километров восхитительных подземных галерей на глубинах около километра. Спелеолог в полной мере понимает, какая это редчайшая удача.

За Глиняным завалом широкое русло реки сначала выписывало зигзаги, а потом превратилось в узкую, шириной меньше метра и прямую, как стрела, щель. И так 100 метров, пока на смену ей на глубине 1015 метров не пришел водопад «Озерный». С десяти метров вода падала в огромное, почти круглой формы озеро. А там, где исчезала пена, посветив фонарем, можно было увидеть сверху черноту воды, пугающую своей бездонностью.

Спустились в озеро и переплыли его. Дальше пошли лагуны, перекаты, мелкие завальчики, быстрины - чего только не было! Наверное, впервые в своей спелеологической жизни Татьяна и Даниэль устали от открытий. Это была «Нудная река». Но Снежная - пещера контрастов. Впереди появился каскад водопадов, каких еще не было до этого. Шум, рев, грохот. Река бьется и петляет среди причудливых зубцов и гребней скал, до блеска отполированных водой. Одним словом, «Ревущий каскад». Теперь с каждым шагом становилось все глубже и глубже. О чем еще можно мечтать? Чудесное место!

Но, как ушат холодной воды на голову: на дне Ревущего каскада возникла глыбовая стена очередного завала. Очевидного прохода не было. Тогда решили пообедать. Но завал не захотел превратиться в ресторан и сдался почти без боя. Пока Татьяна готовила кашу, Даниэль нашел проход среди глыб. За завалом, образуя гигантские ступени над рекой, был новый зал. Зал назвали «ИГАН» в честь института географии АН СССР, под эгидой которого выполнялась научная программа экспедиции.

Река ревела в 30 метрах ниже. Преодолели целый каскад небольших колодцев и оказались в месте, где река, разбиваясь об уступы на тысячи брызг, гигантским душем исчезала в жерле огромного колодца, наверное самого широкого во всей пещере. Даже входной колодец показался бы просто игрушечным рядом с этим исполином. Измерили лотом - глубина была 32 метра. Назвали этот величественный водопад Олимпийским.

Итак, по плану и по результатам синхронного баронивелирования глубина пещеры была уже 1230 метров, а длина магистрального хода приближалась к 10 километрам. Но о своих достижениях в Снежной за последние четыре года спелеологи не могли сообщить ни в печати, ни по телевидению. Дело в том, что был самый расцвет брежневщины. Две организации - «Комиссия спелеотуризма при Центральном Совете по Туризму и Экскурсиям» и «Комиссия по карстоведению и спелеологии при Академии Наук СССР» (и в ту и в другую входили одни и те же люди, а их лидером был В.Илюхин) - в то время поглощали все государственные дотации и, соответственно, узурпировали право делать сообщение об открытиях в пещерах. И хотя все спелеологи СССР знали о последних достижениях в Снежной, но

делали вид, что не знают, а в справочниках, по-прежнему, указывалась глубина 720 метров. Зато летом 1979 года готовилась группа специальных людей, которым предстояло «открыть» самую глубокую пещеру СССР. Популярная в СССР телепередача «Клуб кинопутешественников» должна была сообщать телезрителям об этой «грандиозной экспедиции». Выходя из пещеры Татьяна и Даниэль встретили «официальных» спелеологов, только что прибывших вертолетом. Однако группа «штатных рекорсменов», проявив чудеса мужества, достигла Пятого завала, но так и не смогла найти подъем в зал Победы. Правда это не помешало их руководителям бодро сообщить с экранов телевизоров, что они были первыми людьми, которым удалось выйти в гигантские залы над Пятым завалом. Было торжественно обещано, что уж на следующий год они непременно достигнут километра, так как у них есть предчувствие, что пещера Снежная еще скажет свое слово. Предчувствие их не обмануло. Возмущенные спелеологи всего Союза буквально смели обнаглевшую компанию. После этой не замеченной миром микрореволюции в спортивной спелеологии победило демократическое начало. Подтверждение этому - выдающиеся успехи последних десяти лет. Только глубже километра пройдено пять пещер.

Здесь надо сказать несколько слов признательности бывшему тогда президентом Академии наук СССР А.П. Александрову. Летом 1979 года он поручил Институту географии АН СССР курировать экспедицию Усикова-Немченко, а затем - и Морозова. Благодаря официальной поддержке института и лично президента Академии наук, осенью в газетах «Правда» и «Комсомольская правда», наконец, появились публикации об открытиях в Снежной. На следующий день в редакции газеты «Правда» появился В.Илюхин с официальным письмом в руках, напечатанном на бланке все той же Академии наук СССР, в котором утверждалось, что на самом деле никаких открытий не было. И здесь он получил совершенно обескураживший его ответ от чиновника газеты. На требование опубликовать опровержение ему твердо пояснили (прямо по Жванецкому), что все, что публикуется в «Правде» — правда, а потому опровергать собственно нечего.

В декабре 1979 года по подземной реке Снежной плыл целый караван мешков. У него было семь погонщиков. Ребята не спешили. Спешить было некуда: ведь им в Снежной предстояло провести около двух месяцев.

Зимой до входа в пещеру добираться было труднее: глубокие снега, лавины, морозы. Но зато воды в подземной реке было много меньше, чем летом, до весны исчезала угроза паводка, и работать под землей было намного спокойнее. Достигнув зала ИГАН, половина группы повернула назад. Внизу остались Александр Морозов, Георг Людковский и Всеволод Ещенко. Первыми из людей они спустились по водопаду «Олимпийскому» в зал «Икс», как оказалось, самый большой в Снежной и до сих пор таинственный. Сразу по языку водопада река сквозь сито мелких валунов проваливалась в нижние этажи пещеры. Для человека дороги не было. В глубине зала крутая осыпь переходила в ровный пол. Отложения на песке в этой нижней сухой части зала говорили о том, то иногда здесь образуется обширное, размером в сотни метров, озеро. Зал был слегка вытянутой формы. В дальнем от водопада конце свод сильно понижался. Гул водопада сюда уже не проникал. Но куда же исчезает река?

День за днем ребята проводили в поисках выхода из гигантского сумрачного зала. Даже во сне Александру снился этот неведомый проход. Когда уже казалось, что не было никакой надежды, Саша, наконец, нашел нужное место. Там действительно была щель. Поработали и открылся выход в галерею, снова появилась потерянная в зале река. Она почти бесшумно вливалась в огромный песчаный грот. Это был зал Пенелопы, в честь «терпеливых жен спелеологов» (к тому времени экспедиция продолжалась уже 70 дней). И опять река исчезала, на этот раз под осыпью, густо облепленной глиной. Хотя воздух и дул из щелей, казалось, что пройти, как заключил Саша, «абсолютно невозможно». Но все-таки летом 1980 года Даниэль Усиков собрал для работы на дне группу, в которую вошли спелеологи Татьяна Немченко, Виктор Козлов, Евгений Войдаков, Олег Кабанов и неискушенный в пещеролазании новичок Андрей Дебабов. Очередной завал не устоял перед их дружным натиском. Поднявшись головоломными лазами между монолитным потолком и глыбами на сто (!) метров вверх спелеологи вышли в небольшой зал - зал «Метростроя». Но со спуском к реке возникли проблемы.

Их попыталась разрешить летом 1981 года Татьяна Немченко вместе с Андреем Бижукиным и Владимиром Демченко. С помощью своих друзей они спустились на дно пещеры и провели там 20 дней. Из зала Метростроя удалось пролезть вниз по щелям между завалом и монолитной стеной и выйти в тихий «Песчаный» зал. Из зала был спуск к реке, которая вскоре терялась в завале. Эта точка оказалась на 15 метров ниже зала «Пенелопы». Но куда идти дальше, увы, было не понятно.

Глубина Снежной стала 1335 метров. В последующие годы и до сих пор (до 1989 года) ни одна из экспедиций не смогла спуститься глубже.

ВЕРХНИЙ ВХОД. Вопрос: «Откуда течет вода?», волнует спелеолога не меньше, чем вопрос: «Куда?» Поэтому не удивительно, что после того как исчезает дорога вниз, взоры обращаются вверх, к истокам подземных рек и ручьев.

Призрачный верхний вход — исток подземной реки Снежной — будоражил воображение спелеологов. Первую серьезную попытку выйти вверх по реке предприняли Александр Морозов, Виктор Козлов и Владимир Купцов в начале 1981 года. Спустившись из Анфилады вниз к воде, они стали двигаться вверх по руслу. Через несколько сот метров дорогу им перегородил непроходимый завал. Чтобы отметить это место, ребята сложили из камней несколько больших туров.

Но ведь можно попытаться найти на поверхности новые выходы в Снежную. Летом 1979 года секция спелеологии МГУ организовала поисковую экспедицию. Руководил ею Юрий Шакир. Группа состояла из новичков, которым неведомы были премудрости научной спелеологии. Над наивностью Александра Дегтяренко, разгребавшего камни в абсолютно не перспективном для поиска пещер месте, можно было бы посмеяться, но ... но он раскопал вход в колодец. «Случайность» - решили ветераны. Но вот уже было пройдено несколько узких колодцев, небольшой зал, а пещера все еще продолжалась. Повиснув на последней веревке, Константин Фирсов тщетно вглядывался в темноту. Понять, что там, можно было только спустившись. Итак, 170 метров и продолжение. Шахта получила имя трагически погибшего спелеолога Сергея Меженного.

Зимой 1980 года в новую пещеру выехали четыре разведчика. Александр Михалин, спустившись в загадочный колодец, оказался вверху каньона, по которому тек небольшой ручеек. Несколькими каскадами ниже по течению, в «Трехгранном зале» у ручейка появился жизнерадостный шумный приток. Стало ясно, что открыта настоящая большая пещера.

В мае в горах интенсивно тают снега. Работать в пещерах становится опасно. Но так уж случилось, что именно на начало мая приходятся два праздника (День международной солидарности трудящихся и День Победы), а это значит - два выходных, поэтому сотни спелеологов в это время отправляются на несколько дней в горы. Отправилась в шахту имени Меженного и группа из МГУ. В пещере буквально из каждой щелочки лилась вода. Но Николаю Чеботареву с друзьями все-таки удалось спуститься по многочисленным маленьким каскадам полноводного ручья до глубины 320 метров. Спелеологи остановились у гремящего водопадами колодца с изящными балкончиками - колодца «Серенад».

Летом многочисленная группа университетских спелеологов продолжила изучение пещеры. Приземлившись на дно последнего, четвертого уступа колодца «Серенад», Михаил Коротаяев и Валентин Горбаренко оказались посреди узкого горизонтального хода. Начиная с этого места характер пещеры резко изменился. Большие колодцы исчезли. По узкой галерее, коварным клином сужающейся к ручью, становилось пробираться все труднее и труднее. Но вот в ручей стали впадать все новые и новые притоки, он стал полноводным, а его русло - широким. Преодолев после дна колодца «Серенад» 150 метров, Юрий Косоруков, Илья Костенчук и Михаил Коротаяев достигли глубины 500 метров.

Зимой 1981 года Александр Михалин вместе с друзьями провел короткую трехдневную экспедицию в пещеру. Они обнаружили, что после небольшого колодца на глубине 530 метров ручей исчезает в непроходимой щели. После энергичных поисков нашли над рекой просторный сухой ход. Его изучение Александр продолжил летом вместе с Валентином Горбаренко в составе очередной экспедиции спелеоклуба МГУ. По широкому сухому коридору Саша и Валя дошли до «Развилки». Здесь встречались три хода. По одному они пришли. По

другому ходу, узкой высокой трещине, можно было пройти несколько сот метров вверх по течению крупного притока основного ручья. Третий ход был похож на просторный тоннель метро. Он оканчивался тупиком. Изучение переплетений нижних этажей пещеры продолжили Михаил Ноздрачев и Дмитрий Китаев. Им удалось по узкой щели обойти тупик и выйти к неглубокой, но быстрой подземной реке. Миша не сомневался: это - верховья подземной реки Снежной. Спелеологи устремились вниз, но вскоре дорогу им преградил сифон. Начались поиски обхода. Самым перспективным местом показалась узкая щель, куда ощутимо дул ветер. Но расширить ее не удалось. Была достигнута глубина 570 метров и пройдено около двух километров новых ходов.

Осенью 1982 года к изучению пропасти имени Меженного подключились свежие силы. В экспедиции (руководимой Колей Чеботаревым Всесоюзной спелеошколе Высшей туристской подготовки, во время которой слушателям демонстрировался новый район) участвовали не только спелеологи Москвы, но и Ленинграда, Казани, Уфы, Перми, Чернигова, Хабаровска. Все силы сосредоточили на расширении узкой щели, обнаруженной в пещере предыдущей экспедицией. Она давала шанс на обход сифона. Казалось ни один человек не сможет протиснуться через нее. Но все-таки такой человек нашелся! Им оказался Марс Алтынбаев из Куйбышева. Когда он сообщил, что дальше идет широкая галерея, мощный взрыв энтузиазма со стороны оставшихся по ту сторону щели превратил ее в просторный «Лаз Марса». Открытая галерея шла прямо по направлению к Снежной. Но через 200 метров дорогу снова перегородил сифон.

В марте 1983 года ленинградец Владимир и Олег Демченко вместе с небольшой группой сумел найти обход сифона и продвинуться еще на 220 метров в сторону Снежной. По реке потянулись завалы, один за другим.

Летом Александру Морозову, Аркадию Иванову и Алексею Кореневскому удалось прибавить к исследованной части еще 450 метров галерей. Спелеологи остановились наверху небольшого колодца. На плане обе пещеры, Снежная и имени Меженного, уже пересекались - сказывались погрешности топографической съемки.

Зимой Владимир и Олег Демченко вместе с Алексеем Спиридоновым сразу за колодцем, в который так и не успела спуститься предыдущая экспедиция, уткнулись в завал. Олег Демченко выпустил из рук молоток, и тот, громыхая, тотчас исчез в узких щелях между глыбами. Простить такой расточительности брату Владимир не мог. Пристыженный Олег приступил к поискам молотка. К нему присоединился Алексей. Во время поисков спелеологи наткнулись на узкую щель, протиснулись сквозь нее, еще несколько шагов - и впереди появились большие каменные туры. Две огромные пещеры соединились! Снежная стала на 35 метров глубже и на 5 километров длиннее.

НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СНЕЖНОЙ. В поисках верхнего входа в Снежную в окрестностях вершины горы Хипста, высота которой около 2 500 метров над уровнем моря, открыты десятки колодцев. Самая большая - пещера «Вулкан» - имеет глубину около 300 метров. На очереди соединение Снежной с пещерой «Сувенир», глубина которой сейчас около полукилометра.

Основная разгрузка подземной реки Снежной происходит через источник в долине реки Хипсты. Сюда же выходит вода из глубоких (до 300 метров) колодцев, расположенных в буковых лесах. Может быть, это нижние входы в пещеру?

Флуоресциновый краситель из реки Снежной был обнаружен и во Мчиште. Значит, воды реки, пройдя многокилометровый путь под землей, питают этот крупнейший карстовый источник Кавказа. Сможет ли человек пройти по этому пути?

Что же касается Снежной, то ее облик несколько изменился. Ледник, таявший раньше очень медленно, начал таять интенсивнее. Трудно сказать, то ли это результат естественного процесса, то ли - вмешательства людей. Ледяной пол в зале Гвоздецкого исчез, лишь весной на его месте вырастают гигантские сосульки, а на стенах появляются причудливые кристаллы. Зимой лавины пополняют запас снега. Они также прочно забивают верхние проходы. Новые ходы протаивают заново в самых неожиданных местах, но не каждый год. Иногда спелеологам приходится тратить недели на их раскопки.

Ход, приводящий под свод Большого зала, стал недоступен, зато вдоль стены протаял новый. По нему теперь и сходят лавины. Между старой вершиной Конуса и стеной образовалась перемычка, по которой можно без усилий спуститься к морене. Снежный Конус посерел, утратил свою величавость. Вместе с уменьшившимся Конусом и стены как будто сдвинулись, и даже потолок стал ниже. Впрочем, может быть в этом виноват яркий свет на касках современных спелеологов?

Само путешествие по Снежной уже не является сложной спортивной задачей: изменилась техника, снаряжение, одежда. Проходы через завалы расширены и очищены от камней. До самого дна тянется толстый телефонный провод, указывая, как нить Ариадны, дорогу в завалах. Кое-где постоянно висят веревочные перила и лестницы. Пещера стала доступна всем.

Спортсменов привлекает перспектива посетить одну из сложнейших в СССР пещеру. После нескольких варварских набегов советских и иностранных туристов в первозданно чистых залах появились груды мусора, отходов, карбида. Большой и Университетский залы и зал Победы пострадали особенно сильно.

Вот и вся история.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа над статьей начата по просьбе А.Б. Климчука. А.В. Бизюкин и М.Н. Ноздрачев помогали в сборе материала, а Д.А.Усиков и Н.Г. Чеботарев украсили статью своими замечаниями.

1989 г.